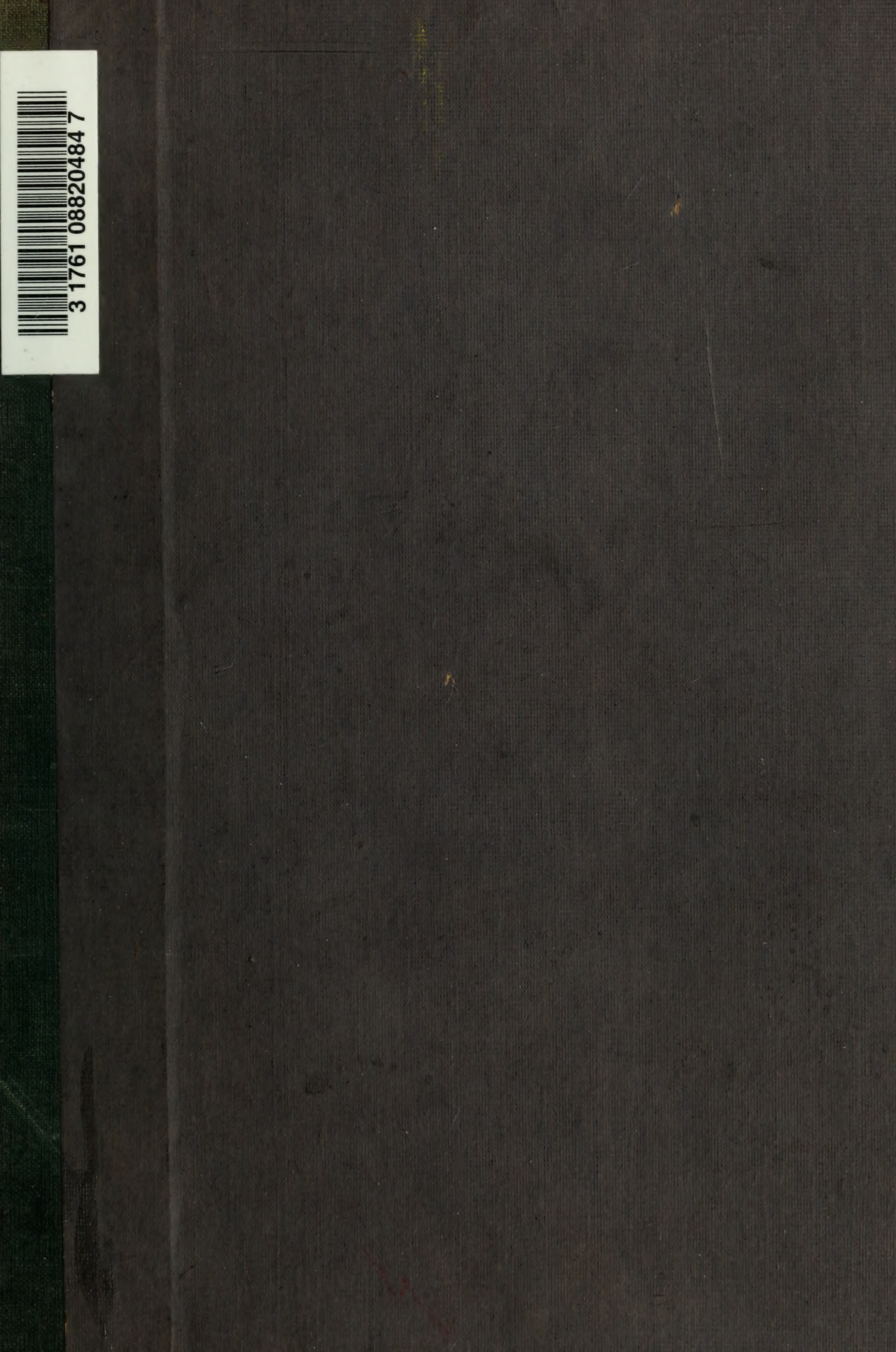

3 1761 08820484 7

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКО-СЛАВЯНСКОЕ ДѢЛО“.

ЗАРЯ

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЫПУСКЪ I

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5
1902

Дозволено цензурой. Москва, 15 февраля 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Гр. Л. Н. Толстой и вопросы жизни.

I.

„Изъ всѣхъ страданій, которыя приходится переживать человѣку, обрекшему себя на жизнь мысли — говоритъ Ренанъ — въ силу именно этой исключительности его положенія, нѣтъ болѣе жестокихъ, какъ чувствовать себя изъятымъ изъ великой религіозной семьи, къ которой принадлежатъ всѣ лучшія души на землѣ, какъ быть признаннымъ за погибшаго человѣка тѣми существами, въ духовномъ общеніи съ которыми именно и хотѣлось бы жить. Велика должна быть увѣренность въ самомъ себѣ, чтобы не поколебаться, когда женщины и дѣти, простирая руки, взываютъ къ тебѣ: о, вѣрь, какъ мы вѣримъ!“... Нѣтъ сомнѣнія, что среди просвѣщеннаго народа чувство несогласія съ мыслителемъ не можетъ принять какихъ-либо грубыхъ формъ гоненія и насилія. Но въ то же время въ народѣ, знающемъ лучшія традиціи національной мысли, не можетъ проявиться и слѣпого, безотчетнаго поклоненія своему выдающемуся философу,— тѣмъ болѣе великій народъ, живущій въ началахъ высшаго религіознаго жизнепониманія, не отступится отъ него во имя одной новизны, авторитетности, шумнаго успѣха обособленнаго ученія.

Первый признакъ культурности—умѣніе понимать *значеніе мысли* и цѣнить ее. Каждая культурная нація гордится своими талантливыми мыслителями, и во всякомъ случаѣ уже

не Русь, святая Русь, въ свѣтѣ любви думающая о каждомъ изъ ближнихъ, презрѣла бы своего родного философа, какъ бы глубоко не разошелся онъ нынѣ съ вѣковою мыслью и вѣрою своего народа. Творческое мышленіе, на много вѣковъ впередъ опредѣляющее направленіе мысли въ области высшихъ предметовъ человѣческаго познанія, во всякомъ случаѣ, очень рѣдкій *даръ немногихъ*, и каждая великая душа звучитъ несравненною, незамѣнимою мелодіей въ чудныхъ созвучіяхъ всечеловѣческой мысли и вѣры. Не къ такимъ ученіямъ, которыя окрыляютъ мысль человѣчества, принадлежатъ послѣднія проповѣди гр. Л. Толстого, — онѣ имѣютъ несравненно меньшее, только временное, хотя и не случайное, значеніе; можно быть увѣреннымъ, что ученіе, аналогичное Толстовскому и разработанное не гр. Л. Толстымъ, не только не имѣло бы такого шумнаго успѣха, но и было бы извѣстно развѣ только тѣмъ, кто спеціально слѣдитъ за философскою литературой. Каждый мыслитель, даже тотъ, кто дѣйствительно открываетъ новыя перспективы предъ мыслью и творческой волею человѣчества, все же въ томъ или иномъ отношеніи отдаетъ дань времени, невольно передавая въ своихъ идеяхъ отзвуки господствующихъ настроеній; тѣмъ болѣе является сыномъ своего времени писатель, идущій въ сферѣ исканія и философскаго творчества по чужимъ слѣдамъ. И, однако, ни эта незначительность оригинальности, ни невинныя заблужденія, ни непростительныя ошибки противъ правды еще не доказываютъ, что мы не могли бы встрѣтить у мыслителя тѣхъ или иныхъ вѣрныхъ и значительныхъ мыслей; и ученіе гр. Л. Толстого, ничтожное въ цѣломъ, заключаетъ въ себѣ рядъ цѣнныхъ частныхъ идей, вѣрныхъ выводовъ, и одна уже эта настойчивость пытливаго освѣщенія житейскихъ фактовъ вводитъ нашего мыслителя въ почетный кругъ дѣятелей въ области созиданія болѣе душевной и глубокой нравственной культуры.

„Страшно мыслить!“ — и чѣмъ важнѣе для нашей вѣры и жизни рѣшаемое, тѣмъ отвѣтственнѣе чувствуетъ себя философъ. „Или какъ сей мытарь!“ — этотъ перстъ фарисейскій, увы, слишкомъ обыченъ при нашихъ сужденіяхъ о чу-

жой мысли и вѣрѣ. Какъ легко мы отбрасываемъ за бортъ правды въ мысли и праведности въ вѣрѣ многихъ и многихъ, и этого недостойнаго отношенія къ людямъ-братьямъ не избѣгъ и гр. Л. Толстой. Между тѣмъ, чѣмъ выше самосознаніе мыслителя, чѣмъ возвышеннѣе его мысль, тѣмъ смиреннѣе становится онъ самъ, тѣмъ опасливѣе относится къ своимъ рѣшеніямъ. И чѣмъ сильнѣе его обаяніе, тѣмъ глубже онъ сознаетъ *опасность своего положенія*,—и тамъ, гдѣ тысячи довѣрчивыхъ жаждутъ поручить свою жизнь и душу дорогому учителю, гдѣ каждое слово прямо идетъ къ открытому, влюбленному сердцу ближняго, гдѣ во-истину „губятъ или спасаютъ“ души,—какая жаркая совѣсть должна руководить наставникомъ!

Говоря о полномъ значеніи гр. Л. Толстого, слѣдуетъ имѣть въ виду отнюдь не одну лишь его проповѣдническую дѣятельность послѣдняго времени, но всецѣлую его многолѣтнюю мысль, которая всегда вращалась около важныхъ вопросовъ нравственности, религіи и жизни. Философское направленіе ума гр. Л. Толстого ярко выразилось во всемъ лучшемъ первомъ періодѣ его писательской дѣятельности. Глубокія настроенія вѣчнаго порядка, рѣдкостныя мысли, вспыхивающія нежданными разгадками сложныхъ и таинственныхъ вопросовъ, тутъ и тамъ поражаютъ читателя на страницахъ прежнихъ произведеній гр. Л. Толстого, имѣющихъ въ общемъ болѣе глубокое и цѣльное значеніе для русской культуры, нежели все, созданное имъ впослѣдствіи въ формѣ систематическаго нравственно-философскаго ученія. Въ этихъ прежнихъ твореніяхъ гр. Л. Толстого чрезвычайно много безсмертнаго, что долго еще будетъ привязывать къ нему людскіе умы и сердца, — и тогда даже, когда вся система его пассивно-анархическаго ученія обнаружится для всѣхъ уже во всемъ своемъ ничтожествѣ и безсиліи.

Все значеніе гр. Л. Толстого во второмъ періодѣ его писательской дѣятельности связано исключительно съ *его личностью*. Въ настоящее время, когда гр. Л. Толстой еще среди насъ, трудно оцѣнить въ достаточной полнотѣ это *его личное значеніе* для русской культуры. Что велико оно, — въ этомъ

согласны всѣ, расходясь, однако, въ оцѣнкѣ какъ идейной стороны, такъ и степени важности этого значенія. Даже явно отрицательныя стороны его проповѣднической дѣятельности принесли русскому обществу большую пользу, подвигая на болѣе углубленное раздумье надъ тѣми истинами, къ которымъ мы, всасывая ихъ съ молокомъ матери, относимся обычно скорѣе же инстинктивно, чѣмъ сознательно, не достаточно дорого цѣнимъ ихъ. Вызывая на споры, возраженія, подчасъ тревожныя сомнѣнія, заставляя вновь и вновь задумываться надъ тѣмъ, что давно уже казалось безспорнымъ, привлекая мысль къ болѣе сознательной оцѣнкѣ тѣхъ житейскихъ явленій, которыя часто кажутся намъ вполнѣ естественными и разумными, проповѣдь гр. Л. Толстого, несомнѣнно, послужила болѣе энергичному и широкому развитію русской мысли. Чего подчасъ не могло сдѣлать цѣлыми годами иное самое широкое литературное теченіе, то сдѣлали нѣсколько статей гр. Толстого. Одно уже то, что гр. Л. Толстой заставилъ очень и очень многихъ относиться съ большимъ вниманіемъ и строгостью къ нравственнымъ основамъ своей жизни, требуя осмыслить ее безсмертнымъ смысломъ, онъ заслуживаетъ, чтобы имя его, великое въ изящной литературѣ, было вписано и въ книгу великихъ именъ учителей доброй жизни. Его философская проповѣдь любви, самоотреченія, кротости, его требованія, чтобы возсталъ человѣкъ „въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ по слову ап. Петра, несомнѣнно, не остались безслѣдны во многихъ сердцахъ, и можно надѣяться, что нынѣ среди русскихъ людей не мало тѣхъ, которые отъ гр. Л. Толстого перешли къ полной религіи, какъ ранѣе перешли къ нему отъ безвѣрія и легкомысленнаго отрицанія. И за свою могущественную нравственную проповѣдь не заслужитъ ли современемъ гр. Л. Толстой благодарной надгробной надписи, подобной той, которою германскій народъ почтилъ своего великаго національнаго мыслителя: „Кто звалъ къ справедливости, будутъ вѣчно свѣтить, какъ звѣзды“.

Отъ значенія безсмертнаго проповѣдника нравственной

жизни очень далеко еще до значенія великаго учителя, въ новомъ пониманіи обновляющаго жизнь и душу людскую. Между тѣмъ, гр. Л. Толстой послѣднихъ лѣтъ въ глазахъ большинства его почитателей представляется именно тѣмъ дивнымъ человѣкомъ, который постигъ всеисцѣляющую истину, полубогомъ, преобразующимъ нашу жизнь.

Отъ того, кто — по преданію или по мнѣнію современниковъ—искусился на вершинахъ созерцанія, въ своихъ исканіяхъ проникъ въ запредѣльныя, доступныя лишь избраннымъ, дали правды и разума, естественно ждать намъ яркаго *слова вѣрныхъ рѣшеній*, а не тѣхъ же обычныхъ и жильцу низинъ все только порывовъ и исканій. Имѣемъ ли мы въ лицѣ гр. Л. Толстого одного изъ тѣхъ, кого Шлейермахеръ назвалъ „пророчествующими гражданами позднѣйшаго міра, заговорщиками ради лучшихъ временъ?“ Можетъ ли быть, чтобы мысль его, все еще только *добожественная*, только порывающаяся къ Богу, только ищущая своего Невѣдомаго Бога, могла бы принести ключи къ жизни въ лучшей правдѣ и лучшемъ счастьѣ тѣмъ, чья жизнь все же освѣщена лучами правды, льющейся съ вѣчныхъ высотъ?

Истинно высшіе, очень рѣдкіе люди проходятъ въ жизни таинственными видѣніями,—такъ глубоко различна ихъ душа отъ нашей, такъ ясно свѣтится въ ней любовь и мысль нездѣшняго значенія. И если мы, обычные сыны земли, представляемъ собою только „слабый духъ, обремененный трупомъ“, по выраженію Эпиктета, то въ лицѣ этихъ рѣдкихъ высшихъ людей проносится свободный и чистый духъ, какъ видѣніе, отразившееся среди насъ изъ иныхъ чудныхъ, безконечно высшихъ сферъ. И вотъ мы, ползающіе, пресмыкающіеся, мы чувствуемъ вѣчность въ душѣ ихъ; и мы умиляемся ихъ подвигу, но знаемъ, въ грусти знаемъ, что не намъ итти ихъ благословенными путями. Увы, даже воспринимая правду ихъ слова, мы не загораемся тѣмъ же святымъ огнемъ, которымъ ихъ душа свѣтла Богу, — мы испытываемъ лишь мгновенныя чудныя впечатлѣнія близости ихъ души; во-истину, великая душа свѣтитъ во тьму будущихъ временъ, и множества *ходятъ въ этомъ свѣтѣ, чуждомъ для*

нихъ и прекрасномъ своею чуждостью. Истинный мудрецъ не остается тѣмъ же обычнымъ для земли человѣкомъ, только лишь несущимъ чудесный свѣточъ ученія; вся его жизнь— порывъ правды и добра къ людямъ,—оттого онъ всегда всѣмъ нужный человѣкъ, другъ, братъ, утѣшитель, а не какой - то все забывшій и самъ отъ всего забывшійся въ отвлеченныхъ идеяхъ, всему посторонній человѣкъ. Онъ и не замѣчаетъ, какъ высокъ онъ среди людей,—вѣдь это же такъ естественно для него; много говорятъ о возвышенности своихъ идей и чувствъ только тѣ, для кого въ дѣйствительности каждое высшее ощущеніе, не въ формѣ идейнаго воспроизведенія, но какъ живое состояніе души, является только рѣдкимъ гостемъ. Не на показъ, среди удивленной толпы, не на всеобщее любованье выставляетъ свою жизнь мудрый, — онъ стремится стоять наравнѣ съ людьми, не унижая насильно души своей, но и не возносясь надъ жизнью,— ибо духъ его вѣчно выше земли. И въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ нашихъ ничтожныхъ людскихъ сердецъ со стороны высшихъ людей и коренится обычная участь великихъ ученій: полное послѣдованіе великой жизни — для насъ непосильное бремя. Высшіе люди мечтаютъ *передать другимъ свою душу* и не знаютъ, какъ *мы страдаемъ своею ничтожной душой*, какъ тяжко это безсиліе стряхнуть влекущее насъ зло и пошлость.

II.

За эпохой расцвѣта изящной литературы наступило возрожденіе русской мысли, и на этомъ пути, вѣримъ, нашъ народный геній еще выскажется многообразно и прекрасно во всей своей смиренной и богоносной красотѣ. Русь далеко еще не отвѣтила въ полной мѣрѣ на тѣ вопросы высшаго познанія, которыми вѣками тревожится мысль человѣчества. Великій народъ скажетъ и великое слово, но не послѣднія же слова гр. Л. Толстого будутъ благословеннымъ Словомъ Русской Земли: ибо его ученіе все тѣ же попытки безплодной анархической мысли созидать, разрушая. Русь, всенародная Русь только того назоветъ своимъ великимъ человѣкомъ,

своимъ пророкомъ, кто возведетъ въ высь всемірнаго идеала правду въ родной вѣрѣ, правду безконечно - прощающаго сердца, правду завѣтныхъ думъ о родинѣ и Богѣ.

Гр. Л. Толстой не изъ *вѣчносвѣтлыхъ*, но — лишь изъ *временами свѣтлѣющихъ* подъ наитіемъ мгновенныхъ чудныхъ мыслей, и новыя рѣчи его такъ мало похожи на пророческія вѣсти съ новаго Синая. Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ гр. Л. Толстой является не столько даже *рѣшающимъ* запутанные вопросы современности, сколько опытнымъ и сильнымъ въ психологіи выразителемъ наиболѣе господствующаго типа современной мысли, — отъ этого, несомнѣнно, онъ такъ и близокъ, и доступенъ современникамъ. Въ этомъ отсутствіи сколько нибудь яркаго *чувства Бога* и одновременно стремленіи осмыслить жизнь вѣчнымъ смысломъ, въ этихъ попыткахъ разрѣшенія духовныхъ и душевныхъ вопросовъ путемъ разрѣшенія вопросовъ матеріальнаго быта, въ этихъ попыткахъ создать самостоятельно разсудочную, неглубокую религію, — развѣ не сквозитъ въ этихъ основныхъ тенденціяхъ гр. Л. Толстого современная европейская мысль?

Гр. Л. Толстой изъ тѣхъ, кто „уже здѣсь получаетъ награду свою", и даже Достоевскій и Вл. Соловьевъ, проповѣдывавшіе Христа съ такою священною страстью, съ такой безпредѣльною, героическою любовью, не имѣли и доли того вліянія и значенія, которое имѣетъ гр. Л. Толстой. Правда, среди его поклонниковъ, продолжателей и послѣдователей нѣтъ ни одного сколько нибудь выдающагося по уму и талантамъ мыслителя, — все только мелкое, ординарное, живущее чужимъ вдохновеніемъ вьется около гр. Л. Толстого. Но за то съ его именемъ связанъ цѣлый рядъ движеній общественной мысли, и многія изъ его воззрѣній довольно ясно отразились въ просвѣщенныхъ массахъ.

Если часть русскаго и европейскаго культурнаго общества видитъ въ гр. Л. Толстомъ дѣйствительно пророка, сказавшаго новое слово, нежданно разрѣшившаго на счастье человѣчества самые больные вопросы его совѣсти, разгадавшаго причины неустройствъ и разлада, обычно царящихъ въ

нашей жизни, въ подобномъ отношеніи слѣдуетъ подозрѣвать только очень незначительную научную и литературную просвѣщенность этихъ поклонниковъ. Ибо, строго говоря, въ *новыхъ идеяхъ* гр. Л. Толстого нѣтъ ничего новаго для того, кто широко ознакомленъ съ исторіей философскихъ, религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ ученій, и все его ученіе по всѣмъ его спеціальнымъ отдѣламъ давно уже и безвозвратно разрушено критикою такихъ глубокихъ и ученыхъ мыслителей, какъ покойные Вл. Соловьевъ и пр. Козловъ, здравствующіе еп. Антоній, пр. Е. Бобровъ и др. Нѣкоторую относительную оригинальность придаетъ ученію гр. Л. Толстого развѣ только его попытка основать на Евангельскомъ словѣ свои въ большинствѣ случаевъ вполнѣ анархическія положенія.

Одна уже эта простота исцѣленія нашихъ всечеловѣческихъ вѣковыхъ недуговъ, предложеннаго гр. Л. Толстымъ, показываетъ, что онъ приходилъ къ своимъ выводамъ *чисто личнымъ* путемъ, но не путемъ переживанія съ человѣчествомъ всѣхъ томленій его мысли и сердца, выразившихся въ многовѣковой всемірной философской и религіозной литературѣ, что онъ отвѣтилъ въ нихъ *только самому себѣ* — своимъ сомнѣніямъ и запросамъ въ ихъ личной и ограниченной формѣ. Разрушить наиболѣе дорогія человѣческому сердцу формы жизни и вѣры, вмѣсто того, чтобы, безъ конца наполняя ихъ высшимъ духовнымъ содержаніемъ, достичь, чтобы и самыя формы стали безконечно-прозрачны до полной ощутимости того, что облечено въ нихъ, — такова общая тенденція въ ученіи гр. Л. Толстого. Неужели праведнѣе: по-просту *отбросивъ* всѣ сложныя задачи личной, семейной, общественной, государственной, международной жизни, — (а вѣдь она призывала вдохновить правдою ея теченіе!) — идти „спасаться“ въ опрощеніи, въ работѣ, имѣющей значеніе гимнастики, — ибо, серьезно, вѣдь не *трудъ* же это шитье ненужныхъ полушубковъ, сапогъ, складываніе плохихъ печей, — чѣмъ: оставшись въ той же „кабалѣ у жизни“, отдать ей всего себя, и, не уклоняясь отъ тѣхъ требованій, которыя предъявляютъ къ намъ ея исторически-сложившіяся

формы, стремиться возвести нашу жизнь до безсмертнаго достоинства?

Ученіе гр. Л. Толстого не только не даетъ вдохновеннаго объясненія высшимъ предметамъ нашей мысли и вѣры, не только не зажигаетъ нашу жизнь болѣе чистымъ и священнымъ огнемъ, но безнадежно изсушаетъ самые лучшіе источники возможнаго тихаго и безгрѣшнаго счастья жизни. Между тѣмъ, душевная уединенность въ Богѣ еще не требуетъ уединенности въ мірѣ. Божій человѣкъ идетъ къ жизни, радуясь встрѣчѣ всюду съ такими душевными порывами, которые близятъ къ Богу всякую душу и падшую, и крѣпкую въ свѣтлыхъ силахъ. Высшее исповѣданіе не изсушаетъ жизни, но сообщаетъ ей лучшее, болѣе чистое значеніе. Истинный мудрецъ идетъ среди людей стезею тихою и священною, — онъ видитъ и злое въ жизни, и ничтожество въ ней многаго и многаго, но онъ не судитъ людей, — онъ *свѣтитъ* имъ. Бѣгство отъ міра и особенно фанатическое преслѣдованіе тѣхъ сторонъ душевной жизни, которыя всецѣло связаны съ плотью, указываютъ только на прискорбное безсиліе духа. Ибо какъ тиранъ, не умѣя разумомъ и любовью привлечь къ себѣ сердца подвластныхъ, стремится впечатлѣніями ужаса и смерти обезсилить ихъ волю, сковать ихъ мысль, такъ и *плотской аскетизмъ* не только не обновляетъ жизни въ духѣ и истинѣ, но лишь безцѣльно умерщвляетъ цѣлую половину ея. Истинный мудрецъ не бѣжитъ отъ жизни, въ страхѣ за себя закрывая глаза отъ ея соблазновъ, — онъ идетъ къ ней, полный духовною силою, мольбою и мыслью, вѣря, что ничего не можетъ быть въ великомъ мірѣ Бога, что подъ живымъ прикосновеніемъ любви и душевной силы не стало бы прекрасно и благодатно. Не Богъ ли порадовался міру, сказавъ въ день творенія: добро есть!... Все въ жизни, гдѣ только хотя мгновеньями могло безгрѣшно и беззлобно радоваться людское сердце, все можетъ, во имя лучшаго счастья людского, остаться навѣки съ человѣкомъ въ свѣтломъ значеніи. Проповѣдь гр. Л. Толстого, требующая разрыва съ прежними, сросшимися съ сердцемъ людей, религіозными формами поклоненія Богу, или семейными формами

любви и близости, показываетъ, что имъ вовсе не понято и не оцѣнено въ нихъ то вѣчное и вѣчно-священное, чѣмъ всегда были дороги онѣ для человѣка. Въ проповѣди гр. Л. Толстого, будь она полностно-истинна, предстояла бы такая безотрадная истина, подавляющая все счастье жить и быть человѣкомъ, безвыходно-мрачная истина, злая, поносящая человѣчество. Ибо вѣдь — все ложь, все ненужно, все только зло становится въ лучшихъ, наиболѣе сердечныхъ моментахъ нашей жизни въ освѣщеніи ея ученіемъ гр. Л. Толстого: семейныя чувства, любовь къ родинѣ и своей старинѣ, любовь къ Богу, смѣлое и бодрое заступничество за обиженнаго.

Всякое обновленіе жизни, личной или общественной, можетъ исходить только изъ душевныхъ источниковъ, — никакія умозрительныя формулы, никакіе горячіе призывы не вдохновятъ человѣка не минутнымъ, но воистину творческимъ вдохновеніемъ, если идея не соединится настолько съ его душей, что выльется въ жизнь, какъ сознательная, неотступная воля. Но такую власть надъ душею имѣютъ только тѣ идеи, которыя связаны съ чувствомъ Бога и сливаются съ нашею волей, какъ ея святыя вдохновенія. Идеи братства не создаютъ братьевъ, идеи свободы не освобождаютъ тѣхъ, кто безсиленъ душей, ни отъ самого себя, ни отъ порабощающаго воздѣйствія другихъ, равенство не уравниваетъ ни умовъ, ни сердецъ, ни душевныхъ силъ, — и опрощенная жизнь не создаетъ ни смиренной мысли, ни смиреннаго чувства, не освѣтляетъ душу.

III.

Смиреніе, обычно сопутствующее религіозной настроенности, нерѣдко изображается противниками религіозныхъ путей познанія, какъ характерно безвольное настроеніе, простое признаніе слабости своихъ человѣческихъ силъ, боязнь подняться на точку зрѣнія болѣе свободной и смѣлой мысли. Смиреніе не есть, однако, душевное состояніе низшаго порядка, нежели горделивая мысль, побуждаемая сомнѣніемъ

и безудержно смѣлыми и исключительными требованіями ума. Напротивъ, смиреніе есть пребываніе въ духѣ на такой высотѣ, съ которой кажутся уже мелки всѣ бурныя движенія мысли, — тѣ чудныя вѣчныя рѣшенія, которыя облекаютъ жизнь, мысль и существъ, привѣтною тѣнью вѣчнаго мира легли на умиленную душу. Высшее смиреніе предполагаетъ полное и ясное сознаніе всего, что гнетущимъ образомъ дѣйствуетъ обычно на нашу мысль, вызывая разладъ и сомнѣнія. Знать все, что, казалось бы, безпощадно разрушаетъ каждое наше отрадное вѣрованіе, и въ хаосѣ всѣхъ волненій и смятеній людскихъ съ тихою вѣрою идти по этимъ мятежнымъ волнамъ, не падая, не погибая въ нихъ, къ зовущему Богу, — вотъ путь души, смирившейся въ Богѣ. Высшія утвержденія вѣрующей философіи должны покоиться на такихъ рѣшеніяхъ, которыя всѣмъ обаяніемъ радостной правды плѣняли бы и мысль и сердце каждаго человѣка. Въ силу именно этого, задачи отрицательнаго и скептическаго характера, по временамъ выставляемыя наукой и философіей, имѣютъ извѣстную цѣнность, — ибо именно скептицизмъ и даетъ возможность выясняться все болѣе и болѣе истинамъ высшихъ вѣрованій; а что же иное могло бы вдохновлять вѣрующую мысль, какъ не желаніе, чтобы возлюбленная правда была ясна всѣмъ и каждому въ своемъ полномъ образѣ, чтобы высшая вѣра ни въ комъ не могла встрѣтить упрека въ необходимой будто бы для нея исключительности душевныхъ настроеній, чтобы никому нельзя уже было не любить Бога. Въ каждомъ движеніи чистофилософскаго сомнѣнія новый шагъ къ болѣе глубокому истолкованію идей и чувствъ вѣчнаго порядка; не всегда же сомнѣніе только результатъ кичливаго и заносчиваго невѣжества, — весьма нерѣдко оно — только первыя необходимыя ступени на пути къ высшимъ точкамъ зрѣнія: въ силу безконечности предметовъ высшаго вѣдѣнія пониманіе ихъ должно безъ конца возвышаться и расширяться. Но само собою разумѣется, что на полную свободу изслѣдованія въ области высшихъ, предѣльныхъ вопросовъ знанія и жизни имѣетъ право только *истинный умъ*. Какъ великому полководцу, по его *праву генія*,

ввѣряются множества жизней, также только глубокому уму мы можемъ ввѣрить себя и свою мысль. Вотъ почему было бы правильнѣе вмѣсто *свободы мысли*, — т. е. мысли вообще, всего чаще мысли слабой, порабощенной, спутанной въ иллюзіяхъ свободнаго творчества, говорить лишь о *правѣ ума* на изслѣдованіе, и *философской совѣсти*, какъ ручательствѣ въ правдѣ стремленія и неподкупности сужденій.

Въ отношеніи гр. Л. Толстого къ религіи отразились скептическія воззрѣнія обычнаго порядка, основанныя на непониманіи въ религіозныхъ волненіяхъ ихъ единственности въ своемъ родѣ, какъ безконечныхъ чувствъ и ожиданій Божества. Непониманіе религіи сказалось особенно въ отношеніи гр. Л. Толстого къ Евангелію; не говоря о томъ, что солидными учеными показана полная ненаучность его критики и крайняя произвольность толкованія, одна уже общая его точка зрѣнія на Евангеліе, какъ *систему исключительно нравственно - философскаго ученія*, говоритъ за ошибочность его основныхъ воззрѣній. Евангеліе не только для того, кто безотчетно вѣруетъ въ чистотѣ сердца, но и для каждаго независимаго мыслителя, умѣющаго оцѣнивать внутреннюю жизнь человѣчества въ ея исторіи, есть безмѣрно высшее, нежели одна лишь догма совершенной нравственности. Гр. Л. Толстой видитъ въ Евангеліи только разсудочное ученіе, ограничивая всю религію областью справедливости и любви къ ближнему, и оттого Евангеліе въ Толстовскомъ изложеніи не даетъ душѣ никакихъ безсмертныхъ впечатлѣній, никакой отрадной вѣсти о Богѣ, близкомъ намъ въ Словѣ.

Въ одномъ святочномъ разсказѣ Диккенса трогательно повѣствуется о слѣпой отъ рожденія дѣвушкѣ, большой мечтательницѣ, живущей въ крайней бѣдности; изъ состраданія къ ней добрый старикъ-отецъ, пользуясь ея слѣпотой, поддерживаетъ въ ней иллюзію окружающей ее сказочной роскоши и богатства. Нѣчто подобное напоминаютъ и общія заключенія отрицательной мысли: если нѣтъ высшаго, во имя чего было бы легко и отрадно и жить, и страдать, и мыслить, то вся наша религія и близкая къ ней высшая философія только чарующій шепотъ добраго стараго лгуна

вѣчно слѣпому человѣчеству, убаюкивающему себя въ мечтахъ и сказкахъ. И если нѣкогда по вселенной прошелъ рядъ великихъ чародѣевъ, взволновавшихъ людскія сердца несбыточными мечтами, возмутившихъ нашъ покой страстною жаждой Бога, всемірнаго счастья, безсмертія, — то задачею болѣе трезвой эпохи въ жизни человѣчества и являлось бы стремленіе освободиться отъ этого навожденія и возвратиться всецѣло къ дѣйствительности во всей ея простотѣ и незначительности; это и мнилось важнѣйшею задачею прошлаго вѣка. „Кто обладаетъ наукою и искусствомъ, — говорилъ Гете, — тотъ *имѣетъ* религію; кто же не обладаетъ ими, тотъ *пусть имѣетъ* религію". Въ началѣ XIX столѣтія, когда умъ, освободившійся отъ мертвыхъ формулъ схоластики, чувствовалъ себя окрыленнымъ, было естественно, что чистая испытующая мысль, стройность научныхъ выводовъ, возвышенная поэзія могли вызывать восторженныя ожиданія того истиннаго познанія и прекраснаго, человѣчнаго счастья, которыя вслѣдъ за ними несутся къ человѣчеству. Но мы — уже пережили цѣлое столѣтіе, во многомъ разочаровались, постарѣли, устали, многое поняли глубже и духовнѣе, — и современный человѣкъ въ общей настроенности души не такъ далекъ отъ убѣжденія, что религія представляетъ собою ничѣмъ незамѣнимое, что она лишь одна теплится какъ *вѣчная мысль* среди смѣняющихся знаній и развивающихся общихъ воззрѣній. Правда, и въ наши дни не рѣдкость встрѣтить ученія, отстраняющія религію отъ историческаго творчества болѣе человѣчной и возвышенной культуры; подобное отношеніе къ религіи показываетъ только полное непониманіе того, что значила она въ исторіи человѣчества, и что еще можетъ значить она, какъ не только богопознаніе, но и — *богопочитаніе,* входя въ основаніе высшей культуры будущаго; не такъ далеко, вѣроятно, и то время, когда всѣмъ станетъ ясно, что религія, какъ историческій фактъ, не есть непонятное явленіе, требующее психологическаго разъясненія въ духѣ случайности и развитія, но фактъ, *разъясняющій исторію человѣчества и ея смыслъ.*

IV.

Ребенокъ тянется къ синѣющему вдалекѣ лѣсу. О, дитя, наивное, милое! Нужно приблизиться самому, пройти, быть можетъ, долгій путь, войти въ этотъ лѣсъ, — и онъ обойметъ всею своей жизнью, приласкаетъ пѣсенками пташекъ и шелестомъ листвы, обвѣетъ прохладой и ароматомъ. Не тоже ли и наши порывы къ Истинѣ? — мы хотимъ уловить Истину, обнять ее. А между тѣмъ, къ ней нужно пройти тотъ долгій путь, который раздѣляетъ временное и вѣчное, колеблется межъ ничтожнымъ и безсмертнымъ, и всею душей погрузиться въ область свѣтлыхъ исканій Бога, часто кажущихся такъ мечтательными и наивными среди шумныхъ заботъ жизни, докучныхъ тревогъ и грубо-практическихъ требованій. И на томъ пути мы почувствуемъ себя въ иныхъ, лучшихъ условіяхъ жизни, будемъ дышать вѣчною жизнью, быть можетъ, даже не всегда замѣчая ее.

Душевная религіозность, не выражаясь однимъ внѣшнимъ исповѣданіемъ, есть несмѣняющееся чувство близости Бога, не менѣе ясное, чѣмъ самосознаніе и сознаніе внѣшняго бытія. Полная религіозность отражается во всѣхъ сторонахъ нашей существенно-духовной жизни. „Главный характеръ вѣрующаго мышленія, — говоритъ Ив. Кирѣевскій, — заключается въ стремленіи собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу, отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, чувство и совѣсть, и прекрасное и истинное и удивительное и желанное и справедливое и милосердое, и весь объемъ ума сливается въ одно живое единство и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости“.

Въ здѣшней жизни мы должны видѣть въ себѣ только паломниковъ на пути къ Богу; и если каждый паломникъ, идя къ Святымъ Мѣстамъ, милосердствуетъ, какъ то невольно теплѣе и любовнѣе думаетъ о жизни и людяхъ, смотритъ на все болѣе кроткими и добрыми очами, то и мы, чувствуя себя здѣсь только временно на своемъ дальнемъ пути къ Вѣчности, не станемъ ли добрѣе и покойнѣе, — и какъ же

бы не тяготѣла вся душа наша къ послѣдней цѣли странствія, не всматривалась бы все только туда, въ эти дальнія *Святыя Мѣста?*... Пребывая въ кроткомъ чувствѣ близости тихой послѣдней пристани, въ чувствѣ ждущаго Бога, легче становится жить, не такъ тѣснятъ неминуемыя невзгоды, не такъ чаруютъ мгновенныя радости, и не страшна, не темна близкая каждому могила... Мысля о Богѣ, нельзя не стремиться стать чище душею, болѣе достойнымъ своихъ мыслей о Богѣ. Сознаніе Бога налагаетъ на человѣка великія обязанности; но не тяжко это иго, — оно незамѣтно въ святой, нетревожной любви, въ жаркомъ порывѣ все отдать возлюбленному образу, своему Божеству, своему упоенію.

Міръ не враждебенъ Богу; эта мнимая вражда — только наше незнаніе Бога, неясность чувства Его бытія, — и въ этомъ великое людское несчастіе, великое горе, горшее всѣхъ. Но — никто не посмѣетъ предрѣшать святаго рѣшенія Бога о падшихъ, возмущенныхъ, враждебныхъ. Какъ мать едва ли не болѣе заботится и тоскливо любитъ своего уродливаго или больного, или дурного ребенка, такъ и Божественная любовь близка и къ послѣднему грѣшнику, — „Ты былъ со мною, когда я былъ такъ далеко отъ Тебя“ — говоритъ Бл. Августинъ. Оставимъ свои рѣшенія у себя и не свяжемъ ихъ съ нашими думами о Богѣ, съ нашей мольбою къ Нему — „не занесемъ же въ міръ святыни своихъ невольничьихъ тревогъ“.

Богъ — крайній предѣлъ разума, и не столько умозрѣніемъ, сколько всею жизнью, въ ея радостяхъ, скорбяхъ, въ ея трудахъ, постигается истина жизни. Всѣ міры, всѣ вѣка, каждая жизнь, вся безконечность бывшая, настоящая, грядущая, какъ ничтожныя капли, утопаютъ въ Божьемъ бытіи. Наше Богопознаніе есть только сознаніе Божьяго бытія: „Богъ, ощущаемый сердцемъ, — вотъ истинная религіозность“ — говоритъ Паскаль. Глубокая мысль философа, погруженнаго въ религіозныя созерцанія, и смиренная безотчетная вѣра въ Бога, какъ бы ни казались на видъ глубоко несходны, близки другъ другу въ своемъ общемъ и единственномъ основаніи, — чувствѣ Бога; и каждый человѣкъ,

какова бы ни была его жизнь, все же въ лучшихъ ея мгновеньяхъ и *лучшею частью своей души* близокъ къ Безконечному.

Сознаніе Бога должно проникать всю жизнь человѣка, а не стоять гдѣ то внѣ ея, въ сторонѣ, какъ чудное убѣжище, куда человѣка гонитъ по временамъ страхъ, несчастье, по временамъ мимолетная тоска по лучшему, безсмертному. Въ неумолкающей памяти о Богѣ, человѣкъ чувствуетъ, что надъ всѣмъ, что происходитъ въ нашей душѣ, что происходитъ среди людей и народовъ, есть Великій Свидѣтель, а не одно лишь созерцающее „я" человѣка. Истинно прекрасное движеніе души къ Богу — *безпричинно*; любовь къ Богу, память о Немъ, вызванныя только болѣзнью, страданіями, невзгодами, безславны и ничтожны; и если бы дѣйствительно было такъ, что счастливые и довольные легко забывали бы Бога, а согбенные жизненной ношей, удрученные, гибнущіе, одни только помнили бы Его и молились, былъ бы великій позоръ человѣчеству.

Какъ счастливъ тотъ, кто вѣритъ въ Бога, имѣетъ религію, — вѣдь это же значитъ, — всегда имѣть близъ своей души такое Святое Сердце, полюбившее всѣхъ насъ чудною, снисходительной, простившей любовью. Религія — свѣтъ и радость не въ однихъ лишь субъективныхъ ощущеніяхъ, она — свѣтъ и радость въ каждой мысли о человѣкѣ и его судьбѣ, о человѣчествѣ и его счастьѣ; религіозный человѣкъ *ощущаетъ* каждую чужую душу, видитъ и правду ея и ея печаль. Спиноза глубоко разъяснилъ, что одно уже сознаніе Бога необходимо очищаетъ и возвышаетъ мысль, сердце и волю человѣка, въ такихъ глубокихъ словахъ: праведными и чистыми онъ называетъ людей, „имѣющихъ ясную идею Бога, съ которой согласуются всѣ ихъ дѣла и помыслы", а нечестивыми онъ называетъ тѣхъ, которые „не обладаютъ идеей Бога, но только земными представленіями, съ которыми и сообразуются всѣ ихъ мысли и дѣйствія". Не страшно намъ жить съ Богомъ, и какъ бы не тѣснили насъ всѣ эти мелкія невзгоды жизни, легко намъ итти своимъ путемъ къ Богу. „Благословляю я свободу и голубыя небеса, и посохъ

мой благословляю, и эту бѣдную суму, и степь отъ края и до края, и солнца свѣтъ, и ночи тьму, и одинокую тропинку, по коей, нищій, я бреду, и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду".

Относительно тѣхъ или иныхъ религіозныхъ формъ поклоненія Богу и не можетъ быть вопросовъ: нужно ли это Богу, какое значеніе имѣютъ священные акты и душевные наши порывы предъ лицомъ всевидящаго, всезнающаго Божества? Не можетъ быть потому именно, что — *иначе и нельзя любить.* Ибо любить Бога и значитъ: молиться Ему, открывать Ему всю свою жизнь, все сердце. Какъ дитя несетъ всѣ свои радости и печали, всѣ заботы, недоумѣнія, каждое горе къ дорогому отцу или матери, такъ и религіозный человѣкъ — *младенецъ предъ Господомъ,* — весь и во всѣхъ своихъ чувствахъ и мысляхъ всегда предъ Богомъ.

Быть младенцемъ душею, сохранить всю жизнь кроткое дѣтское любованье міромъ, видѣть Бога, — кто бы указалъ лучшее счастье?... Вспомнимъ, вспомнимъ, — какъ тихо ласкался тогда къ намъ вѣтерокъ, какъ чудно пѣли пташки, какъ хороши и добры были тогда всѣ люди, а злые, дурные — всегда въ далекихъ сказочныхъ образахъ — таинственно скитались по ночамъ, днемъ боясь добрыхъ людей, и какъ легко было и любить, и прощать, какъ даже *не умѣло* наше сердце хранить въ памяти обиду и печаль. Никакое умозрѣніе теперь не дастъ намъ такого покоя, и развѣ только жизнь, долгими годами перегоравшая и въ горѣ, и въ любви, и въ обидахъ, и въ разочарованіяхъ, и въ утратахъ, измыкавъ наше сердце, успокоитъ, наконецъ, въ Богѣ. Покой примиренной души — не апатія, не безсердечность, не холодность, но такая кротость и прозрачность всѣхъ душевныхъ настроеній, при которой каждый приливъ внѣшней злобы и несчастія не встрѣтитъ ни озлобленія, ни страданія въ душѣ, готовой ко всему, все признающей, все принимающей, безконечно терпѣливой, — и счастливъ, кто при всякихъ условіяхъ жизни, самыхъ дурныхъ и, видимо, пагубныхъ, можетъ сохранить чистоту и смиренность.

Но какъ бы ни была подчасъ горька наша жизнь, есть

все же у вѣрующаго пристанище, есть выходъ изъ смутной жизни въ полосу вѣчности: — молитва. То, что именно въ тяжелыхъ событіяхъ жизни вѣрующій особенно прибѣгаетъ къ молитвѣ, — ясно: ибо не съ мелкими же низменными заботами, съ дешевыми слезами, пустыми докуками жизни припадаетъ вѣрующій предъ лицомъ Бога. Когда нѣтъ и не можетъ быть ни откуда ни помощи, ни утѣшенія, когда одинъ Богъ впереди, несетъ онъ душу свою и жизнь на судъ Бога, на Его любовь и милосердіе, и видитъ онъ, — за всею этою ложью и страданіемъ міра внемлетъ нашей скорби безконечно Святой, кому дорогъ каждый человѣкъ, быть можетъ, дороже, нежели самого себя цѣнитъ человѣкъ. Молитвенная дума о себѣ, о жизни, о людяхъ - братьяхъ предъ лицомъ Бога — единственный путь межъ землей и небесами. Уединенная молитва, незримая никому, о которой никто не догадывается, молитва не затихающая, о которой никто не знаетъ, кромѣ Бога, — счастливъ, кто умѣетъ молиться.

Молитвенное осіяніе жизни есть самочувствіе въ полосѣ вѣчности. Въ молитвенныхъ волненіяхъ души развертывается предъ нами все наше прошлое во всѣхъ яркихъ видахъ того, что пережито, передумано, перечувствовано, что заброшено въ общую жизнь, давно забытое, постыдное, что привѣтливо глядитъ на насъ хорошаго, нашего хорошаго, и настоящее видится яснѣе въ своемъ значеніи, и зоветъ будущее къ лучшему, болѣе отрадному и для насъ и для тѣхъ, съ кѣмъ ближе связывается наша жизнь. Все горе, какое есть у насъ, всякая тоска сгораютъ безбольно, нетревожно въ молитвенной грусти, въ тихомъ плачѣ предъ Богомъ... У кого же жизнь все отняла безбожно, все, что когда либо было дорого и мило, — что же еще есть у него, кромѣ молитвы? Въ ней мы вновь находимъ потерянное, казалось, на вѣки потерянное, — будто прилегаютъ къ нашему сердцу концы тѣхъ путей, на которыхъ скрещиваются жизнь и смерть, земное и вѣчное. Невидимыми стезями, — но какъ это чувствуется, — сходятся съ нашей любовью, съ нашею грустью привѣты далекихъ, иныхъ, непостижимыхъ теперь. И въ тай-

ныхъ прилетахъ любви усопшихъ развѣ не чувствуется, какъ близка наша связь, какъ дорого имъ наше счастье, какъ имъ горько за насъ въ минуты нашего зла и паденія, — „видны имъ наше томленье и горе, видны страстей непосильныя битвы, — слезы въ алмазномъ трепещутъ ихъ взорѣ, всеже безмолвно горятъ ихъ молитвы“....

Въ молитвенныхъ волненьяхъ и думахъ начинается новая наша лучшая жизнь *въ чувствахъ всемірной любви*, — и нѣтъ никого на свѣтѣ, кто бы не былъ дорогъ и близокъ въ своемъ несчастьѣ, и въ скорби, и въ паденьи. Въ этихъ молитвенныхъ томленьяхъ за всѣхъ далекихъ, чужихъ, въ страстныхъ порывахъ души облетѣть весь міръ, приникнуть любовью вездѣ, гдѣ страдаетъ, гдѣ униженъ человѣкъ, гдѣ обида и слезы, гдѣ сердце безнадежно тоскуетъ о смерти, боясь смерти, но проклиная и жизнь, человѣкъ волнуется уже священными чувствами грядущей вселюбви. Сироты, вдовы, убитые горемъ, озлобленные, павшіе, всѣ сердца смятенныя, — какъ ясно они чувствуются молитвенною скорбящей душой, и кому же, безсильный поправить неправду, помочь, поручитъ человѣкъ человѣка, кому — какъ не Богу? „Спаси, Господи, и помилуй старцы, и юныя, и сироты, и вдовицы, и сущія въ болѣзни и въ печаляхъ, бѣдахъ и скорбяхъ, обстояніяхъ и плѣненіяхъ, темницахъ и заточеніяхъ“.

Такъ пугающая насъ обычно эта смерть, поглащающая каждое мгновеніе жизнь, здѣсь, въ молитвѣ, чувствуется какъ тихое прохладное дуновеніе, долетающее до земли отъ раскрывающихся вратъ Вѣчности, — „даждь ми слезы, память смертную и умиленіе“ молитъ св. Іоаннъ Златоустъ. И какъ близка и не тревожна въ молитвенной думѣ эта торжественная тишина смерти, и кротко и величаво чувство ея близости: „гаснетъ свѣтъ мой, ночь покрываетъ меня... помилуй душу недоумѣвающую“...

Смерть — новое рожденіе; душа, прошедшая этою жизнью, возстанетъ въ новомъ значеніи, въ иномъ достоинствѣ; и какъ ясна въ молитвѣ эта истина святыхъ словъ: „сѣется въ тлѣніе, — возстаетъ въ нетлѣніи, сѣется не въ честь, — возстаетъ въ славѣ, сѣется въ немощи, — возстаетъ въ силѣ,

сѣется тѣло душевное,— возстаетъ тѣло духовное"... И каждая жизнь, упавшая и увядшая, не погибнетъ: „и грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ". И подъ божественнымъ прикосновеніемъ всюду, всюду, въ мертвомъ, въ угасшемъ, въ безмолвномъ развѣ не возгорится, не вспыхнетъ жизнь, полная восхищенія, не заговоритъ радостью?...

V.

Чѣмъ выше восходитъ человѣкъ на пути къ Богу, тѣмъ смиреннѣе становится его мудрость, тѣмъ привѣтливѣе онъ смотритъ на людей и сроднившіяся съ ихъ сердцемъ формы вѣрованія и молитвъ. И тогда то становится ясно, какъ вѣчно праведенъ и святъ тотъ Единый Образъ, который въ безконечно-многихъ отраженіяхъ свѣтится въ людской душѣ въ священныя минуты любви и молитвы. Всякій, кто, почитая себя недосягаемо вознесшимся надъ прочими въ формѣ богопознанія, презрительно относится къ братьямъ, въ дѣйствительности стоитъ на самой низшей ступени приближенія къ Богу, гдѣ еще возможны мелкія распри, насмѣшки, хула, и злость; подобное отношеніе къ людямъ—братьямъ показываетъ только, какъ прискорбно-жестока въ сущности мысль такого человѣка, какъ далека отъ чувства истиннаго величія Вѣчнаго Бога, ибо вѣдь даже то, что философы называютъ „высшимъ поклоненіемъ въ духѣ и истинѣ" все же только тотъ же *дѣтскій лепетъ* души предъ непостижно - великимъ Божествомъ, но—развѣ каждый нашъ дѣтскій лепетъ не дорогъ, не милъ, не понятенъ Отцу?...

Фельетонно-бранчивый тонъ, усвоенный гр. Л. Н. Толстымъ по отношенію къ тѣмъ, съ чьими воззрѣніями не согласуются его собственныя, — будь то авторы богословскихъ трактатовъ, дѣятели на поприщѣ христіанской религіи, будь то представители изящныхъ искусствъ, защитники тѣхъ или иныхъ философско - эстетическихъ теорій, — особенно непростителенъ писателю, у котораго учатся не только мыслить, но и чувствовать и относиться къ людямъ, въ комъ множества малыхъ и довѣрчивыхъ видятъ единственнаго въ наши дни

праведно судящаго человѣка съ глубокой и свѣтлой душой. Большой и весьма недостойной грубостью отличаются, напримѣръ, нападки гр. Л. Н. Толстого на богослужебныя формы (особенно въ „Воскресеніи"); правда, въ повѣсти это какъ будто только частный, возможно-случайный фактъ, но общее впечатлѣніе отъ соотвѣтственныхъ главъ заставляетъ признать желаніе утвердить всеобщность факта. Странно, какъ гр. Л. Н. Толстой, умѣвшій нѣкогда, безконечно возвышаясь надъ мелочнымъ высматриваніемъ, каковы тѣ, кто долженъ свято относиться къ святому дѣлу, понять тихое настроеніе вечерней молитвы, широкій, невольно захватывающій подъемъ народнаго моленья, — не понялъ здѣсь той величавой и кроткой святыни, которая дышитъ во храмѣ, въ служеніи Богу, не связанная ни съ людьми, ни съ ихъ внѣшними отношеніями. И даже эта Катя, тогда еще милая, чистая дѣвушка, тихо счастливая ощущеніемъ близости Бога, обвѣянная молитвой, любовью, не замѣчая ничего окружающаго, ни его частныхъ красотъ, ни его частныхъ недостатковъ, — какъ она не подсказала ему младенческой правды мольбы къ Богу?...

Отрицательное отношеніе гр. Л. Н. Толстого къ обрядовой сторонѣ религіи повторяетъ мнѣнія нашихъ религіозныхъ сектантовъ раціоналистическаго направленія. Всякаго рода подобныя отрицанія основываются только на непониманіи смысла обряда для вѣры и религіозной мысли: безъ обряда не мыслима никакая религія, какъ мысль не можетъ не принять словеснаго выраженія, чувство — не излиться въ рѣчи, въ пѣснѣ, отразиться такъ или иначе внѣшнимъ образомъ. Если бы гр. Л. Толстой и близкіе ему по складу мысли „духовные христіане" глубже всмотрѣлись даже только въ формы своего исповѣданія, они легко бы замѣтили, что и у нихъ религіозныя чувства и думы вовсе не принимаютъ каждый разъ новыхъ выраженій, но въ общемъ возвращаются къ прежнимъ, уже сроднившимся съ душею формамъ,—вѣдь даже эти „поученія, псалмы, назидательныя бесѣды наставниковъ" носятъ печать обрядности, т. е. *опредѣленныхъ*, *установленныхъ* выраженій тѣхъ думъ и

чувствъ, которыя при извѣстныхъ событіяхъ волнуютъ душу, идущую черезъ міръ къ Богу въ лучахъ Христа; и на этомъ пути они легко бы могли найти объясненіе православныхъ обрядовъ, а вникая болѣе задушевно въ то, что дорого ихъ братьямъ въ вѣковой ихъ родной вѣрѣ, они легко могли бы замѣтить и ту незамѣнимую красоту, которая тепло и смиренно свѣтится на всѣхъ обрядахъ православной церкви, — не даромъ же свободные мыслью иновѣрцы находятъ ихъ умилительными и прекрасными. Далѣе, на томъ же пути имъ было бы легче перейти отъ пониманія своихъ молитвенныхъ обрядовъ, выражающихъ *отношеніе человѣка къ Богу*, къ пониманію тѣхъ священныхъ актовъ, которые именно и составляютъ душу отвергаемаго ими, какъ *отношеніе Бога къ человѣку*. Во всякомъ случаѣ общее отношеніе къ Православной Церкви, усвоенное гр. Л. Толстымъ, не носитъ и слѣдовъ хоть сколько-нибудь философски-достойнаго отношенія: глумленія, высмѣиванія, издѣвательства—такіе пріемы недостойны глубокаго человѣка, не привыкшаго заигрывать съ худшими изъ сторонъ низменныхъ душъ, и думаемъ, пользуются полнымъ презрѣніемъ среди сколько-нибудь серьезныхъ людей.

Гр. Л. Н. Толстой, подражая нашимъ сектантамъ, любитъ обвинять духовенство въ разнаго рода недостаткахъ; эти обвиненія принимаютъ характеръ огульныхъ, а между тѣмъ въ каждомъ истинно христіанскомъ сужденіи объектомъ можетъ быть только индивидуальная личность. И здѣсь опять сказалось прискорбно-мелкое отношеніе гр. Л. Н. Толстого, ибо истинный философъ умѣетъ цѣнить идею въ ея собственной цѣнности, независимо отъ того, насколько полно и ясно, или неумѣло и прискорбно мало она проявляется среди людей. „Мы, — писалъ Вл. Соловьевъ, — святимся святостью Церкви, но *Церковь не оскверняется нашими грѣхами*, ибо ея святость не отъ насъ, а отъ Бога, и она сама не *въ* насъ, хотя и *изъ* насъ состоитъ, какъ наше тѣло состоитъ изъ волоконъ и тканей, но сущность его не въ нихъ, а въ ихъ органическомъ сочетаніи въ формѣ одного цѣлаго. Церковь не есть только собраніе людей вѣрующихъ, но прежде всего

то, что ихъ собираетъ, т. е. данная людямъ свыше существенная форма единенія, посредствомъ которой они могутъ быть причастны Божеству".

VI.

Правила истинной жизни въ ученіи гр. Л. Толстого примыкаютъ по своему основному характеру къ положеніямъ тѣхъ стародавнихъ ученій, которыя могутъ быть объединены въ общемъ понятіи *ученій плотскаго аскетизма,* далеко не возвышающихся до великихъ ученій душевной чистоты и святости; у гр. Л. Толстого (въ „Крейцеровой Сонатѣ") эти воззрѣнія, кромѣ того, достигаютъ крайняго предѣла, переходя въ призывъ къ самоумерщвленію человѣчества.

„Основаніе плотской жизни есть злоба", — такова типичная формула ученій аскетизма плоти. И какъ жестоко и несправедливо это утвержденіе. Присмотримся къ жизни всѣхъ существъ, — развѣ она не проходитъ въ сердечныхъ заботахъ улучшить и украсить жизнь близкихъ, и въ этихъ заботахъ развѣ вся она не согрѣта хорошими, нѣжными чувствами? Только вблизи врага — человѣка и врага — звѣря, въ звѣрѣ рождается недовѣрчивость, злоба, мстительность. Присмотримся къ жизни человѣка, — развѣ ужъ такъ вся сплошь полна зла, ненависти, разврата жизнь человѣчества? Вѣдь это же просто невѣрно не только какъ обобщеніе, но даже и какъ наблюденіе, — въ каждой жизни есть добро и, быть можетъ, много добра, только не всегда такъ ярко бросающагося въ глаза какъ зло жизни.

Не вся природная плотская жизнь, только потому что она плотская и природная, есть жизнь лжи и зла, — она можетъ быть одинаково какъ прекрасной, такъ и безобразной въ зависимости отъ той идеи, которую она олицетворяетъ. Не въ плоти, какъ началѣ бездушномъ и несвободномъ, лежатъ корни грѣха, но въ духѣ, — началѣ свободы, разума и творчества; не побѣдою надъ плотью, какъ будто-бы враждебнымъ и темнымъ началомъ, но побѣдою надъ своею чисто духовною порочностью, — ибо такъ называемые плотскіе по-

роки вѣдь только наше *душевное согласіе на нихъ,* — дается вольная жизнь духа въ разумѣ и свободѣ, и никакое влеченіе, возбужденное нашей тѣлесной природою, не поработитъ человѣка, если встрѣтится въ немъ съ духовною силою,— съ мыслью о правдѣ, съ чувствомъ Бога, съ волей добра; и какъ же долженъ быть слабъ и ничтоженъ духъ тѣхъ аскетовъ, у которыхъ онъ воцаряется, побѣдивъ только придавленную и изнуренную плоть.

Схоластическая философія видѣла въ бытіи міра нѣчто неудавшееся, великое и прекрасное по замыслу, но извращенное налетѣвшимъ откуда то счужа зломъ, объявшимъ весь міръ безумнымъ и дерзкимъ порывомъ своеволія и грѣха. Въ современной философской мысли временами еще чувствуются отзвуки этихъ чрезвычайно пессимистическихъ средневѣковыхъ воззрѣній. Вл. Соловьевъ, напримѣръ, утверждаетъ, что „зло человѣчества въ слѣдованіи *своему пути*, онъ же обнаруживается какъ путь *злобы и убійства*, какъ путь *растлѣнія и гибели*, какъ путь *заблужденія и розни* (Ист. и будущн. теокр., 104). Таково ли сужденіе о родѣ человѣческомъ въ Вѣчной Правдѣ Бога? И утвержденію, что природа человѣка вся только зло и грѣхъ, не противорѣчатъ ли и тѣ вѣщія рѣчи о Богѣ, та священная страсть приблизиться къ Божеству, тотъ зовъ Бога, полный любви и тоски, которые слышатся на всевозможныхъ пунктахъ исторіи человѣчества. А сколько добра въ людяхъ, — въ смиренномъ признаніи тяготъ жизненной ноши, въ безропотномъ согласіи нести свой крестъ безъ всякой лучшей надежды, въ любви, въ повседневныхъ самоотреченіяхъ, невидныхъ жизненныхъ подвигахъ. О, человѣкъ не требователенъ! — онъ такъ легко мирится со своею участью, съ такою кротостью удовлетворяется ничтожнымъ и двусмысленнымъ добромъ, отпущеннымъ на его долю судьбой; и каждый справедливый наблюдатель найдетъ болѣе причинъ умиляться величію человѣчества въ его страдальческой земной долѣ, нежели обвинять его въ безвыходной порочности и злѣ.

Свѣтла жизнь того аскета, который въ духѣ отдалился отъ міра, или переживъ всѣ его волненія и смущенія, ставши

небеснѣе, ожидая высшей отрады, нежели можетъ дать земная жизнь, или потерявъ всѣ тѣ милыя связи, которыя соединяютъ наше сердце съ людьми и жизнью; онъ никого не презираетъ, не ругается надъ міромъ обличеніями, онъ скорбитъ за зло міра, съ кроткою и грустною улыбкою добраго дѣда, видящаго всѣ заблужденія, всѣ опасные шаги своихъ неопытныхъ, но самонадѣянныхъ, или рано испорченныхъ внуковъ. Но отвратителенъ „взнуздавшій себя аскетъ“, въ дѣйствительности, несмотря на всѣ свои „аскетическіе подвиги“, все еще безнадежно осаждаемый похотливыми влеченіями, — онъ только одинъ изъ наиболѣе ничтожныхъ сыновъ міра, умѣющій воспринимать и чувствовать въ жизни одни только грязныя ея теченія, и боящійся ихъ, и тщетно борющійся противъ нихъ, слишкомъ родныхъ его мелкой душѣ. Въ одномъ эпизодѣ романа Лѣскова „Обойденные“ ярко выражено столкновеніе двухъ достойныхъ другъ друга міровъ: одного, являющагося въ лицѣ двухъ милыхъ гризеттъ, своеобразныхъ дѣтей шумливой, пьяно-веселой улицы съ ея прихотливой и мимолетной любовью, другого — въ лицѣ аскета, католическаго патера; въ минуту крайней опасности, когда грѣхъ въ лицѣ одной изъ этихъ красивыхъ и далекихъ отъ пуританства женщинъ обнялъ — въ реальномъ смыслѣ этого слова — бѣднягу-героя, придавленнаго потерей любимой женщины, является спаситель-патеръ, изгоняетъ грѣхъ бичомъ, тоже вполнѣ реальнымъ, и уводитъ соблазняющагося прочь.... въ сферу сухихъ сентенцій, лжи, лицемѣрія, безжизненнаго бормотанья опошленныхъ словъ священнаго значенія.

Душевныя страданія, какъ путь къ чистотѣ, — въ какихъ бы формахъ ни выражалась эта проповѣдь, — только особенный видъ бичеванія духа; этотъ культъ страданія зародился па почвѣ страховъ жизни и малой вѣры въ любовь Бога. Развѣ на всѣхъ путяхъ жизни, гдѣ безгрѣшно радуется сердце человѣка, не слышится небесное: Здѣсь — Я, — не бойтесь!... Слишкомъ мелко мы цѣнимъ человѣка, если думаемъ, что только страданіями очищается онъ, — бѣдное, вѣчно-грязное существо! — что нужны эти грубые удары

плетью мучительства по духу, чтобы онъ вздрогнулъ, и стеная отъ боли, взмолился бы, искалъ бы исцѣленія. Разъ мы вѣримъ въ высокіе вѣчные источники жизни, нельзя не вѣрить, что плотское также нужно и значительно — въ высшихъ мистическихъ цѣляхъ мірозданія — какъ и чистодуховное. И эти стремленія аскетовъ плоти нѣкоторымъ образомъ „поправить“ мірозданіе путемъ погубленія тѣлеснаго элемента въ человѣкѣ представляютъ собою въ сущности что то близкое къ болѣзненно безумнымъ грезамъ. Въ своемъ весьма циничномъ отношеніи къ смыслу супружеской жизни,— половому творчеству, гр. Л. Толстой далеко превзошелъ обычную презрительную точку зрѣнія аскетовъ плоти, выражающуюся въ формулѣ: „это — все же грязь, животность; все это только *прощаемое*“.

Но не форма же имѣетъ значеніе предъ Богомъ. И тихая жизнь семьянина, окруженнаго любящею семьей, кротко и покорно несущаго крестъ свой, не менѣе высока и прекрасна, чѣмъ жизнь высшаго цѣломудрія; и въ мытарѣ свѣтитъ радующая Бога душа, какъ и въ отшельникѣ, погрузившемся въ священныя думы, внѣмірныя созерцанія. Требованіе *всеобязательности* аскетической жизни можетъ приводить только къ крайне гнусному лицемѣрію. Совсѣмъ иное, разумѣется, представляетъ собою отшельничество, — т. е. полная форма *духовнаго* аскетизма, какъ *особенный путь жизни особенныхъ душъ.* Бываютъ такія исключительныя настроенія, такія особенности личной судьбы, которыя требуютъ и особенныхъ исходовъ для стѣсненной души. И несомнѣнно: какъ грѣшно и безумно, слѣдуя ученію гр. Л. Толстаго, бросить на произволъ судьбы беззащитныхъ дѣтей и жену ради личнаго спокойствія, легче достижимаго безъ заботъ и трудовъ ради семьи, (да развѣ въ этомъ смыслѣ училъ Христосъ, своимъ присутствіемъ *благословившій и освятившій бракъ* въ Канѣ Галилейской?), — также грѣшно и безумно требовать общественной жизни отъ того, кому стало трудно и жутко среди насъ, съ нашей холодностью, съ нашимъ неумѣньемъ вникнуть въ чужую душу и дать ей свѣтъ и радость. Но кому изъ насъ нѣтъ теплаго и уютнаго уголка среди людей, для

того есть обители Божьи. Монастырь — такое тихое убѣжище для душъ, разрушенныхъ для земной жизни; опустошитъ ли сердце смерть близкихъ, горе отринутой любви, крушеніе семейнаго счастья, и станетъ горька жизнь, нерадостна, невыносима, — есть же святое, безконечно-отрадное, безконечно-мирное мѣсто на землѣ, гдѣ Божье участіе приметъ и успокоитъ нашу душу....

Ограничивать, какъ это дѣлаетъ гр. Л. Толстой, все содержаніе душевной *жизни* одними только нравственными дѣйствіями, направленными ко благу ближняго, и притомъ въ теснѣйшемъ смыслѣ, — значило бы только, даже и въ лучшемъ случаѣ искренняго и теплаго благожелательства, сжать нашу душу цѣпями, хотя бы и цѣпями высокой красоты: духъ человѣка — безконечная свобода и безконечная ширь проявленія, и дѣйствія братскихъ и любовныхъ чувствъ — только одно изъ многихъ прекрасныхъ его движеній. Ставя предъ собою идеаломъ жизнь, прочно размѣренную по четыремъ упряжкамъ, чураясь всего, что несетъ слѣды неумолкшихъ волненій и исканій, мы приведемъ свою душу не къ свѣтлому покою, но къ смерти, ничтожеству, навѣки безславному безмолвію. Для души благодѣтельны бури, сильныя и страстныя волненія; какъ въ морѣ, они выбрасываютъ такія чудныя жемчужины, которыя не вынесло бы на берегъ тихое волненіе, легкое колыханіе волнъ; въ дни душевныхъ тревогъ, особенныхъ сердечныхъ потрясеній человѣкъ живетъ болѣе чуткой и напряженной, болѣе глубокою жизнью, вся душа становится какъ то прозрачнѣе, мысль блеститъ ярче, — въ страстной душѣ только и творчество, и движеніе, и сила...

Какъ и всѣ аналогичныя ученія, проповѣдь гр. Л. Толстого, ставящая одну и туже опредѣленную цѣль въ одной и той же формѣ для жизни и мысли каждой личности, сжимаетъ человѣчество въ тискахъ унынія, небывалой подчиненности догмѣ, плачевной безвольности; вся жизнь становится докучною, и всетаки очень сомнительной, *фабрикой счастья ближнихъ;* но только тамъ свободно, во всеобщемъ свѣтломъ счастьѣ осуществляются высокія всемірныя цѣли, гдѣ онѣ

достигаются *въ личномъ счастьѣ свободнаго творчества души, отдающей міру съ любовью и отрадой свою правду, свои красоты.* Повсюду, — не только въ области поэзіи, искусства, высшей философіи, но и въ жизни, не кропотливая, безталанная, вымученная *работа*, но свободное, радостное для души *творчество* даетъ человѣчеству тѣ безцѣнныя сокровища, за которыя оно достойно безсмертія. Стремленія гр. Л. Толстого подчинить жизнь опредѣленнымъ формуламъ представляютъ собою не менѣе приторную и непріятную экспериментацію, чѣмъ и соціалистическія ученія. Никакія добрыя сказочныя феи и родственныя имъ благодѣтельныя идеи соціализма и толстовскаго пассивнаго анархизма не принесутъ извнѣ человѣку счастья. Въ самомъ себѣ каждый изъ насъ долженъ найти то, что облило бы всю жизнь такимъ тихимъ счастьемъ, при которомъ всякія внѣшнія невзгоды и страданія протекали бы *мимо* нашего сердца, едва касаясь его. Не жизнь должна, полная случайностей, мимолетными радостями и невзгодами отражаясь въ легко подчиняющейся душѣ, опредѣлять характеръ нашихъ чувствъ и мыслей и направленіе жизни и воли, но душа *своею правдою* должна встрѣчать каждое внѣшнее впечатлѣніе. Люди вообще стремятся болѣе къ хорошему, чѣмъ къ дурному, и только обычное наше *непознаніе добра и зла* ведетъ къ тому, что не человѣкъ властвуетъ жизнью, но жизнь водитъ насъ, какъ рабовъ, потерявшихъ и мужество, и честь, и достоинство: — *свобода* возможна лишь тамъ, гдѣ въ основѣ лежитъ *разумъ*, чистый, недоступный смущеніямъ никакихъ страстей и мелкихъ влеченій. *Сообразность* нашей душевной жизни красотѣ, правдѣ, благу — вотъ единственное вдохновеніе и одновременно критерій жизненнаго творчества, но никакъ не насильственное подчиненіе разсудочнымъ формуламъ жизни и нравственныхъ дѣйствій.

Мы не можемъ считать себя свободными, если — хотя бы и внутренно свободнымъ путемъ, но идемъ къ *предназначенной намъ цѣли*, — нѣтъ, въ безконечности лежитъ безконечность концовъ бытія, и безконечны пути къ нимъ; и драма бытія имѣетъ значеніе не въ предшествующей бытію идеѣ, но порождается все жизнью, какъ слѣдствіе *свободы и дѣйствія.*

При абсолютномъ предопредѣленіи ни добро, ни зло не имѣютъ истинной цѣнности: предопредѣленное добро становится не добромъ, ибо оно — чужое, только осуществляющееся чрезъ пассивную личность человѣка, а предопредѣленное зло не составляетъ зла, всецѣло оправдываясь въ своемъ первоисточникѣ. Значеніе исторіи человѣчества въ ея *духовной основѣ* — въ свободѣ путей; безъ свободнаго разума, безъ воли, реально творящей добро и зло, исторія человѣчества — только нелѣпый, безконечно-скучный механико-душевный процессъ. Міробытіе не есть самораскрывающееся міробъясненіе, но процессъ творчества, и въ высшихъ идеяхъ, рождающихся въ безконечносвѣтлыхъ душахъ, *предъобразуется* будущее человѣчества. Тогда какъ физическія силы суть силы пассивно-движущія, воля — сила реально рождающая, творческая, ибо сочетаетъ въ себѣ *свободу* становленія съ *силою* становленія.

Мало желать, нужно — *мочь.* Идея, только въ формѣ отдаленнаго идеала властнымъ обаяніемъ притягивающая къ себѣ нашу любовь и вниманіе, безсильна въ жизни и безплодна въ душѣ. Для того, чтобы отразиться ей въ жизни, она должна стать *формой выраженія* творческаго движенія души. Истинно-свободный человѣкъ не ищетъ, по какимъ образцамъ строить свою жизнь, — въ своей душѣ онъ несетъ идеалъ, онъ *законодательствуетъ среди жизни* въ духѣ и истинѣ, и чѣмъ губительнѣе условія жизни, чѣмъ враждебнѣе все, тѣмъ только сильнѣе, неотступнѣе его воля: да будетъ свѣтъ, да будетъ правда, да будетъ всемірная радость!... „Человѣкъ обязываетъ самъ себя“ — говоритъ Кантъ, — и если бы все влекло къ жизни позора и зла, то и тогда человѣкъ, умѣющій быть достойнымъ себя, какъ человѣка, не измѣнитъ ни въ чемъ ни правдѣ, ни Богу.

Какъ есть идеи и чувства добра, красоты, истины, такъ есть и *воля ихъ.* И тамъ вѣнецъ великой свободы человѣчества, гдѣ оно въ своей жизни и мысли порождаетъ достойное Божіей любви, въ чудныхъ рѣшеніяхъ своихъ о жизни и правдѣ возвращаетъ Богу въ отвѣтъ на Его любовь чудеса своего сердца и мысли... И развѣ мало безсмертнаго въ

душѣ человѣческой, — не пламенѣли ли сердца въ святыхъ и вѣчныхъ чувствахъ, не загорались ли предъ неправдою жизни чудныя требованія правды, не летѣла ли любовь человѣка обнять, приласкать, успокоить страдальца и смущеннаго?

Путь свободы и высшаго жизненнаго творчества не сходится съ путемъ самоуничтоженія и самопогубленія, — чѣмъ возвышеннѣе душа, тѣмъ она сильнѣе, чѣмъ ярче личность, тѣмъ болѣе въ ней творчества, чѣмъ прекраснѣе предъ мыслью образъ Божества, тѣмъ свѣтлѣе жажда возвратить Богу тѣхъ, кто забылъ о Немъ. Не къ забвенію личности, но къ возстановленію ея здѣсь, уже при земныхъ условіяхъ, въ красотѣ ея *безсмертнаго образа*, не къ презрѣнію своей смертной человѣческой доли, но къ жизни славной, радостной, хотя и краткой, но вѣчнаго значенія, — призываетъ человѣчество нашъ вѣкъ: „*я къ наслажденію высокому зову и человѣческому счастью*“. Чѣмъ могущественнѣе личность человѣка, тѣмъ величавѣе его доля, его страданія, любовь, тѣмъ *незамѣнимѣе его жизнь во всемъ ея своеобразіи* для счастья людей — братьевъ: жизнь, драгоцѣнная для человѣчества, — *сокровище предъ Богомъ*.

VII.

Пока ученіе гр. Л. Толстого о „несопротивленіи злу зломъ“ не покидаетъ области теоретическихъ рѣшеній нравственныхъ вопросовъ, оно занимаетъ нормальное положеніе этической гипотезы, пытающейся разрѣшить источникъ зла въ человѣческихъ отношеніяхъ; но постоянная тенденція гр. Л. Толстого — проповѣдь исправленія жизни, и въ силу этого его ученіе о злѣ переходитъ на практическую почву требованій непротивленія реальному злу, нарушая всѣ основныя понятія о человѣческомъ долгѣ и активной любви, которая есть любовь — защита, любовь — освобожденіе, любовь — творчество, любовь — побѣда. Въ проповѣди гр. Л. Толстого Евангельскій завѣтъ: любить не только того, кто добръ къ намъ, но и того, кто вредитъ намъ, и параллельно къ этому:

не вредить не только доброму своему, но и тому, для кого мы ненавистны, — т. е. требованіе, останавливающее *активное зло, непосредственно идущее отъ нашей личности*, обращается у гр. Л. Толстого въ требованіе, останавливающее *активное межчеловѣческое добро:* ибо добро проявляется не только въ самопроизвольномъ *дѣйствіи,* но и въ *противодѣйствіи.* Немудрено по этому, что „непротивленіе злу" представляется настолько близкимъ помощи злу, *связывая запретомъ силу дѣйствующаго добра,* что различіе между этимъ двусмысленнымъ добромъ и дѣйствительнымъ зломъ становится совершенно неуловимо, и развязанное гр. Л. Толстымъ зло подъ прикрытіемъ этого „добра" можетъ побѣдоносно шествовать по вселенной съ своимъ боевымъ кличемъ: да будетъ насиліе, да торжествуетъ неостановленное предательское убійство, да господствуетъ насиліе надъ беззащитнымъ, и владыками земли да будутъ хищные и смѣлые волки, а кроткіе агнцы (во имя чего только?) пусть поливаютъ землю своею невинною кровью.

Въ положеніи гр. Л. Толстого: „не противься злу насиліемъ" совершенно *разнородныя* дѣйствія произвольно подводятся подъ одно общее понятіе: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь убійца и его мститель, насильникъ и тотъ, кто убиваетъ этого насильника, совершаютъ далеко не одно и тоже дѣйствіе. Собственно, въ формулѣ: „не противься злу насиліемъ" понятіе *насиліе* и неумѣстно и невѣрно, ибо подъ этимъ словомъ естественнымъ образомъ понимаются только злыя дѣйствія, направленныя на что либо хорошее, свѣтлое, — дѣйствія, притомъ ничѣмъ не вызванныя со стороны ихъ объекта и ничѣмъ не оправданныя. Извѣстное дѣйствіе называется насиліемъ не потому, что оно вообще есть воздѣйствіе силы, но единственно *по смыслу свершаемаго поступка*: дѣйствіе разбойника, убивающаго беззащитнаго человѣка, и дѣйствіе случайнаго прохожаго, въ борьбѣ съ этимъ разбойникомъ, убивающаго его, представляютъ собою акты безконечно различнаго значенія и достоинства.

Гр. Л. Толстой ставитъ свой запретъ противиться злу „зломъ", т. е. правильнѣе: *силою*, на основаніи *любви къ че-*

ловѣку. Однако, въ дѣйствительности любовь не принадлежитъ къ разряду безразличныхъ чувствъ, которыя направляются къ каждому объекту независимо отъ его личныхъ качествъ, — любовь именно *выдѣляетъ* предметъ свой изъ множества другихъ, и ея выборъ опредѣляется высокими качествами такого предмета, соотвѣтствующими высотѣ самого чувства. Чѣмъ выше и священнѣе чувство, тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть предметомъ что либо злое и безобразное; и *любовь* въ полномъ и высокомъ значеніи слова не можетъ относиться къ тому, что не несло бы чертъ высокочеловѣчнаго значенія. Своеобразныя движенія *скорбной любви*: жалость и состраданіе, — какъ нѣжныя чувства *души, ласкающейся къ другому человѣку*, влекутся только туда, гдѣ безвинное страданіе, гдѣ несчастье, паденіе человѣка, гдѣ гибнутъ души, дорогія для Бога. Къ тому же, кто ругается надъ людьми, насильничаетъ въ сознаніи своей грубой силы, смѣясь надъ любовью и слезами, можно чувствовать только гнѣвъ, отвращеніе и жалость, но эта жалость безконечно далека отъ любви и сочувствія, приближаясь къ скорби, негодованію, презрѣнію.

Въ душѣ, полной свѣтлыхъ силъ, борьба со зломъ жизни не является какимъ то тяжкимъ, наложеннымъ на себя игомъ. Въ постоянномъ наблюденіи за собой, въ обдумываніи каждаго своего шага наша жизнь вянетъ на нашихъ глазахъ, и весьма обычное среди насъ „служеніе идеѣ“ въ подобной формѣ даетъ намъ очень горькое положеніе въ жизни, если только мы не играемъ въ этомъ положеніи весьма обидную для нашего человѣческаго достоинства комедію. Видѣть въ борьбѣ со зломъ не спеціальную или даже исключительную задачу жизни, но жить такъ, чтобы каждое зло, встрѣчаясь съ нашею жизнью, гибло въ ея свѣтѣ, правдѣ и силѣ, дѣлать самое великое, даже исключительное дѣло жизни *просто*, самому не замѣчать истиннаго величія своего, не давая и другимъ замѣтить свое величіе,—такова только одна дѣйствительно прекрасная и достойная форма служенія человѣчеству.

„Заступись за обиженнаго, во чтобы то ни стало“, гово-

ритъ наше сердце, и— „не противься злому“—учитъ гр. Л. Н. Толстой. „*Суди меня Богъ,* но *не могу я* поступить иначе“,— выраженная въ этихъ словахъ *правда жизни* кажется иногда такъ противорѣчащей высшей правдѣ только потому, что еще не нашла она своего выраженія *въ высшей идеѣ,*—мы не уловили еще тѣхъ лучей, которые и ей свѣтятъ съ небесъ ея высшею правдою. *Прощеніе обидъ* имѣетъ священное значеніе только тогда лишь, когда оно является какъ личное чувство, — все равно: истекаетъ ли оно изъ святаго безразличія далекой отъ міра души,—вѣдь такъ мелки и незамѣтны въ поглотившемъ все существо высокомъ созерцаніи всякія дрязги и невзгоды жизни,—или же проявляется какъ актъ высшаго отреченія отъ жизни во имя Бога,—или же характеризуетъ исключительную природную кротость и незлобивость; но прощенье обидъ за другого, прощеніе насилія надъ другимъ и всѣ прочіе виды примѣненнаго практически непротивленія злу означаютъ ни что иное, какъ только очень прискорбное наше безучастіе. Какой, однако, смыслъ въ той нравственной логикѣ, которая, во имя будущаго очень сомнительнаго превращенія грубаго насильника въ идеально-доброе существо, допускаетъ *реальную гибель* даннаго добра, допуская свершаться все то, что портитъ, угнетаетъ, оскверняетъ жизнь и сердце человѣка?.. Изъ того же глубокаго чувства, которое дѣлаетъ небольнымъ, легкимъ, необиднымъ прощеніе личныхъ обидъ, вытекаетъ не менѣе свѣтлое чувство гнѣвнаго несогласія на то, чтобы зло дѣйствовало, не встрѣчая сопротивленія со стороны иной прекрасной силы. Кромѣ того, если добрый не смѣетъ, согласно ученія гр. Л. Толстого, остановить злого силою во чтобы то ни стало, не смѣетъ именно во имя его человѣческаго достоинства, то тѣмъ болѣе страшное дѣло съ его же точки зрѣнія долженъ совершать злой, губя данное чистое и доброе, и почему же тогда, если *человѣчность* должна останавливать месть добраго, не должно быть на свѣтѣ доброй силы, останавливающей зло? „Слово“, какъ единственная защита отъ зла, слишкомъ мечтательно-наивное средство,—развѣ такъ легко и просто разрѣшается въ жизни то, что легко и просто разрѣшается въ

захватывающихъ разсказахъ, демонстрирующихъ результаты теоріи непротивленія злу? Человѣчество, имѣя великія слова утѣшенія нѣжнымъ и кроткимъ душамъ, скорбящимъ въ жизни, не имѣетъ тѣхъ святыхъ словъ исцѣленія злой души, которыя могли бы зажечь въ ней несвойственныя ей чувства кротости и любви. И во всякомъ случаѣ такую силу слову могли бы дать религіозныя чувства, но не общія отвлеченныя разсужденія о философскихъ основахъ жизни, — высшія божественныя велѣнія, *ставшія правдою сердца* нашего, но не формулы „праведной жизни", внѣшнимъ образомъ сдавливающія жизнь.

Дѣйствительно ли пассивное непротивленіе злу представляетъ собою реальное добро,—не является ли оно скорѣе же, въ своихъ послѣдствіяхъ, только менѣе ярко выраженныхъ *дѣйствующимъ зломъ?* Вѣдь борьба со зломъ, въ какой бы формѣ она не выражалась, должна быть дѣйствіемъ *идеальной силы добра,* а, слѣдовательно, и преслѣдовать вполнѣ ясную цѣль: освободить ближняго отъ угнетающаго зла, отстранить его удары, направленные на того, кто безсиленъ самъ защитить себя, насадить въ другой душѣ надежныя сѣмена добра, зажечь злую душу добрыми и прекрасными порывами. И не мыслью, не призывомъ, не укоромъ, не слезами, но только *силою,* — духовной или матеріальной, — зло можетъ быть уничтожено, ослаблено, сковано, перерождено въ добро. Та форма, въ которой сила добра должна встрѣтить силу зла, зависитъ отъ формы дѣйствія послѣдняго, и всякому, несомнѣнно, подскажетъ его сердце и совѣсть, какъ и чѣмъ ему дѣйствовать въ каждомъ частномъ случаѣ. „Око за око", — вовсе не отжившій, древній, вполнѣ ненужный законъ: *онъ дышитъ грозною правдою въ мистическихъ путяхъ жизни,* — „извлекшій мечъ мечомъ погибнетъ" сказано въ Новомъ Завѣтѣ, и почему же гр. Л. Толстой думаетъ, что эти слова должны служить осужденіемъ только того, кто обнажаетъ мечъ въ защиту ближняго, а не того, кто обнажаетъ мечъ, чтобы поразить безвиннаго и беззащитнаго? Наша современная гуманность, типичное проявленіе стаднаго очень приторнаго и фальшиваго чувства, нашедшаго въ ученіи гр. Л. Тол-

стого наиболѣе широкое примѣненіе, очень „человѣчно“, напримѣръ, относится къ убійцѣ, не чувствуя *братской скорби* за убитаго,—чувства болѣе сильнаго и требовательнаго, нежели простое сознаніе непоправимости свершеннаго. Отвлеченно-созерцательнымъ гуманистамъ, намъ не больно чужое горе, не страшна чужая безвинная смерть, намъ жаль „человѣка“ въ убійцѣ-звѣрѣ и не жаль *человѣка* въ погибшемъ.

Каждый, не потерявшій свѣтлой гордости быть человѣкомъ и чувства чести: быть достойнымъ себя, какъ человѣка и мужа, скажетъ: „самого себя я готовъ отдать въ жертву, если эта жертва нужна человѣчеству, но *не дамъ никому пасть жертвой*“. Нѣкогда Великій Богъ сказалъ: „*Искалъ Я* у нихъ человѣка, который поставилъ бы стѣну и *сталъ бы предо Мною въ проломѣ за сію землю, чтобы Я не погубилъ ея*“ (Іезек., 22, 30)—*предъ Богомъ сталъ бы защитникомъ земли* Вотъ какая сильная любовь дорога Богу.

Гр. Л. Толстой полагаетъ, что съ полнымъ осуществленіемъ идеи непротивленія злу настанетъ душевный миръ. Едва ли это такъ, даже только въ области личной жизни. Развѣ наложившій на себя эти узы непротивленія не будетъ все же чувствовать явной необходимости защитить, заступиться, помочь, не будетъ терзаться, сознавая весь *свой позоръ* въ этомъ отдаленіи отъ людского страданія, горя, въ этихъ недостойныхъ заботахъ о своей личности, когда гибнетъ братъ-человѣкъ? Увы, то, что при такихъ условіяхъ долженъ переживать всякій сколько нибудь отзывчивый человѣкъ, — не душевный миръ, но такая трагедія сжатой, задушенной теоріею жизни, какую не знавало человѣчество. Если угрожаетъ гибель, смерть нашимъ дѣтямъ, близкимъ, то — если мы дѣйствительно любимъ ихъ всѣмъ сердцемъ, по человѣчески— можемъ ли мы все только заботиться о своемъ душевномъ равновѣсіи и спокойствіи, если не отстоимъ, не спасемъ ихъ, или, защищая, сами не погибнемъ съ ними? И если мы не сдѣлаемъ этого, можетъ ли *стыдъ нашъ* позволить намъ жить? Да и станетъ ли человѣкъ, если только это не безчеловѣчный и злой внутренно самолюбецъ, трусливо озабоченный самосохраненіемъ, все заботиться только о своемъ душевномъ

равновѣсіи и спокойствіи, когда онъ знаетъ, что близъ него свершается нѣчто неправое, ужасное, дикое, вопіющее объ отмщеніи? Да развѣ это святое дѣло?.. Мы знаемъ, что монахи свято-троицкой обители предъ опасностью, угрожавшей тому, что было для нихъ дороже жизни, порученное Богомъ ихъ охраненію и защитѣ, вооружились за святыни обители, рѣшившись въ великой любви по своему, по человѣчески защитить Бога,—а вѣдь это то и свято, и дорого предъ Господомъ — и или отстоять обитель, поражая врага, или умереть за нее всѣмъ до послѣдняго. Что же можетъ быть прекраснѣе такого сопротивленія злу?

Въ своемъ запретѣ судить и осуждать гр. Л. Толстой доводитъ до крайности довольно обычное въ наше время гуманитарное воззрѣніе, которое въ фактѣ преступленія — самомъ горькомъ несчастіи, какое только бываетъ среди людей—видитъ лишь одну сторону: преступника и весь этотъ страшно-глубокій, мистическій вопросъ *преступленія и наказанія* сводитъ къ воспитательному воздѣйствію на преступника, надѣясь на его перерожденіе къ лучшему путемъ нравственныхъ страданій.

Безвинное страданіе, приближая любовь Бога къ обиженному и скорбному сердцу, приноситъ страдальцу чудное успокоеніе въ слезахъ о себѣ, въ счастьѣ о Богѣ; не съ этими же чистыми страданіями можетъ быть сравнено раскаяніе преступника. *Вина преступленія предъ Богомъ и людьми* не искупится ни раскаяніемъ, ни прощеніемъ; напротивъ, чѣмъ даже сердечнѣе прощенье, тѣмъ горше должна быть скорбь: человѣкъ *не смѣетъ простить себѣ*, даже и прощенный. Такія страданія не могутъ быть и ступенью къ совершенствованію нравственной личности преступника: въ нихъ — одно лишь *негаснущее наказаніе ненаказанности.* Мнимое совершенство раскаявшейся души знаменуетъ развѣ одно только забвеніе того, что сдѣлано, и то легкое самопрощеніе, на которое способенъ только душевно ничтожный и низкій человѣкъ. Преступленіе не искупится страданіемъ ни въ отношеніи къ преступнику, ни въ отношеніи къ его жертвѣ. И какъ бы не „свѣтлѣлъ“ духъ убійцы, все же — по его винѣ погибло *не-*

замѣнимое существо, и въ этой невозстановимости убитаго — *непоправимость свершеннаго зла.* И если Достоевскій — философъ имѣлъ намѣреніе дать картину возможнаго *душевнаго* искупленія своей вины Раскольниковымъ, — то, какъ психологъ, онъ нарисовалъ противорѣчащую этой теоріи и именно совершенно вѣрную картину негаснущаго суда надъ убійцей. Несмотря на всѣ просвѣтленія, онъ все же несетъ тяжесть памяти безсмысленнаго, дикаго преступленія, и — понесетъ ее всю жизнь, пока душа его не встрѣтится съ его жертвой у престола Бога; здѣсь же самая жизнь, мнится, съ презрѣніемъ отвращается отъ него, будто шепчетъ, дивясь его жаждѣ все еще жить: ты пе смѣешь, ты не долженъ жить; все уныло, пусто для него въ мірѣ, не ему поютъ пташки, солнце свѣтитъ ему холоднѣе, чѣмъ другимъ, и не радуетъ, какъ ихъ, и даже милая, безконечно кроткая Соня тяготитъ его... „*Око за око*" — древній мистическій законъ бытія, и всюду, гдѣ нарушена правда, гдѣ посѣяно зло, каиново проклятіе падаетъ на главу виновника.

VIII.

Есть еще не мало явленій въ жизни, которыя не освѣтлены объясняющей мыслью въ ихъ значеніи и смыслѣ въ духовной исторіи человѣчества; къ числу ихъ принадлежитъ и война. Рѣже восхваляемая, какъ великое явленіе, чаще презрительно отбрасываемая, какъ нелѣпый и безчеловѣчный остатокъ варварскихъ временъ, война, тѣмъ не менѣе, угрожая всѣмъ и всюду, коренится въ какихъ то *неисцѣленныхъ вѣчною мыслью* душевныхъ недугахъ человѣчества. Въ наше время война едва ли кому грезится въ образѣ „кровавой забавы", — слишкомъ ясна ея безумная подкладка, слишкомъ тревожны и дики ея кровавые призраки. Война — *трагедія человѣчества;* и весь трагизмъ ея въ томъ, что какъ бы ясно мы не сознавали въ ней ужасное, бурное, губительное явленіе, она неотвратима, ибо причины ея — *внѣ человѣческой воли.* Въ современномъ человѣчествѣ нѣтъ *культа войны*, но, тѣмъ не менѣе, даже при ростѣ мирныхъ настроеній среди евро-

пейскихъ народовъ становится только все яснѣе ея неизбѣжность, какъ неизбѣжны губительныя бури, ураганы, землетрясенія. И самая война — такая же *стихійная буря* въ жизни человѣчества. Что то чуждое, внѣшнее, безконечно-велительное грозно налетаетъ на нашу жизнь, вырываетъ насъ изъ круга милыхъ привязанностей, и мы покидаемъ все, дорогое сердцу, и идемъ, *зажженные силою любви, ненависти и мести*, сознавая весь ужасъ происходящаго, быть можетъ, негодуя на эту *злую бурю*, потрясающую, безсмысленно рвущую жизнь народа, и безсильные остановить ее.

Государство подавляетъ каждую личность, какъ стихійно-природная жизнь подавляетъ каждую лично-природную; въ такіе моменты страстныхъ движеній государственно-всенародной жизни, какъ войны, государство возстаетъ предъ каждою отдѣльною личностью суровою, непреклонною, грозной, безмѣрно возвышающейся надъ земнымъ значеніемъ каждой личной жизни Властью Исторіи. Пока политическою жизнью народовъ, идущихъ во главѣ исторіи, движетъ алчность, насиліе, пока нѣтъ Бога въ сердцахъ, пока лживость и лицемѣріе съ крайнимъ кощунствомъ играютъ великими именами культуры, просвѣщенія, свободы, до тѣхъ поръ человѣческая воля не только не въ силахъ отстранить стихійныя бѣдствія войнъ, но и не должна, и не смѣетъ отстранить, ибо война становится необходимой, возрождаясь въ новомъ значеніи: *крайней формы властнаго вмѣшательства въ жизнь правды, человѣчности и разума.*

Не только личная жизнь, но и жизнь всенародно-душевная, должна оцѣниваться не со внѣшней ея стороны, но исключительно со стороны внутренняго значенія. Внѣшняя жаркая молитва фарисея, всѣмъ и каждому явный видъ его прекрасной, видимо-нравственной, „богоугодной" жизни, — и нищенски-смиренныя мольбы и весь видъ злой и грѣшной жизни мытаря, — этотъ евангельскій примѣръ вѣчнаго значенія объясняетъ многія стороны и въ жизни межчеловѣческой и въ жизни международной. При всеобщемъ мирномъ и добродушномъ настроеніи народовъ какой-либо народъ-тиранъ насильничаетъ надъ порабощенными народами, гу-

битъ безумно и безсмысленно множества невинныхъ человѣческихъ жизней, дорогихъ человѣческихъ жизней, — этого не могло бы быть, если бы нѣкій великій народъ, *слуга Бога и Его правды*, призвалъ бы къ отвѣту насильниковъ, готовый выступить и на кровавую защиту обиженныхъ. Истинное воинство — слуги великаго Гнѣва надъ злыми, позорными для міра народами, герои справедливости, самоотверженные защитники, — „*Божій слуга есть отмститель во гнѣвъ творящему злое*" *(Рим. XIII, 4)*. Народное наше самосознаніе глубоко оцѣниваетъ величавую и смиренную долю воина, выражая религіозное значеніе его судьбы въ прочувствованномъ словѣ о воинѣ, какъ *душѣ, обреченной Богу*.

Говорятъ: не тотъ великъ, кто несетъ съ собою убійства, слезы, раззореніе, но тотъ, кого всѣ встрѣчаютъ, какъ солнце несущее свѣтъ, возрожденіе, отраду, жизнь. Но развѣ освободитель, идущій по трупамъ насильниковъ, несущій свободу изстрадавшимся въ неволѣ и угнетеніи, — не солнце, безконечно-отрадное, не вѣстникъ жизни, счастья, Бога, не свѣтъ правды, прорѣзавшійся сквозь мрачныя тучи, нависшія скорбью и гибелью надъ порабощенными?..

Встрѣтить каждую мрачную силу силою свѣта, каждую сильную неправду сильною правдой, предательскій мечъ отбить мечомъ правды—есть ли высшее счастье для героя справедливости?—„какъ взыграетъ гроза, подыми паруса: подъ грозою душѣ веселѣй; пусть гремитъ, пусть реветъ,— трусъ кто парусъ совьетъ, чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй!..."

Еще не можетъ не быть войнъ, и наши мечты о всеобщемъ согласіи и мирѣ — только иллюзіи, которыми утѣшается человѣческое сердце, жаждущее болѣе чистой жизни, напоенной полнѣе свободной любовью межъ людьми, болѣе глубокою и неотступною вѣрою въ правду, руководимой болѣе жаркою совѣстью. Человѣчество все раздроблено племенною враждой, вѣроисповѣдною ненавистью, сословною, партійною, идейною борьбой,—увы, даже мысль далеко не послужила объединенію человѣчества, не внесла успокоенія, мира, счастья въ наше жизнесознаніе.

Война — буря; въ ней гибнутъ множества безвинныхъ жертвъ, всюду несется въ стихійномъ ужасѣ произволъ, страданіе, смерть, жестокость. Туда, въ эту страшную бурю, *бросаются смѣлые, сострадательные, человѣчные, забывшіе о себѣ,*— и неужели же кто либо изъ насъ, для кого любовь къ близкимъ не предметъ созерцательныхъ мечтаній и эффектныхъ нравственныхъ поученій, но живое, всеохватывающее чувство, могъ бы при этомъ страшномъ бѣдствіи въ жизни родного народа „отойти къ сторонкѣ“ и горевать, вздыхая „о человѣческомъ безуміи“, не принимая участія въ „этомъ варварствѣ“, и тѣмъ самымъ благополучно и даже красиво сберегая свои тѣлеса. Въ этомъ *истинномъ человѣколюбіи,* — въ той любви, которая заставляетъ ряды воиновъ сомкнуться въ послѣдней безповоротной рѣшимости: или умереть, или побороть врага, — слава человѣческому сердцу.

Стихійныя движенія войнъ не относятся къ классу тѣхъ явленій, которыя подвластны свободной человѣческой волѣ. Роковая необходимость наступленія войны можетъ быть предсказана только при самомъ ея приближеніи, — ни общее настроеніе народовъ, ни особенности событій не могутъ указывать на близость внезапнаго взрыва, — „наканунѣ дней ненастья небосводъ прозрачно-синій полонъ прелести безстрастья“.

„Война пробуждаетъ въ человѣкѣ звѣря“, говорятъ противники войнъ, — но она же будитъ въ человѣкѣ человѣка. Какой подъемъ религіозныхъ чувствъ, какое всѣхъ захватывающее ощущеніе величавости жизни въ этихъ впечатлѣніяхъ близкой смерти сопровождаютъ время войны, — вспомнимъ хотя бы молитву Наташи въ церкви и молебствіе предъ битвою (въ „Войнѣ и Мирѣ“): сколько души, сколько мольбы, какая глубина состраданія и силы, героизма и великодушія, — люди, далекіе другъ отъ друга, становятся ближе, дороже, любимѣе. Въ исторіи человѣчества войны *вдохновляютъ*; человѣкъ становится человѣчнѣе, глубже задумывается надъ жизнью, ярче видитъ пути правды и пути зла, яснѣе оцѣниваетъ величіе и ничтожество въ народахъ. Наша отечественная война, освобожденіе балканскихъ славянъ, севасто-

польское сидѣнье, наши стародавнія войны съ монголами и ляхами, — не тоже самое, что представляютъ собою, напримѣръ, насильническая война англичанъ съ бурами, не менѣе дикая ихъ расправа съ махдистами, ужасныя экспедиціи „усмиреній народныхъ волненій“ въ Индіи, варварскіе погромы, произведенные въ Китаѣ карательными экспедиціями европейцевъ. И русскому народу нѣтъ основаній гнушаться своихъ великихъ войнъ, нѣтъ причинъ стыдиться своего военнаго могущества, — нѣтъ, мы дорожимъ своимъ воинствомъ, высоко цѣнимъ его *современную священную миссію*: ибо при крайнемъ лицемѣріи, обиліи разбойничьихъ чувствъ, невѣроятномъ душевномъ одичаніи при отсутствіи сколько нибудь жаркой совѣсти предъ Господомъ среди европейскаго современнаго человѣчества, война неизбѣжно возстаетъ въ новомъ мистическомъ значеніи: *священнаго порыва воли и силы человѣка къ послѣдней защитѣ поруганной правды.*

Гр. Л. Толстой и лица, раздѣляющія его воззрѣнія, иногда переходятъ отъ общихъ разсужденій о безчеловѣчности войны къ личнымъ нападкамъ на воинство, упрекая и наше общество, правильнѣе ту часть его, которая живетъ еще въ прежнихъ лучшихъ русскихъ традиціяхъ, за то уваженіе, съ которымъ у насъ относятся къ воинскому званію. Подобныя нападки — не новость: онѣ повторяютъ только то шаблонно-презрительное отношеніе къ воинству, какъ пережитку варварскихъ временъ, которое усвоено односторонними теоретиками соціализма. Не было бы, однако, ничего дурного, если бы военное сословіе пользовалось среди насъ даже исключительнымъ уваженіемъ. Ибо военные, прежде всего — люди долга, они — *защитники родины*, какъ бы ни высмѣивалось это великое имя иными крошечными носителями „великихъ идей“, люди *обреченные*, — всегда близкіе къ смерти и всегда готовые ее принять, а слѣдовательно, люди съ чистою человѣчною, глубокою душей. Закончимъ разумнымъ и трезвымъ словомъ нашего маститаго полководца М. Драгомирова („Русское Обозрѣніе“, 1901 г. в. 1). „Дерзаю напомнить отцамъ и братіямъ великую заповѣдь изъ Маленькой Великой Книги — „*больше сея любве никтоже иматъ*,

да кто душу свою положитъ за други своя“. Въ этомъ смыслѣ, въ этомъ и сила воинскаго организма для великаго организма государственнаго. Народъ выдѣляетъ изъ себя войско для своего самосохраненія, требуя отъ выдѣляемыхъ безграничнаго самоотверженія; самоотверженія не только до смерти, но до такихъ лишеній, которымъ жидкіе люди иногда даже самую смерть предпочитаютъ... Могутъ проповѣдывать непротивленіе злу; но Тотъ, Кто погналъ вервіемъ торгашей изъ храма, противлялся ли Онъ въ то время злу или не противлялся?.. И потому мысль—хороша, но недомысліе огорчительно; красиво, конечно, попасть въ ересіархи, но еще любезнѣе, хоть и не привлекательнѣе, тянуть въ невидномъ жребіи свою ноту въ стройномъ хорѣ духовнонародной жизни... Грубая сила! А кто вытянулъ Русь изъ Самозванческаго провала? — грубая сила. А кто отстоялъ ее отъ наскока такого наѣздника, какъ Наполеонъ? та же грубая сила. Вотъ вы послѣ этого и брезгайте грубой силой... Безграничное самоотверженіе, — самоотверженіе во имя долга предъ родиной; „*тамъ хорошо, гдѣ Отечество*“, говорили римскіе солдаты, когда Римъ былъ здоровъ; но когда онъ заболѣлъ, „*тамъ отечество, гдѣ хорошо*“, стали говорить они. Да утвердитъ насъ Господь въ первомъ, и да сохранитъ отъ второго!...“

Н. Апокрифъ.

СВЯТАЯ РУСЬ.

I

Благословите, братцы, старину сказать.

„Въ великой книгѣ Божіей“ написана судьба нашей родины, — такъ вѣрили въ старину на Руси; и древняя родная мысль наша тревожно и страстно всматривалась въ темныя дали будущаго, — тѣ дали, гдѣ листъ за листомъ будетъ раскрываться великая хартія судебъ вселенной: „прочти, сударь, книгу Божію, объяви, сударь, дѣла Божіи про наше житье, про святорусское“. Тяжелая и величавая судьба нашей родины предчувствовалась ея лучшими сынами, и тепло молилась старая Русь, зная, что нѣтъ и не будетъ у насъ иного защитника, кромѣ Бога: — такъ, игуменъ Даніилъ, ходившій въ XII вѣкѣ во святую землю, склонившись предъ Гробомъ Господнимъ, въ тихой и слезной молитвѣ поручалъ свою родину Богу, одной нашей любви, одной надеждѣ. „Тогда и азъ худый идохъ къ князю Балдвину и поклонихомся ему до земля... Азъ же рекохъ ему: Господине княже, молюся тебѣ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ Гробомъ Господнимъ *за вся князя наша, и за всю Русьскую землю, за вся христіаны Русьскыя земли*“. Въ почти пророческомъ древнемъ сказаніи объ Егоріи Храбромъ въ задушевныхъ словахъ рисуются тѣ пережитыя Русью стихійныя напасти, подъ гнетомъ которыхъ, казалось бы, никогда не возстать и не окрѣпнуть ей, говорится о ея чудесномъ

воскресенiи любовью Бога и предсказывается религiозный смыслъ ея будущей судьбы. „Посадилъ Егорья (нечестивый царь) во глубокъ погребъ, закрывалъ досками желѣзными, задвигалъ щитами дубовыми, забивалъ гвоздями полужеными, засыпалъ песками рудожелтыми, засыпалъ онъ и притаптывалъ, и притаптывалъ и приговаривалъ: Не видать Егорью свѣта бѣлаго, не обозрѣть Егорью солнца краснаго, не слыхать Егорью звона колокольнаго, не слыхать Егорью пѣнiя церковнаго... Явилась Мать Пресвятая Богородица, святу — Егорью — свѣтъ глаголуетъ: ой, ты, гой еси, святой Егорiй свѣтъ Храбрый, ты за это ли претерпѣнiе ты наслѣдуешь себѣ царство небесное“...

Славянофилы и Достоевскiй были на новой Руси тѣми пророками, чьи рѣчи всегда бываютъ „непонятны, горды, богохульны“ даже для мудрѣйшихъ современниковъ. Ихъ осмѣянная вѣра въ неслыханно великое будущее значенiе Русской земли, вѣра въ то, что съ *крушенiемъ стараго европейскаго мiра Россiя зачнетъ новый мiръ вселенскаго братства, любви и свободы*, нынѣ становится все болѣе и болѣе ясною и дѣйствительною, ибо налицо всѣ признаки не такъ уже далекаго паденiя европейскаго могущества: рано или поздно но наступитъ же тотъ исторически неминуемый моментъ, когда изнуренные, униженные народы, рабы Европы, возстанутъ въ послѣднемъ озлобленiи, въ послѣдней страстной жаждѣ мести и свободы, — а страшно силенъ тотъ, кто бьется за свою свободу, — и вспыхнетъ великiй всемiрный пожаръ. И славянофильство, правильно оцѣнивая ходъ историческихъ событiй и сознавая тѣ результаты, къ которымъ неминуемо должна привести европейская политика, предчувствовало событiя, подобныхъ которымъ не зналъ ни древнiй, ни новый мiръ; но зная, что только одна Русь можетъ явиться *безкорыстнымъ другомъ народовъ*, одна лишь можетъ стать опорою *будущаго возстановленiя всемiрнаго человѣчества въ правдѣ, любви и вѣрѣ*, славянофилы сознавали и величайшую отвѣтственность, лежащую на каждомъ изъ насъ предъ Богомъ и исторiей, и звали насъ быть достойными своей судьбы. Иначе, въ тотъ роковой часъ, когда наступитъ *крушенiе*

стараго міра, Россія явится такою безпомощной, незнающей куда идти, на что опереться, — защищать ли народы во имя Бога и правды или же въ горькомъ ослѣпленіи придти на безславную помощь Европѣ. А опереться намъ есть на что: въ самыхъ основахъ коренного нашего существенно-религіознаго просвѣщенія лежатъ идеи всемірнаго значенія, равно дорогія и завѣтныя „и Эллину и Іудею", и наша историческая воля движется свѣтлымъ чувствомъ: „кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ, кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?"

Предстоящія между народныя задачи Россіи не навязываются ей теоретическою мыслью религіозно - вдохновенныхъ мыслителей, не поставлены предъ ней чьей либо волею въ произвольномъ выборѣ, но естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ самаго положенія Россіи, — смущенной и оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ зрительницы того грубаго произвола и насилія, который чинятъ „лучшіе и избранные" среди народовъ міра. Русь ведетъ на историческомъ пути ея Вѣра, а всенародная наша Вѣра требуетъ не пассивнаго богопочитанія, но теплаго *богослуженія*: быть *въ мірѣ слугою Божьимъ*, во имя Бога творить судъ и правду среди народовъ: „благовѣстить нищимъ, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, *отпустить измученныхъ на свободу*". Величіе народа выражается не только въ заслугахъ предъ человѣчествомъ его національной мысли, искусства, науки, но и — *въ величіи его историческаго пути, въ нравственной красотѣ его историческихъ дѣяній*. Наше прошлое имѣетъ рядъ величавыхъ моментовъ, будущее — въ нашей силѣ, а наша сила въ великой всенародной молитвѣ. Ибо дѣйствительная сила государства не въ одномъ только его экономическомъ и военномъ могуществѣ, но, главнымъ образомъ въ той нравственной крѣпости, которая выражается въ духовной сплоченности народа, единствѣ его высшихъ идеаловъ и въ той религіозной связи всѣхъ сердецъ, которая дается одною только общею теплою и живой вѣрою. Полная вѣра, т. е. вѣра, не умиляющая только нашу мечту, но направляющая наше сердце, мысль и волю, озаряя

весь жизненный путь нашъ, выражается необходимо внѣшнимъ образомъ въ „явленіяхъ *духа и силы*“. Вѣра становится благодатною силой, полною святыхъ чарованій, дающею міру правду, миръ и счастье. И только тотъ народъ, для котораго высшіе идеалы неотдѣлимы отъ его души, стали самою его душей, составитъ то Царство Сильной Правды, вокругъ котораго, какъ вокругъ притягивающаго, живительнаго средоточія всемірнаго человѣчества, сплотятся народы.

Въ Россію и ея великаго бѣлаго Царя вѣрятъ далекіе народы Востока, придавленные европейскимъ игомъ, вовсе не зная насъ въ дѣйствительности, — и въ этомъ удивительномъ отношеніи большей части Азіи сказались отголоски безконечно-свѣтлой правды той вѣры, которая ведетъ Русь среди народовъ, дошедшіе какими то странными, таинственными путями до дальнихъ странъ. Обаяніе мистически-прекраснаго образа бѣлаго Царя, праведнаго, непобѣдимаго, грознаго и любвеобильнаго, царя правды и священной силы, извѣстно нашимъ европейскимъ недругамъ, и—какъ это всегда бываетъ—даже болѣе, чѣмъ намъ самимъ; оттого то, напримѣръ, въ „туземныхъ“ газетахъ Индіи и Китая, издаваемыхъ, поддерживаемыхъ и вдохновляемыхъ англійскими дѣятелями на Востокѣ, такъ явно всегда стремленіе всякаго рода беззастѣнчивой ложью уничтожить это обаяніе Россіи: этой цѣли служитъ изображеніе въ самыхъ гнусныхъ образахъ и нашего быта, и политическаго строя, и нашего отношенія къ другимъ народамъ. Но наша правда доходитъ до народовъ *дѣломъ*, а не безсовѣстно-лживыми „прекрасными“ словами носителей культуры, — словами, которые теперь, увы, никого уже не обманутъ. Въ самой далекой нашей старинѣ зародилась уже непонятная по своему происхожденію какая то мистическая вѣра во всемірное значеніе Бѣлаго Царя: „У насъ Бѣлый Царь надъ царями Царь, и онъ держитъ вѣру крещеную, вѣру крещеную, богомольную, стоитъ за вѣру христіанскую... *Всѣ орды ему преклонилися, всѣ языки ему поклонилися, — потому Бѣлый Царь надъ царями Царь*“.

II

Не видя ничего достойнаго русскаго народа, — народа не лишеннаго даровъ отъ Бога,—въ ученическомъ копированіи началъ и общаго строя европейской культуры, наши славянофилы не отрицали въ то же время необходимости участія русскаго народа въ томъ культурномъ творчествѣ, *которое не съ нынѣшнею только Европою началось въ мірѣ*, требовали болѣе глубокаго общенія русской мысли съ вѣковыми источниками душевнаго просвѣщенія. Славянофильство, требуя національнаго творчества, не шло въ разрѣзъ съ идеей единой всечеловѣческой культуры, основанной на высшихъ началахъ, безотносительно - истинныхъ, безотносительно - прекрасныхъ, безотносительно-добрыхъ. Все, что истинно и прекрасно въ національномъ творчествѣ, необходимо тѣмъ самымъ прекрасно и истинно и въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Посему и развитіе націонализма, существенную часть котораго составляетъ сознательное стремленіе къ увѣнчанію всенародной жизни въ идеалахъ высшей душевной красоты и силы, не только не противорѣчитъ идеаламъ всечеловѣческой культуры, но, напротивъ, — творческимъ образомъ служитъ ея осуществленію.

Славянофильство, воплотившее завѣтныя думы и задушевныя стремленія русскаго народа въ величавыхъ идеяхъ Праведнаго Царя, добраго пастыря, Церкви, великой Родины, дорогой нашей всеобщей Матери, ставитъ предъ русскою жизнью и мыслью сознательно-великіе идеалы, и каждое наше приближеніе къ нимъ есть уже величайшій актъ историческаго творчества. Славянофильство внесло мягкія, привѣтливыя, обаятельныя черты въ ученіе о такихъ предметахъ, которые европейскою мыслью обсуждаются исключительно со стороны суровой необходимости, жестокой принудительности; такъ, напримѣръ, тогда какъ противогосударственная проповѣдь, идущая на Западѣ со стороны анархизма, а у насъ со стороны толстовства, опирается вообще на болѣе принятое воззрѣніе на государство, какъ на форму принудительнаго союза, въ нашемъ славянофильствѣ зало-

жены основы высоко-гуманнаго ученія о государствѣ, какъ Родинѣ, нѣжнымъ материнскимъ обаяніемъ притягивающей къ себѣ нашу сознательную любовь и волю.

Славянофильство начинаетъ эпоху Русскаго Возрожденія, переживаемаго въ наши дни весьма значительною частью русскаго общества болѣе сознательно и производительно. Въ самомъ характерѣ нашего Возрожденія замѣтны особенно прекрасныя черты самобытныхъ началъ нашего культурнаго творчества. „Возрожденіемъ—писалъ покойный пр. М. С. Карелинъ—называется движеніе, освободившее на западѣ Европы личность и культуру отъ порабощенія католическою церковью и положившее прочное начало новой независимой наукѣ, свѣтской философіи, литературѣ, школѣ, самостоятельному искусству“. Тотъ, кому выпадетъ на долю писать правдивую исторію *Русскаго Возрожденія*, несомнѣнно, отмѣтитъ прямо противоположныя черты, ибо въ основѣ русской культуры лежитъ божественное начало, *не враждебное* истинному знанію, *вдохновляющее* искусство болѣе чистымъ стремленіемъ, и по одному тому уже *не поработившее* ни культуры, ни личности, что видитъ въ личности—душу, драгоцѣнную предъ Богомъ, а въ культурное творчество входитъ, какъ одно лишь на свѣтѣ святое, вѣчное вдохновеніе.

Только когда въ путь исторіи, прогресса, свободно-духовнаго творчества свѣтитъ *свѣтъ Божій*, народы пойдутъ путемъ правды, и среди множества разнообразныхъ, извивающихся, взаимно пересѣкающихся тропинокъ жизни ясно увидятъ ту, которая одна лишь ведетъ *къ миру Божьему*. „Ищите прежде всего Бога“,—и нужно искать Его всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумомъ, всею любовью. Безъ Бога нѣтъ счастья, а въ несчастьѣ нѣтъ того Сердца, которое одно пойметъ, проститъ, успокоитъ. Не мечты объ отдаленномъ Божествѣ, не творческое движеніе духа, ищущаго воплотить въ образѣ и безконечно украсить свой Идеалъ,—но вседушевное чувство Бога, не менѣе яркое, чѣмъ сознаніе міра, чѣмъ сознаніе своей жизни—въ этомъ началѣ Вѣры основывается объединеніе людей въ святомъ союзѣ,—въ Церкви. Есть на землѣ нѣкоторое святое мѣсто, Церковь, откуда, какъ изъ устъ

Божіихъ, дышитъ къ человѣчеству любовь, миръ, благословеніе, утѣшеніе. И какъ бы ни изнывала жизнь вокругъ злобой, тоскою, уныніемъ, — тамъ вѣчная благодатная тишина покоя и премудрости, тамъ ходятъ незримо межъ душами тихія вѣсти любви, вышней помощи, безцѣнной отрады, тамъ нельзя каждому не стать лучше, не успокоиться, не такъ легко становится быть злымъ, быть врагомъ людей.

„Истина открывается въ мѣру исканія" говорилъ Хомяковъ, но — и открывшаяся истина осуществляется въ жизни въ мѣру *воли и готовности*, и отъ насъ уже будетъ зависѣть, сумѣемъ ли пройти прямымъ путемъ къ своей исторической цѣли, будемъ ли мы достойны этого пути, сумѣемъ ли послужить Богу всею своей всенародною жизнью и предстать предъ Его лицомъ защитниками народовъ отъ зла, насилія, лжи во имя Бога и Его правды. „Принадлежитъ народу только дѣло, и путь его державенъ и великъ", — и наше историческое служеніе Богу можетъ быть только всенароднымъ. „Золото, золото — сердце народное", — и есть же, дѣйствительно, что-то въ народной душѣ нашей, безконечно умилительное, дорогое, завѣтное всѣмъ. Такому народу предстоитъ и великая будущность, если только стихійныя невзгоды, развратная городская цивилизація, бѣдность, не подорвутъ народныхъ силъ, — и дай Богъ, чтобы намъ никогда не пришлось сказать съ поэтомъ: „не осилили тебя сильные, такъ дорѣзала осень черная"....

Нисколько не заботясь о той *душевной силѣ*, вдыхающей въ жизнь лучшія творческія стремленія, отъ которыхъ дѣйствительно могла бы похорошѣть жизнь, современное культурное человѣчество ожидаетъ, — и какъ долго ожидаетъ! — все лучшаго будущаго, хотя день за днемъ дѣйствительность несетъ только новыя и новыя разочарованія. „Умножатся беззаконія", — сбывается это древнее пророчество, и развѣ всюду не хладѣютъ души, развѣ всею отвратительною ложью, на которую только способно лицемѣріе, порокъ и низость, не залганы, не опозорены въ конецъ великія идеи свободы, человѣчности, братства? Европейская мысль прошлаго столѣтія воздвигла великій храмъ знанія и высшей

отвлеченной мысли, но ничего не сдѣлала для *культуры души,* не претворила въ людскихъ сердцахъ великія идеи о жизни въ творческія силы жизни. „Вмѣсто того — говорилъ нѣкогда Шиллеръ — чтобы явить во всемъ себѣ человѣчность, человѣкъ становится простымъ отраженіемъ своего занятія, своей науки“, — и оттого то всѣ высокія наши пріобрѣтенія въ области духа идутъ все какъ то наряду съ жизнью, возвышаясь надъ ней, но не оплодотворяя ее. „Отъ критики до критики — говорилъ еще Прудонъ — мы дошли до слѣдующаго печальнаго заключенія: справедливое и несправедливое, что, какъ намъ казалось, мы могли точно распознавать, суть термины условные, темные и неопредѣленные; что всѣ эти слова: право, долгъ, нравственность, добродѣтель, по поводу которыхъ такъ шумятъ каѳедра и школа, служатъ только для прикрытія чистыхъ гипотезъ, тщетныхъ утопій, бездоказательныхъ предразсудковъ... Чтобы все сказать однимъ словомъ: скептицизмъ, опустошивъ религію и политику, обрушился на нравственность. Нѣтъ мысли о справедливости, никакого уваженія къ свободѣ, никакой солидарности межъ гражданами. Нѣтъ установленія, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, нѣтъ начала, которое бы не отрицалось и не поносилось. Нѣтъ авторитета ни духовнаго, ни свѣтскаго, — вездѣ *души, погруженныя въ свое „я“, безъ точки опоры, безъ свѣта... Аристократія биржи, кидающаяся на общественное достояніе, средній классъ, умирающій отъ трусости и глупости; масса, коснѣющая въ бѣдности и дурныхъ стремленіяхъ; женщина, воспламененная роскошью и сладострастіемъ; безстыдное юношество, католическое духовенство, опозоренное скандаломъ и мщеніемъ, не имѣющее вѣры въ самого себя и едва возмущающее общественное молчаніе своими мертворожденными догмами, — таковъ профиль нашего вѣка*“. Увы, съ каждымъ днемъ этотъ профиль западно-европейской жизни вырисовывается все болѣе и болѣе, и въ эти контуры общаго характера вѣка во многомъ начинаетъ входить и современная наша русская жизнь, при всеобщемъ почти стремленіи строить ее во всѣхъ деталяхъ по европейскому шаблону.

III

„Человѣкъ настоящаго времени — по справедливому замѣчанію А. Фуллье — несетъ на себѣ всю тяжесть предшествующей исторіи“. Разбиты пылкія мечты осчастливить человѣчество страстными призывами къ свободѣ, равенству, братству, измельчали и опошлились политическіе идеалы, упавъ до уровня низкихъ побужденій безудержныхъ стяжателей и хищныхъ биржевиковъ, повсюду растетъ бѣдность коренныхъ народныхъ массъ, ведущая за собою огрубѣніе чувствъ, оскверненіе всѣхъ лучшихъ межчеловѣческихъ отношеній, озлобленность однихъ, ненависть другихъ, — и, перешагнувъ изъ за грани двухъ послѣднихъ вѣковъ, обступили Европу со всѣхъ сторонъ нерѣшенныя задачи во внутренней и несведенные счеты въ международной жизни. Нынѣ становится все яснѣе и яснѣе, что задачею нашего вѣка не можетъ уже быть исключительная задача уравновѣшенія матеріальныхъ благъ, — въ возможности дѣйствительно разумнаго разрѣшенія послѣдней стали сомнѣваться даже и сторонники соціализма, — но созданіе такого *вездѣсущаго духа любви*, который, сдѣлавъ бы просто *неощутимыми* матеріальные недостатки, восполняя ихъ безграничною, необидною, братской помощью, вдохновилъ бы человѣчество такимъ сознаніемъ счастья жить въ мірѣ Бога, что всѣмъ и каждому среди этого міра Смерти и Зла видѣлся бы ясно независимый отъ него безмѣрный міръ Духа и Разума и душевный путь къ нему, — не стонами жалкаго раба, не менѣе жалкою рабскою злобой отвѣтитъ тогда человѣкъ неправдѣ и злобѣ жизни, но съ гордымъ и спокойнымъ *презрѣніемъ ко злу* создастъ чудное свое, человѣческое, свободное счастье, — счастье жизни, полной Богомъ и правдой. Подъ вліяніемъ „правилъ житейской мудрости“ — съ одной стороны, и дарвиновской теоріи—съ другой, господствующій въ настоящее время символъ жизненной вѣры выражается формулой: *борьба за жизнь, побѣда сильнѣйшихъ*. Этотъ принципъ жизни предполагается безусловнымъ и неотмѣннымъ, какъ заложенный въ естественныхъ законахъ природы. Какъ будто мысль

и любовь не достигли уже той вершины, съ которой человѣчество и должно и смѣетъ *отмѣнить* этотъ законъ, если бы даже онъ существовалъ въ дѣйствительности, и поставить на его мѣсто законъ *помощи въ жизни и побѣды добрѣйшихъ и сердечныхъ.* „Всѣ за каждаго" — эта наша старинная формула идеальнаго общежитія ставитъ идеалъ, который не можетъ не быть дорогъ людямъ всего міра. Надъ хаосомъ современнаго раздора, душевнаго разлада, упадка воли къ добру и всемірному счастью чуется близкое рожденіе на землѣ духа Любви, и послужить его рожденію — высшая задача мысли нашего вѣка. Въ нашей литературѣ, главнымъ образомъ, въ твореніяхъ Достоевскаго, выяснилась самобытность русской вѣрующей мысли, въ особенномъ значеніи выдѣляющая ее среди всемірной мысли, — именно, стремленіе съ душевной стороны освѣтить и понять и каждую личную жизнь человѣка, его сердечную жажду, смыслъ его низости и величіе священныхъ минутъ въ его душѣ, — и полную исторію человѣчества съ его многовѣковыми думами, вѣрой, любовью. Всѣмъ сердцемъ чувствуя какъ тоскуетъ современный міръ, какъ больна совѣсть народовъ, принести ясный всѣмъ великій отвѣтъ вмѣстѣ съ правдою грознаго обличенія и съ правдою утѣшенія, раскрыть тѣ пути, по которымъ потечетъ жизнь народовъ, обновленная въ радости и свободѣ, — въ этомъ лучшіе наши умы видятъ цѣль русской мысли на пути всемірнаго единенія. Истинная задача мыслителя — быть адвокатомъ человѣчества, вдохновленнымъ однимъ теплымъ желаніемъ: понять правду его участи, безъ вражды, безъ намѣренной слѣпоты оцѣнить все доброе, безотносительно-доброе въ вѣковыхъ думахъ его о правдѣ, о Богѣ, счастьѣ и безсмертіи, — а не безжалостнымъ холоднымъ прокуроромъ, имѣющимъ одну только цѣль: все обвинять и обвинять этого „вѣчнаго преступника". Основная точка зрѣнія русской мысли опредѣляется однимъ уже нашимъ народнымъ характеромъ: задушевности, братскаго вниманія, радушнаго дружескаго участія; отсюда и нашей задачей въ области всемірной культуры является стремленіе внести во *всемірную мысль* тотъ тихій свѣтъ всеразъясняю-

щаго примиренія, въ которомъ сами собою пали бы всѣ перегородки и межъ людьми и межъ народами, — обласкать, согласить, *сочетать человѣчество*. Ибо, увы, мы все только „расточаемъ, а не собираемъ“, вмѣсто желаннаго объединенія сѣемъ новыя смуты, раздоръ, раздѣленіе и вражду.

Всемірное братство во имя Бога, — самый великій идеалъ, народившійся на счастье человѣчеству на зарѣ нашего вѣка. „*Человѣкъ для человѣка — святыня*“ — запомнимъ же разъ навсегда и полюбимъ это чудное слово Сенеки, — и будемъ любить ближняго *больше, чѣмъ самого себя*. Видоизмѣняя изреченіе одного русскаго пастыря, можемъ сказать: „наши человѣческія перегородки межъ людьми *до неба не доходятъ*“, — и для любви, для *самопроизвольной* любви, нѣтъ никого, кто былъ бы далекъ, не виденъ, чуждъ. Широкое, открытое всѣмъ и каждому сердце, взволнованное страстью вдохновить любовью и счастьемъ сердце ближняго, безконечно отзывчивая мысль, жадно вслушивающаяся въ думы минувшихъ вѣковъ, въ тревожный и страстный говоръ современныхъ смущенныхъ душъ, — безбожныхъ и жаждущихъ божественной правды, увядшихъ и рвущихся къ теплу, свѣту, счастью, порабощенныхъ, озлобленныхъ и страстно зовущихъ любовь и свободу, безсознательно томящихся въ разлукѣ съ братьями и ненавидящихъ ближнихъ, — таковъ не недоступный идеалъ, который нынѣ каждый изъ насъ съ полною вѣрою можетъ поставить предъ собою. Ибо „гдѣ тяжко дышется, гдѣ горе слышится“, — туда летитъ мысль и любовь современнаго человѣка, но, увы, онъ не несетъ съ собою врачующей силы вмѣстѣ съ сердечною вѣрой въ цѣленіе, чѣмъ только и исцѣляются страдающія души. И такъ примирить въ Богѣ согбеннаго, падающаго подъ непосильною ношей, такою лаской окружить каждаго убитаго горемъ, бѣдностью, несчастьемъ, такимъ *уходомъ за его больною душей*, чтобы и богачу, и довольному, и счастливому стало завидно, стало бы грустно не имѣть такого счастья въ любви братьевъ, — такую силу цѣленія несетъ человѣкъ человѣку только тогда, когда его душа зажжена божественной любовью, летитъ къ людямъ-братьямъ вѣстникомъ Бога. Истинная духовная са-

мобытность необходимо сказывается не только въ тѣхъ отвѣтахъ, которые народный геній даетъ на вопросы, поставленные вѣками, но и въ самомъ отношеніи къ задачамъ жизни: по древнему нашему сказанію *святая Софія Премудрая* породила *сына Егорія Свѣта Храбраго*, — т. е. высшая Мудрость, дорогая предъ Богомъ, породитъ великую и святую Волю, какъ силу благодатнаго воздѣйствія на жизнь человѣчества.

То, что Достоевскій называлъ *всечеловѣчностью* русской души, есть прежде всего свобода отъ сковывающихъ узконаціональныхъ предразсудковъ, не позволяющихъ видѣть нигдѣ добро внѣ обычныхъ формъ своего добра и правды, и предполагаетъ глубину и просторъ свободной мысли, умѣнье полно и ясно чувствовать каждое своеобразное движеніе каждаго своеобразнаго духа, не подчиняясь, однако, безвольно чуждымъ вліяніямъ, не теряя *своего высшаго самосознанія*. Не на „великой безличности русской", въ силу которой, какъ иногда иронически говорятъ, русскій народъ готовъ воспринять и усвоить все чужое, мечталъ Достоевскій основать великое братство народовъ, — эта мнимая „безличность" есть во-истину безконечная и безконечно-прекрасная Личность, для которой все, что свято, праведно предъ Богомъ, все, что только возвышало духъ человѣческій въ славѣ и разумѣ, есть свое родное, завѣтное. Не разрушать, не уничтожать мысль и душу народовъ, подводя каждую культуру подъ насильныя, чуждыя ей, а потому и холодныя чужія формулы, но „сердце къ сердцу" понять каждую чужую душу и ея своеобразную красоту, а каждую высшую мысль и вѣру обнять *въ чудномъ, божественномъ всеобъясняющемъ свѣтѣ*, возводя ихъ до еще высшей и свѣтлѣйшей ступени, — всемірно-единаго поклоненія Единому Богу. И что-же можетъ быть выше стремленія возвратить человѣчество къ правдѣ, всѣхъ возвратить къ счастью жизни въ сознаніи Истиннаго Божества?...

IV

Современная Европа гордится своею культурой, какъ тою конечной цѣлью, къ которой, генетически развиваясь, дол-

жна приходить каждая „низшая культура“. Прививаемая всюду огнемъ и мечомъ, грабежомъ и насиліемъ, она, увы остается между тѣмъ глубоко антипатична не-европейцамъ, справедливо представляясь въ ихъ глазахъ все еще варварской и безчеловѣчной; она не несетъ „благой вѣсти“ ихъ душѣ, оскорбляя въ народахъ все дорогое каждому человѣку, начиная съ вѣры, совѣсти, неподкупнаго чувства правды и права и кончая естественнымъ чувствомъ личнаго достоинства. Какъ бы искусно не прикрывали европейцы свое отвратительно-варварское отношеніе къ другимъ народамъ, свои разбойничьи вожделѣнія прекрасными словами вѣчнаго значенія, они никого не обманутъ, — ни людей, ни Бога. „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“. И вотъ,—несясь съ воинственными кликами, гоня народы, топча ихъ въ дикой травлѣ, — неужели, въ концѣ концовъ, не увидятъ гонители тамъ, среди тучъ и мрака, нависшаго скорбями, болѣзнями, позоромъ насилія и плѣна надъ угнетенными кроткаго Лика Вселюбящаго Бога?.. „Когда люди стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности, когда стали преступны, то изобрѣли справедливость“, — говоритъ Достоевскій, — правда его слова съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе и очевиднѣе въ правдѣ современныхъ международныхъ событій. Дикое отношеніе къ людямъ-братьямъ, проявленное европейцами въ азіатскихъ и африканскихъ войнахъ и „экспедиціяхъ“ послѣдняго времени, заставляетъ невольно ужасаться за современнаго человѣка и вспомнить горькое слово Достоевскаго: „Во что эти люди вѣруютъ, какъ они засыпаютъ ночью, какіе имъ сны снятся, что дѣлаютъ они наединѣ съ своею душей?...“ Однако, такой путь не приведетъ къ добру, и если въ руководящихъ принципахъ международныхъ отношеній не восторжествуютъ *подъ вліяніемъ Россіи* начала человѣчности, любви и разума надъ исключительно-дѣйствующимъ въ настоящее время стремленіемъ какъ можно крѣпче поработить подневольные народы, какъ можно полнѣе и искуснѣе обобрать ихъ достояніе, то въ лучшемъ случаѣ слѣдуетъ ожидать позорнаго изгнанія европейцевъ изъ Азіи, Африки и Австраліи, а въ худшемъ — и во всякомъ случаѣ,

ужасномъ, — *полнаго разгрома Европы.* И это нынѣшнее блестящее европейское „колоніальное могущество“, этотъ „блистательный позоръ“ Европы — только начало ея скораго или далекаго, но все таки неминуемаго позорнаго конца: — „*видѣлъ я нечестивца грознаго, расширившагося подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву, но — онъ прошелъ, и вотъ — нѣтъ его, ищу и не нахожу...*“ А какую славную эпоху въ исторіи человѣчества могла бы создать Европа, ставши во главѣ братскихъ народовъ на пути къ душевной свободѣ, всемірному счастью, Богу. Но нѣтъ, трудно ожидать лучшаго: каждый день разоблачаетъ только все новые и новые грабительскіе замыслы, и, быть можетъ, мы ужаснулись бы, узнавъ во всѣхъ подробностяхъ, какія дикія грезы грезятся въ Европѣ: и наполеоновское всесвѣтное владычество, и повтореніе древней всемірной Римской Имперіи съ громадными провинціями рабовъ-славянъ, какъ тщательно высчитано: кто еще въ спискахъ всемірнаго человѣчества остался неограбленнымъ, — нѣтъ, не миръ и просвѣщеніе, не братство и культуру несетъ Европа народамъ, но предательскій мечъ, и — мечомъ погибнетъ. Ибо не трудно представить себѣ, какой страшный кризисъ вызоветъ одно только хотя бы отпаденіе колоній, къ какимъ мятежамъ и ужасамъ междоусобныхъ войнъ придетъ разоренный народъ, оставшійся безъ работы, безъ крова, безъ земли, брошенный на произволъ судьбы, въ страшной ярости готовый на всякую кровавую месть.... Но къ этому, — по пятамъ изгнанныхъ насильниковъ можетъ послѣдовать месть освободившихся народовъ, не менѣе сильныхъ, окрѣпшихъ, но не забывшихъ многовѣковаго рабства. Тогда могла бы наступить такая всемірная революція, такое страшное потрясеніе стараго европейскаго міра, подобнаго чему не видала подлунная. Россія въ тотъ часъ должна быть страшно сильна и грозна, — грозна гнѣвомъ Бога, чтобы дать народамъ правду, судъ и свободу, встать во главѣ человѣчества на пути къ лучшей всемірной жизни въ правдѣ, Богѣ и братствѣ. Не владычество надъ міромъ грезится Россіи, но — *ко спасенію міра* лежитъ наше великое всенародное сердце: спасенію отъ хищниковъ, позорящихъ вѣру, оскорб-

ляющихъ Небо, спасенію отъ безбожія, единственной причины всѣхъ людскихъ смутъ, жестокости, злобы. Нуженъ *бичъ святой,* которымъ будутъ изгнаны наглые торгаши изъ міра Божьяго, Его вѣчно святаго храма, закабалившіе въ рабство народы. И самые далекіе народы и теперь уже взираютъ съ надеждой на Русь, — а въ будущемъ, вѣримъ, поймутъ и оцѣнятъ и великое Всеславянство, — вѣрятъ, что отъ Бѣлаго Царя только можно ждать защиты, помощи, поддержки: имъ, угнетеннымъ, вѣчно чувствующимъ надъ собою оскалившіеся зубы и алчные взоры, холодно сверкающіе низкою страстью и жестокостью, свѣтитъ далекая, неподкупная, *святая Русская правда.* Вотъ почему развитіе національнаго направленія въ русской политикѣ, мысли и жизни такъ пугаетъ Западъ, предчувствующій, что Русь, оставшаяся *вполнѣ собою,* не связанная въ своихъ рѣшеніяхъ мнимою солидарностью съ Европой, сильная, могущественная, въ рѣшительный моментъ остановитъ дерзкую руку всякаго, кто мечтаетъ погубить болѣе слабыхъ и прямодушныхъ, и что *духовно-мощная, сплоченная, бодрая, вѣрящаявъ себя, свою силу и свои задачи Россія* въ критическій моментъ встанетъ межъ Европой и ея противниками *святымъ мстителемъ во имя Бога.* И тогда лишь увидятъ всѣ языки, что во-истину святъ и великъ тотъ Богъ, котораго чтитъ Русская Земля, что онъ — Богъ Истинный, ибо свѣтъ, правду, счастье принесла вѣра въ Него всему міру, — „*вѣра ихъ возвѣстится во всемъ мірѣ*“.

Ник. Недолинъ.

БОСНА и ГЕРЦЕГОВИНА.

Опально — міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ?...

Ѳ. И. Тютчевъ.

I

Въ то время, когда заграничная, а въ особенности австрійская, печать стараются убѣдить себя и другихъ въ процвѣтаніи и благоденствіи оккупированныхъ Австро-Венгріей славянскихъ провинцій, Босны и Герцеговины; въ то время, когда управитель этихъ провинцій, Каллай, силится доказать міру, что населеніе Босны и Герцеговины находятся въ лучшихъ условіяхъ и пользуются всѣми правами для своего развитія по пути общечеловѣческаго прогресса; въ то время, наконецъ, когда въ Вѣнскихъ и въ Будапештскихъ правительственныхъ кругахъ и органахъ усиленнѣе сталъ обсуждаться вопросъ объ *окончательномъ присоединеніи* означенныхъ провинцій къ цѣлокупности Австро-Венгерской имперіи, — въ это самое время, русскій ученый путешественникъ, Ал. Харузинъ, недавно выпустилъ въ свѣтъ объемистую книгу — *Боснія и Герцеговина*, въ которой на основаніи лично добытыхъ имъ во время прошлогодней своей поѣздки по оккупаціоннымъ провинціямъ свѣдѣній и наблюденій даетъ подробное изложеніе истиннаго и печальнаго положенія, православнаго и магометанскаго, сербскаго населенія, волей

западныхъ державъ и по Берлинскому трактату отданнаго подъ опеку, или вѣрнѣе говоря, подъ иго католической и пангерманствующей Австро-Венгріи.

Книга г. Харузина даетъ намъ систематическое и подробное изложеніе историческихъ и современныхъ фактовъ незавиднаго положенія православнаго населенія Босны и Герцеговины, четверть вѣка тому назадъ такъ геройски боровшагося и умиравшаго *за крестъ святой и свободу златну.* А потому книга г. Харузина заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго ознакомленія, такъ какъ его трудъ явился совершенно кстати и отвѣчаетъ времени, когда нужно уже подвести итоги прошлаго, серьезно отнестись къ тому, что дала эта почти насильно навязанная оккупація злосчастнымъ провинціямъ и окончательно подумать о дальнѣйшемъ будущемъ ихъ.

Четверть вѣка было вполнѣ достаточно, чтобы дать населенію правильное государственное устройство съ общими правами для самостоятельной дальнѣйшей жизни.

Четверть вѣка, повторяемъ, вполнѣ достаточно было, чтобы населеніе забыло недавнее турецкое иго и радовалось бы свободой своихъ возмужалыхъ уже и подростающихъ еще новыхъ поколѣній, незнакомыхъ съ свирѣпостью и звѣрствами османовъ.

Пора покончить эту игру въ опеку, гдѣ славянское православное населеніе, составляющее громадное большинство обѣихъ провинцій, терпитъ горшее иго, чѣмъ при туркахъ.

Пора, повторяемъ мы, покончить преслѣдованіе православнаго духовенства, православной церкви и православнаго населенія Босны - Герцеговины, ибо не мусульмане и не католики жаждали свободы и пять вѣковъ не они гибли и боролись юнацки за *золотую свободу*, а эти же православные Сербы. Книга г. Харузина полна вопіющихъ страданій и мученій православныхъ сербовъ оккупированныхъ провинцій и вполнѣ тождествена съ недавнымъ меморандумомъ, поднесеннымъ сербской *омладиной* австрійскимъ делегаціямъ, выдержки изъ котораго помѣщаемъ въ концѣ настоящаго очерка.

Край находится въ полномъ упадкѣ какъ въ экономическомъ, такъ и въ образовательномъ и духовно-религіозно-нравственномъ отношеніяхъ. Оказывается желѣзный молотъ тевтона и мадьяра во много разъ опаснѣе башибузукскаго ятагана!

Край кишитъ шпіонами, даже извозчики снабжены извѣстными инструкціями для ловли обывателя и пріѣзжаго. Все управленіе находится, даже мѣстное, въ рукахъ пришлыхъ австро-венгерцевъ. „Усиленному надзору шпіоновъ подлежитъ православная часть населенія, въ частности духовенство и интеллигенція, затѣмъ консула и пріѣзжіе“.

При такомъ режимѣ, говоритъ г. Харузинъ, естественнымъ является самое безсовѣстное вскрытіе писемъ, въ особенности идущихъ въ Черногорію и въ Россію или обратно. Благодаря такому положенію, мѣстное населеніе живетъ подъ тяжелымъ гнетомъ, особенно чувствительнымъ для тѣхъ, которые стремятся къ образованію и дѣятельности, такъ какъ всякая свобода слова, всякій обмѣнъ мысли, выписываніе журналовъ и газетъ, не рекомендованныхъ спеціально правительствомъ, вызываютъ конфискаціи, репрессіи, усиленный надзоръ и вообще все то, что дѣлаетъ существованіе свободныхъ людей непріятнымъ, тяжелымъ, невыносимымъ. При такихъ условіяхъ невозможно ждать развитія общественности и интеллигентности. Ни того, ни другого не существуетъ среди мѣстнаго населенія. Вся сербская печать, состоящая изъ двухъ журналовъ и одной недѣльной газеты, находится въ ужасно строгихъ цензурныхъ тискахъ, нещадно вычеркивающихъ самаго невиннаго содержанія статьи, фразы, слова, даже отдѣльныя буквы. Слова *сербъ*, *сербскій*, если они не касаются королевства Сербіи, по возможности совсѣмъ, не допускаются, а о Россіи и Черногоріи разрѣшается писать лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Слова *Россія* и *Черногорія*, особенно же первое, являются настоящими жупелями для австро-венгерскаго правительства Босны - Герцеговины. Правительству повсюду грезятся агитація, шпіонство, подкупъ и интрига *москововъ*. Православное населеніе подозрѣвается въ постоянныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими. Правда Чер-

ногорія и Россія пользуются большими симпатіями со стороны мѣстнаго православнаго населенія, но ни о какихъ сношеніяхъ быть неможетъ и рѣчи. Зато *многочисленные* для мѣстныхъ условій журналы и газеты, издаваемые какъ латинницей, такъ и кириллицей, на сербо-хорватскомъ и нѣмецкомъ языкахъ поражаютъ своей неоригинальностью, безсодержательностью и пустотой.

Чиновничество находится на низшемъ уровнѣ, чѣмъ въ имперіи, и состоитъ изъ пришлыхъ элементовъ, въ числѣ которыхъ особенной ревностью отличаются хорваты и поляки. Какъ говорятъ, послѣдніе, видя въ сербахъ народность пользующуюся симпатіями Россіи, съ удовольствіемъ принимаютъ дѣятельное участіе въ притѣсненіи православнаго населенія и его вѣры. „Полякъ — говорятъ православные Босно-Герцеговинцы — причинивъ зло одному православному въ странѣ — считаетъ, что онъ убилъ семь русскихъ".

Землевладѣніе и благосостояніе страны, а равно и аграрный вопросъ находятся, въ томъ же положеніи, какъ и до оккупаціи. Добываніе металловъ, которыми такъ богата страна не исключая даже золота, серебра и ртути, и вообще горное дѣло находятся въ рукахъ правительства, которое въ своихъ высшихъ представителяхъ даже учавствуетъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, которымъ сдается разработка богатствъ. Въ общемъ правительство не заботится о поднятіи изъ мѣстныхъ людей, способныхъ къ культурной и къ торгово-промышленной дѣятельности, благодаря чему и слышны основательныя жалобы мѣстнаго населенія на общій экономическій подрывъ.

Бюджетъ Босны - Герцеговины ежегодно увеличивается весьма значительно и жалобы на возрастаніе податей въ странѣ повсемѣстны. Слѣдующая таблица наглядно показываетъ быстрое увеличеніе бюджета, который:

Въ	1877	году	=	6,500,000	кронъ.
„	1882	„	=	11,200,000	„
„	1885	„	=	15,900,000	„
„	1888	„	=	18,300,000	„
„	1891	„	=	20,400,000	„

Въ 1894 году = 25,140,000 кронъ.
„ 1897 „ = 36,000,000 „
„ 1901 „ = 42,600,000 „

Дикій законъ о десяткѣ поддерживается въ угоду разнымъ бегамъ и „приверженцамъ“ правительства.

Усиленная поддержка католической пропаганды, допущеніе іезуитовъ и систематическое поощреніе, оказываемое правительствомъ ордену Францисканцевъ, съ одной стороны, и полное глумленіе властей надъ православною церковью служатъ предметомъ постоянной зоботливости оккупаціоннаго правительства для достиженія его цѣлей. Многочисленные же протесты, „меморандумы“, подаваемые населеніемъ императору и делегаціямъ, огульныя арестованія, отдачи подъ „неправедный“ судъ, безпричинныя штрафованія и тому подобныя притѣсненія служатъ лучшимъ доказательствомъ горькаго положенія беззащитнаго положенія православнаго и мусульманскаго сербскаго населенія оккупированныхъ провинцій.

II

Несмотря на преобладающее большинство православныхъ надъ католическимъ и магометанскимъ населеніемъ оккупированныхъ провинцій, положеніе православной церкви находится въ очень стѣснительномъ положеніи. На православную церковь оккупированныя власти расходуютъ слишкомъ незначительныя суммы, въ то время, какъ на прочія исповѣданія эти расходы очень крупные. Главная задача правительства разъединить сербскую народность на двѣ части — хорватскую и боснійскую Въ этомъ направленіи правительство не жалѣетъ ни средствъ, ни денегъ. Въ особенности большую услугу оказываютъ правительству Францисканцы, которые, состоя изъ мѣстнаго населенія, давно прогрессируютъ съ своими образованными „фратерами“. Въ распространеніи католичества въ Боснѣ - Герцеговинѣ главную роль исполняютъ сами хорваты, говорящіе тѣмъ же природно сербскимъ языкомъ, но доведенные своими *фратрами* до фанатиковъ. При этомъ идетъ постепенная замѣна православной кириллицы

католической латиницей. Изъ угнетенныхъ турецкихъ провинцій Босна и Герцеговина превратились въ колонію католической державы, одаренной превышающими культурными средствами, которые съ успѣхомъ приложены на пользу католической церкви, отчасти интернаціональной, отчасти церкви хорватской народности.

Католическая церковь, поддерживаемая правительствомъ и громадными субсидіями изъ Рима, Венгріи, Хорватіи и Франціи, съ водвореніемъ оккупаціи, открыла грозную и открытую борьбу православію, положеніе которой безъ помощи извнѣ становится почти безвыходнымъ. Представители римской церкви не щадятъ средствъ унизить и оскорбить на каждомъ шагу православную церковь. При этомъ римскій фанатизмъ сказывается съ полной силою.

По словамъ г. Харузина, съ введеніемъ оккупаціи, отсутствіе организованности православнаго населенія слишкомъ содѣйствовало правительству въ дѣлѣ скорѣйшаго подчиненія правительственной власти общины, завѣдывавшей своею церковью.

Разрушая существовавшее, расшатывая не прочную организацію, вмѣшиваясь въ чисто церковныя дѣла православныхъ, католическая оккупаціонная власть достигла уже крупныхъ успѣховъ. И дабы имѣть развязанныя руки, правительству необходимо было по возможности совершенно отторгнуть Босну-Герцеговину отъ внѣшней православной церковной власти — отъ Константинопольскаго патріарха. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе выгоднымъ для австро-венгерскаго правительства предоставлялось соединеніе босно-герцеговинской церкви съ венгерскою. Православное населеніе, однако, справедливо усматривая въ этомъ опасность для народной самостоятельности, безусловно воспротивилось отдѣленію отъ Царьградской Патріархіи. При такомъ положеніи и не имѣя разсчета доводить православное населеніе до крайняго раздраженія, оккупаціонное правительство заключило въ 1880 г. съ Константинопольскимъ патріархомъ Конкордатъ, по § 6 котораго патріарху причитается отъ Австро-Венгріи по 58,000 грошей (піастровъ) ежегодно или по 3,480 рублей въ годъ.

Этимъ соглашеніемъ вліяніе патріарха совершенно парализовалось и босно-герцеговинское православное населеніе, оставаясь фактически безъ головы, было предоставлено въ борьбѣ съ инославнымъ правительствомъ самому себѣ и мѣстнымъ митрополитамъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ важнѣйшее значеніе получилъ вопросъ, кто будетъ занимать должности высшихъ въ странѣ іерарховъ...

Печальна и слишкомъ наглядна лѣтопись Ал. Харузина. „При этихъ назначеніяхъ" — продолжаетъ онъ — „правительство руководилось, конечно, исключительно своими интересами. Крупное содержаніе изъ средствъ казны, а равно назначеніе митрополитовъ по возможности изъ венгерскихъ сербовъ — вполнѣ обезпечиваютъ, въ лицѣ мѣстныхъ епископовъ, интересы оккупаціоннаго правительства. Естественно, что народъ не можетъ не относиться ни съ должной любовью, ни съ должнымъ уваженіемъ, ни съ должнымъ довѣріемъ къ своимъ духовнымъ руководителямъ. Для бошняка-герцеговинца венгерскій сербъ, ставленникъ правительства, есть не больше какъ „правительственный человѣкъ", исполняющій предначертанія властей, которыя выказали уже себя въ отношеніи православной части населенія враждебными. Правительствомъ поставленные митрополиты, съ своей стороны, считаютъ себя лишь относительно связанными съ интересами православнаго населенія. Они не входятъ, да и не могутъ входить, во всѣ тѣ соображенія своей паствы, которыми она живетъ, въ вопросы, которые ее волнуютъ. Обезпеченные казеннымъ содержаніемъ, митрополиты не могутъ не быть въ значительной степени *правительственными людьми,* отторгнутыми отъ интересовъ, стремленій и надеждъ православнаго народа. Благодаря этому въ православномъ населеніи утратилось и прежнее необходимое единство: высшая іерархія смотритъ на православное дѣло съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ населеніе".

Одна часть послѣдняго, хотя и признаетъ авторитетъ своихъ епископовъ, однако, осуждаетъ ихъ за ихъ распоряженія и дѣйствія, другая же стала въ открытую оппозицію въ отношеніи своихъ духовныхъ руководителей, оппозицію, предвѣ-

щающую полный разрывъ. Митрополиты правительственнаго направленія не могли, однако, сами по себѣ, значительно нарушить интересы православныхъ, пока въ тѣсномъ единеніи съ народомъ находились его приходскіе священники. Поэтому оккупаціонное правительство озаботилось и должности ближайшихъ къ народу пастырей замѣнить своими людьми. Задача облегчалась самими епископами. Избранные общинами священники не утверждались или лишались своихъ мѣстъ; ихъ замѣнили, такъ называемые, *субвенціонные* священники, т. е. получающіе особое содержаніе отъ правительства и являющіеся послушнымъ его орудіемъ. Часть населенія поневолѣ примкнула къ новому положенію, другая же часть, не желая признавать правительственныхъ священниковъ, не оказавшихся на высотѣ своего призванія, совершенно отошла отъ церкви. Всѣ сношенія съ послѣднею были прерваны. Дѣтей перестали крестить, браки не заключались, погребеніе совершалось безъ участія церкви и ея служителей...

Этотъ разрывъ, конечно, лишь выгоденъ для Рима и въ средѣ самаго православнаго населенія созрѣваютъ элементы, содѣйствующіе отчужденію отъ наличнаго церковнаго устройства. „Католическіе священники"—повѣствуетъ современный лѣтописецъ г. Харузинъ — „пользуясь указаннымъ положеніемъ православной церкви, укоряютъ ее въ слабости, въ неумѣніи управляться, противупоставляютъ свою организацію: „не долженъ ли — говорятъ они — у паствы быть одинъ пастырь, не въ Римѣ ли онъ, не слабы ли вы и не погибаете ли вы безъ нашего руководительства; идите къ намъ, наша церковь съ любовью раскрываетъ вамъ свои объятія, готова принять васъ въ лоно свое; давайте бесѣдовать о правильности нашей и вашей вѣры, давайте спорить, пусть споръ разрѣшитъ наше несогласіе; мы увидимъ справедливо ли вы себя называете *православными*". Для большей убѣдительности въ народѣ распространяются брошюры съ хулою на православіе и съ восхваленіемъ католической церкви. На помощь литературѣ идутъ болѣе дѣйствительныя средства: католическіе образа и кресты, тѣ элементы уніи, которые въ свое время

произвели должное дѣйствіе въ Литовской Руси. Православное населеніе не имѣетъ возможности противодѣйствовать въ достаточной степени этой католической пропагандѣ. Оно не располагаетъ средствами поддерживать духовное просвѣщеніе, на началахъ своей церкви, въ необходимой мѣрѣ. Оно лишено возможности на полемическую литературу католической церкви отвѣтить литературою въ пользу своей церкви, оно не можетъ замѣнить массу выпускаемыхъ въ народъ католическихъ иконъ своими, оно лишено права публично пропагандировать и защищать начала своей церкви; у него даже отнято довѣріе къ своимъ собственнымъ священнослужителямъ. Все, чѣмъ еще выдѣляется православная церковь, ведетъ свое начало изъ турецкихъ временъ. Послѣ оккупаціи воздвигаются видныя зданія костеловъ, затмѣвающія скромные православные храмы. Эти костелы сооружаютъ въ большомъ количествѣ и часто тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ католическаго населенія. Этотъ наплывъ католичества, стоящаго въ Боснѣ-Герцеговинѣ во всеоружіи въ видѣ грознаго врага православія и сербства, не можетъ не привести въ непродолжительномъ времени православную церковь къ самому плачевному положенію. Католическая церковь—государственная; на ея сторонѣ само правительство, за нее денежныя средства, въ изобиліи притекающія изъ за границы, она опекается и руководится изъ государственнаго и церковнаго центровъ, за нее, наконецъ, агрессивная хорватская народность и образованность. Православная церковь въ Боснѣ-Герцеговинѣ одинока; ея глава, Константинопольскій патріархъ ни мало не заинтересованъ ею, со стороны государства она лишь терпима, со стороны католической церкви она презрѣна, какъ схизматическая; единовѣрная Россія не имѣетъ къ ней никакого отношенія ни матеріальнаго, ни нравственнаго (!); православная церковь связана въ странѣ съ сербской народностью, ненавистною для народности хорватской; наконецъ, просвѣщеніе въ ней стоитъ на низкой степени развитія“...

Такимъ образомъ главная опасность заключается именно въ „постройкѣ католическихъ церквей тамъ, гдѣ живетъ исключительно православное населеніе. Направленная въ

пользу католиковъ аграрная политика, субсидированіе преданныхъ правительству священниковъ, изгнаніе священниковъ народныхъ, замѣщеніе должностей митрополитовъ лицами изъ имперіи, содержаніе ихъ на счетъ казны, распространеніе католическихъ иконъ и крестовъ, а равно брошюръ противоправославнаго направленія, главнымъ же образомъ закрытіе православныхъ школъ и замѣна ихъ интерконфессіональными правительственными — все это не можетъ не оказать въ ближайшемъ будущемъ крайне пагубнаго дѣйствія. Относительно народнаго образованія вопросъ стоитъ на той же степени съ правительственной точки зрѣнія, какъ и вопросъ о церкви. Народное образованіе находится въ рукахъ оккупаціонныхъ властей всецѣло. Во множествѣ открываемыхъ правительственныхъ школахъ методъ ведется въ духѣ католической церкви, стремящейся къ денаціонализаціи и окатоличенію населенія, которое вполнѣ сознаетъ опасность и цѣли правительства, а по сему старается открывать и поддерживать свои православныя общинно-церковныя школы. Но такое положеніе создаетъ двойной ущербъ для населенія, которое участвуетъ въ большой долѣ въ общемъ бюджетѣ страны, а, слѣдовательно, и въ училищномъ фондѣ, и облагаетъ само себя для поддержанія своихъ школъ. У православныхъ общинъ нѣтъ такихъ средствъ, чтобы конкурировать съ правительствомъ, и образованіе православныхъ руководителей во многомъ уступаетъ передъ католическими завоевателями. Даже нѣтъ возможности и оборудовать всѣ школы надлежащимъ образомъ. Во всемъ этомъ и заключается главная опасность для православнаго населенія. Оно не рѣшается отдавать своихъ дѣтей ни въ первоначальныя, ни въ среднія правительственныя школы, гдѣ господствуетъ хорватскій и католическій духъ, гдѣ святая *кириллица* совершенно изгнана и всѣ учебники печатаны латинскимъ шрифтомъ, гдѣ преподается исторія *Хорватіи*, а преслѣдуется исторія Сербіи, гдѣ принятъ *хорватскій* языкъ и т. д.

Недовѣріе и подозрѣніе ко всему правительственному у православнаго населенія столь велико, что тѣ родители, которые отдаютъ своихъ дѣтей въ правительственныя школы считаются отщепенцами, а тѣ изъ православныхъ, которые зани-

маются преподаваніемъ въ правительственныхъ школахъ, называются предателями и шпіонами австрійскими. Въ сознаніи же необходимости образованія православное населеніе посылаетъ своихъ дѣтей за границу, въ православныя земли, гдѣ оно увѣрено, что ученики не утратятъ своей вѣры и народности. Посылаютъ въ Черногорію, въ Россію, въ Сербію. Но мѣстное правительство, строго преслѣдуя свои цѣли, категорически объявило, что права, пріобрѣтаемыя въ учебныхъ заведеніяхъ внѣ Босны-Герцеговины и внѣ Австро-Венгріи, ею не признаются. При такомъ трагическомъ положеніи православное населеніе стало добиваться устройства уже давно намѣченной общинной гимназіи въ Сараевѣ. Однако, горести православнаго населенія неисчислимы — пишетъ г. Харузинъ — въ дѣлѣ преслѣдованія православно - сербскихъ начальныхъ школъ и всего *сербскаго* со стороны оккупаціонныхъ властей. „Запрещаются (повсемѣстно) книги, въ которыхъ говорится о сербской національности, языкѣ, имени, даже тѣ, на обложкѣ которыхъ помѣщено изображеніе изъ сербской исторіи, и не дозволяется покупка земельныхъ участковъ подъ школы (Кукулевская община); штрафуются тѣ, которые стоятъ открыто за общинную гимназію въ Сараевѣ; не разрѣшаютъ открытіе въ Мостарѣ женскаго учебнаго заведенія; правительствомъ пропагандируются интерконфессіональныя школы; духовенству велѣно рекомендовать мірянамъ въ проповѣди посѣщеніе правительственныхъ школъ (Столацъ); родителямъ приказывается отдавать дѣтей въ эти школы (Сенскій Мостъ); родителей, стоящихъ за церковныя школы, штрафуютъ (Дубица); учителя не утверждаются, или утвержденные для одного мѣста не допускаются въ другое; лишь тѣ священники правительственныхъ школъ получаютъ содержаніе, у которыхъ не менѣе 10 учениковъ, такъ что само духовенство вынуждается хлопотать объ увеличеніи учащихся; общину отговариваютъ отъ постройки школы, рекомендуя взамѣнъ этого реставрацію мѣстной церкви и суля на это субсидію изъ казны; требуется доведеніе до свѣдѣнія правительства о выборахъ учителей и запрещается послѣднимъ вступать до утвержденія въ исполненіе своихъ обязанностей; при

этомъ съ утвержденіемъ не торопятся — и училища пріостанавливаютъ свою дѣятельность.

Крайне стѣснительное положеніе православнаго сербскаго населенія, свирѣпость полицейскихъ и чиновныхъ властей и систематическое преслѣдованіе церкви и школы заставило представителей общинъ неоднократно обращаться къ правительству и императорской высшей инстанціи съ просьбой объ отмѣнѣ этихъ стѣснительныхъ распоряженій, но каждый разъ ихъ просьбы оставались безъ отвѣта и безъ удовлетворенія. Подавали они просьбу 18 апрѣля 1893 года, подавали они съ уполномоченными отъ 13 православныхъ общинъ 25 ноября 1896 года въ императорскую канцелярію въ Вѣнѣ свой *момерандумъ* объ изложенныхъ притѣсненіяхъ и оба раза отвѣта не послѣдовало, причемъ въ послѣдній разъ была выставлена *причина* отказа, а именно, почему *момерандумъ* былъ направленъ помимо главнаго правителя страны, австро-венгерскаго министра финансовъ Каллая. Вмѣсто отвѣта отъ императора отвѣтили мѣстныя власти преслѣдованіями подписавшихъ и давленіями на всѣ 13 общинъ. „Подобными дѣйствіями — пишетъ г. Харузинъ — власти ведутъ энергично къ ослабленію православнаго населенія, слѣдствіемъ чего, въ виду оппозиціоннаго положенія, можетъ быть пониженіе его общаго образовательнаго уровня. Если прибавить къ этому еще и то, что благосостоянію православнаго торговаго класса нанесенъ чувствительный ударъ появившимися Австро-Венгерскими торговцами, то станетъ понятнымъ какая опасность грозитъ въ ближайшемъ будущемъ всей православной части населенія Босны-Герцеговины“.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора книги г. Харузина нельзя не привесть его сужденіе о босно-герцеговинскомъ вопросѣ, сводящимся нынѣ единственно на борьбу сербской и хорватской народностей и заключающемся въ борбѣ православія съ католичествомъ. „Силы въ этой, впрочемъ, вѣковой уже“ — говоритъ авторъ — „борьбѣ совершенно не равны. Неравенство заключается, главнымъ образомъ, въ степени просвѣщенія. Католическое оккупаціонное правительство страшно для православнаго населенія не тѣмъ, что оно противъ не-

вооруженныхъ босно - герцеговинцевъ держитъ въ постоянной готовности цѣлый корпусъ солдатъ, а тѣмъ, что въ его распоряженіи находится школа, вооруженная арміею католическихъ учителей, тѣмъ, что съ теченіемъ времени образовательный уровень мѣстныхъ францисканцевъ значительно поднялся, тѣмъ, что на помощь отечественнымъ францисканцамъ въ страну внѣдрились іезуиты, взявшіе часть народнаго образованія на себя, тѣмъ, что свѣтское духовенство высокаго образовательнаго уровня, тѣмъ, наконецъ, что католическое населеніе Босны - Герцеговины опирается на высокообразованную, культурную и единовѣрную Австро - Венгрію и въ частности Хорватію, тогда какъ православное населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ опереться даже на сосѣднюю Сербію и Черногорію, которыя въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и вообще народнаго образованія стоятъ еще на низкой степени развитія".

III.

Въ дополненіе свѣдѣній г. Харузина не лишне будетъ привести данныя, выраженныя въ докладной запискѣ, представленной босно - герцеговинской молодежью *(омладиной)* австро - венгерскимъ делегаціямъ.

Въ этомъ момерандумѣ, между прочимъ, говорится, что Австро-Венгрія взяла на себя полномочіе Европы возстановить въ Боснѣ и Герцоговинѣ порядокъ подъ своимъ управленіемъ. Австро - Венгрія должна была, главнымъ образомъ, рѣшить аграрный вопросъ, такъ какъ онъ являлся главной причиной періодическихъ кризисовъ, которые Турція не могла разрѣшить благополучно.

Автономія при подобныхъ условіяхъ была съ австрійской точки зрѣнія немыслима, такъ какъ она, вмѣсто того, чтобы успокоить эти провинціи, могла сдѣлать ихъ очагомъ постоянныхъ волненій и безпорядковъ. Прокломація австро - венгерскихъ войскъ въ 1878 г. къ населенію Босно - Герцеговины гласила: „На совѣтѣ народовъ было единодушно рѣшено, что Австро - Венгрія должна возстановить желаемые вами поря-

докъ и благосостояніе. Ваши законы и учрежденія не будутъ произвольно упразднены и ваши обычаи и нравы будутъ охраняться. Ничто не будетъ измѣнено, безъ основательнаго разсмотрѣнія вашихъ нуждъ. Доходы съ этихъ странъ пойдутъ исключительно на удовлетвореніе вашихъ нуждъ."

Благодаря подобнымъ обѣщаніямъ, большинство магометанъ и всѣ православные сербы спокойно встрѣтили и привѣтствовали Австро-венгерскія войска. Но многое ли перемѣнилось съ тѣхъ поръ?

Аграрныя отношенія въ Боснѣ и Герцеговинѣ остаются въ принципѣ въ томъ-же положеніи, въ которомъ они находились до оккупаціи. Правительство въ значительной мѣрѣ ухудшило отношенія между землевладѣльцами („бегами"); арендаторами *(„кметами")*. Въ настоящее время всѣ землевладѣльцы большею частью перезадолжались, многіе совсѣмъ разорились и выселелись въ Малую Азію. Всѣ кметы значительно обѣднѣли и большая часть голодаетъ среднимъ числомъ четыре дня въ недѣлю. Правительство сохранило *десятинную подать*. Ее взимало также и оттоманское правительство. Но тогда десятина вносилась „натурой" и взималась только съ важнѣйшихъ продуктовъ земледѣлія и по сравнительно умѣренной оцѣнкѣ. Теперешнее правительство ввело уплату десятины *деньгами* и въ одинъ единственный срокъ: конецъ ноября или же декабря. Расцѣнка налоговъ поручается людямъ безъ всякаго образованія, сомнительной жизни и усердіе ихъ награждается соотвѣтственно проценту опредѣляемаго ими десятиннаго налога. Все устроено такъ, что этимъ людямъ предоставленъ наибольшій произволъ. Поэтому то ясно, что каждый, безъ различія, облагается высшимъ налогомъ, чѣмъ это было-бы согласно справедливости. Кромѣ того, десятина уплачивается не по мѣстнымъ рыночнымъ цѣнамъ, а по таксѣ, которая устанавливается правительствомъ сообразно рѣшеніямъ уѣздныхъ комиссій (Medzlis). А эти послѣднія составлены такъ, что назначаютъ ту цѣну, которая желательна начальнику уѣзда. Вся десятина должна быть выплачена въ самое неблагопріятное время, когда на земледѣльческія продукты стоятъ самыя низкія цѣны, испол-

нительная же власть неумолима. Безъ преувеличенія можно утверждать, что Босна и Герцеговина платятъ государству два налога, вмѣсто одного. Въ отдѣльныхъ случаяхъ даже больше. Настоящее правительство облагаетъ десятиннымъ налогомъ всякій, даже самый маловажный продуктъ, даже тотъ, который не приноситъ никакой пользы сельскому хозяину.

Австро-венгерское оккупаціонное правительство не уничтожило еще барщину въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Четыре года тому назадъ, каждый обыватель мужескаго пола между 16—60 год. долженъ былъ работать шесть дней въ году на общественныхъ большихъ дорогахъ, а также отдавать въ работу всѣхъ воловъ и лошадей. Только благодаря несправедливому принужденію со стороны властей многіе работали въ году два, три раза по шести дней. Въ послѣднее время дѣйствительная барщина уничтожена и милостиво обращена въ денежный налогъ. Теперь вмѣсто барщины платится три кроны съ человѣка и тотъ кто не можетъ заплатить къ 31 декабрю этихъ трехъ кронъ впередъ за годъ, платитъ 31 марта 6 кронъ, а кто не внесетъ къ 31 марта этихъ 6 кронъ, тотъ долженъ сработать отмѣренный участокъ большой дороги, на что требуется 10—20 дней работы. Апелляціи не существуетъ. Высшая инстанція — это смотритель дорогъ. Такимъ образомъ, милость обратилась въ несправедливость, болѣе богатые платятъ 3 кроны, такъ какъ у нихъ всегда есть деньги, средне зажиточные платятъ 6 кронъ, такъ какъ имъ удается къ 31 марта раздобыть 6 кронъ; бѣднѣйшіе же работаютъ 20 дней.

Управленіе Босны и Герцеговины сохранило самые худшіе и несправедливые налоги, которые существовали во время турецкаго правленія (наприм., налогъ за вѣсы, бойню, пастбище, базаръ), съ тою разницею, что оно повысило ихъ на 50—200% и расширило ихъ далеко за предѣлы ихъ назначенія. Кромѣ того, австро-венгерское управленіе пересадило изъ Австро-Венгріи въ Босну и Герцеговину всевозможные налоги и пошлины (напр., таможни во многихъ мѣстахъ, пошлину на ввозъ напитковъ, содержащихъ алкоголь, гербовой сборъ и т. подобное).

Государственная казна Австро-Венгріи платитъ Боснѣ и Герцеговинѣ 1,200,000 кронъ пошлиннаго вознагражденія; это конечно, слишкомъ незначительная сумма въ сравненіи съ тѣмъ убыткомъ, который несетъ страна по вышеуказаннымъ причинамъ. Согласно приблизительнымъ вычисленіямъ поступаетъ ежегодно изъ Босны-Герцеговины въ общую государственную кассу Австро-Венгріи около 5 милліоновъ кронъ, вмѣсто тѣхъ 1,200,000 кр., которыя получаются, какъ вознагражденіе. Кромѣ того, австро-венгерское заводско-фабричное производство совершенно уничтожило боснійское кустарное производство. Нѣтъ никакой выгоды въ томъ, что босно-герцеговинскіе продукты на австро-венгерской границѣ пропускаются безъ пошлины, такъ какъ пошлина эта выплачивается сельскимъ хозяйствомъ Босны-Герцеговины разными другими способами: платой за взвѣшиваніе, рыночной пошлиной, монополіею на соль и т. д. Хотя на видъ эти деньги остаются въ странѣ, но онѣ почти всѣ перекочевываютъ разными путями въ карманы австро-венгерскихъ чиновниковъ, которые помѣщаютъ ихъ въ банки внѣ Босны и Герцеговины. Кромѣ того, хотя пошлина не препятствуетъ вывозу скота изъ Босны и Герцеговины, но онъ стѣсненъ ветеринарно-полицейскими предписаніями, которыя въ большинствѣ случаевъ и несправедливы, и слишкомъ строги и преслѣдуютъ только одну цѣль: вытѣснить съ австро-венгерскихъ рынковъ скотъ Босны и Герцеговины.

Въ Боснѣ и Герцеговинѣ косвенные налоги увеличиваются тотчасъ, какъ только въ монархіи заговорятъ объ ихъ повышеніи, напр., пошлина на водку. Повышенъ также былъ налогъ на сахаръ и почтовый сборъ, но не былъ еще уничтоженъ штемпель на газеты и календари, хотя въ Австріи онъ давно уничтоженъ. Почтовый сборъ, вообще, выше, чѣмъ въ австро-венгерскихъ провинціяхъ, преимущественно сборъ за доставку пакетовъ. Австро-венгерское правленіе отняло отъ селъ и городовъ пастбища, а у землевладѣльцевъ беговъ и кметовъ лѣса. Такой образъ дѣйствій былъ вызванъ не законными, а чисто политическими цѣлями. Приверженцы правительства получили лѣса въ подарокъ, потеряли же ихъ

только неблагонадежные землевладѣльцы. Тѣ же, которые сумѣли и смогли отстоять свои права, удержали свои владѣнія, выкупивъ ихъ гербовыми сборами и судебными издержками 10 или 15 лѣтней судебной волокиты.

Въ случаяхъ нужды, какова бы она ни была, правительство не оказываетъ помощи тамъ, гдѣ въ ней нуждаются. Оно не освобождаетъ даже отъ предписанной десятины, если гдѣ-нибудь пронесется градовая буря или случится пожаръ. Во время голодовки и наводненія раздаетъ босно-герцеговинское правительство лишь переселенцамъ пищу и одежду и въ то же время, когда мѣстное населеніе за неимѣніемъ хлѣба въ голодовки выкапываетъ коренья въ лѣсахъ, *накладывается на выкапываніе кореньевъ налогъ въ 3 кроны.* Турецкое правительство открывало во время голодовки житницы и выдавало народу зерно, тогда какъ австро-венгерское правленіе учреждаетъ налогъ на коренья! Благодаря постоянно растущему обѣднѣнію и голодовкамъ народъ выселяется, главнымъ образомъ, магометане. За эти 23 года выселилось около *150,000 душъ* въ Малую Азію, въ Европейскую Турцію и въ Сербію. Не религіозныя причины гонятъ народъ въ земли Великой Порты, такъ какъ по этой причинѣ въ 1878 выселился бы весь народъ. Онъ вынужденъ бѣдствіемъ, голодомъ, несправедливостью и произволомъ правительства покидать могилы отцовъ и предковъ!

Правленіе не заботится о томъ, чтобы задержать это выселеніе благотворными учрежденіями и человѣческимъ отношеніемъ, правительство радуется гораздо болѣе этому выселенію, оно желаетъ, чтобы все сельское населеніе выселилось для того, чтобы колонизація Босны и Герцеговины чужестранцами совершилось быстрѣе и легче.

Чужимъ поселенцамъ даетъ правительство землю даромъ или почти даромъ и освобождаетъ ихъ на 10 лѣтъ отъ десятины, въ то время какъ туземныхъ сельскихъ хозяевъ лишаетъ всѣхъ средствъ существованія. Высшія власти поддерживаютъ колонистовъ изъ Австро-Венгріи во всякомъ предпріятіи, всегда въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ. Никто не смѣетъ жаловаться, такъ какъ „кто клевещетъ на импе-

раторскихъ людей“, тотъ отмѣчается сейчасъ же бунтовщикомъ и неблагонадежнымъ.

Всѣ мѣстные купцы разоряются. Поселившіеся же изъ Австро-Венгріи купцы-евреи наживаются и только потому что казна ихъ товарами покрываетъ всѣ свои потребности. Мѣстному торговому классу закрываетъ правительство по ничтожнымъ причинамъ *помѣщенія* и отговаривается государственными соображеніями. Всевозможными махинаціями привело правительство къ тому, что за 23 года сотни богатѣйшихъ купеческихъ фамилій Босны и Герцеговины современно разорились.

Австро-венгерское правительство начало въ 1882 году безъ всякаго законнаго основанія набирать рекрутовъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Командующій войсками въ своей прокламаціи объявилъ: „Бошняки и Герцеговцы! До этихъ поръ не было нужды отрывать отъ земли рабочую силу, чтобы ващи развалившіеся дома могли быть снова построены и ваши поля воздѣланы... Но теперь время сынамъ вашей земли, способнымъ нести оружіе, исполнить свой долгъ и всѣмъ безъ различія вѣроисповѣданія удостоиться чести нести оружіе для защиты отечества“. Сначала срокъ службы былъ два года. Съ 1898 г. онъ сталъ трехлѣтнимъ. Правительство и въ этомъ отношеніи не обращаетъ никакого вниманія на справедливыя нужды Босны и Герцеговины. Какъ разъ теперь не слѣдовало бы отрывать рабочую силу отъ земли, такъ какъ потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ усиленной работы, чтобы залѣчить раны, которыя нанесло австро-венгерское оккупаціонное правительство. Къ тому же вѣдь Австро-Венгрія получила полномочіе поддерживать порядокъ и миръ въ Боснѣ и Герцеговинѣ, а не эти послѣднія должны водворять миръ и порядокъ въ Вѣнѣ, Пештѣ, Градцѣ и защищать Австро-Венгрію [отъ соціалъ-демократовъ и нѣмецкихъ націоналистовъ, какъ это случается сплошь и рядомъ, ибо босангскіе полки, которые противозаконно стоятъ въ Вѣнѣ, Пештѣ и Градцѣ привлекаются, главнымъ образомъ, для усмиреній уличныхъ безпорядковъ.

Народъ не жаловался бы на воинскую повинность, если бы

она въ дѣйствительности отвѣчала его нуждамъ, если бы служба продолжалась годъ, если бы войска стояли на родинѣ, если бы у нихъ были здоровыя помѣщенія и удовлетворительная пища, еслибы съ ними обращались по человѣчески и если бы всѣ офицеры и унтеръ-офицеры были сыны Босны и Герцеговины. А то Босна и Герцеговина тратитъ 10 милліоновъ кронъ ежегодно на четыре полка, изъ которыхъ только четыре баталіона остаются на родинѣ, остальные же прозябаютъ въ полуразвалившихся, сырыхъ, темныхъ казармахъ Вѣны, Пешта и Градца и гдѣ много ихъ гибнетъ отъ тоски по родинѣ. Все, что босняку и герцеговинцу болѣе всего дорого и свято—Богъ, вѣра, нѣжныя чувства къ отцу - матери и языку родному подвергаются на чужбинѣ предумышленному поруганію со стороны иновѣрныхъ и иноземныхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Деморализованные, ослабѣвшіе и неспособные къ работѣ, босно - герцеговинскіе солдаты возвращаются на родину. Различныя болѣзни, главнымъ образомъ, чахотка и сифилисъ, самоубійства, жестокое нечеловѣческое обращеніе офицеровъ губитъ лучшихъ сыновъ Босны и Герцеговины.

Въ Боснѣ и Герцеговинѣ существуютъ цѣлые легіоны жандармовъ и таможенныхъ сторожей, на которыхъ растрачиваются сотни тысячъ народнаго богатства и которые между тѣмъ противозаконно бьютъ людей, налагаютъ на нихъ контрибуціи, угрожая арестовать ихъ или подать на нихъ жалобы за несовершенное преступленіе. Жандармы и таможенные сторожа развращаютъ женщинъ, насилуютъ ихъ, злоупотребляя своею чиновничьею властію. Жалобы не помогаютъ, такъ какъ правительство не желаетъ, чтобы „правительственный авторитетъ“ терпѣлъ какой нибудь ущербъ.

Причиной безчинствъ, повторяющихся все чаще и чаще является то, что жандармы и таможенные сторожа набираются только изъ чужестранцевъ, которые не питаютъ никакого чувства къ бѣдному народу, и люди, большею частью, сомнительнаго образа жизни и съ темнымъ прошлымъ.

Если бы Австро-Венгрія заботилась о томъ, чтобы испол-

нить свою задачу въ Боснѣ и Герцеговинѣ, то она должна была бы послать туда въ чиновники свои лучшія силы и людей безупречнаго характера. Вмѣсто образованныхъ чиновниковъ съ твердымъ характеромъ нынѣшнее большинство изъ нихъ такіе, которые нигдѣ не могли, да и не смогутъ, найти себѣ занятія. Слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы изъ мѣстныхъ обывателей подготовить въ самый короткій срокъ достаточное число людей для хорошаго мѣстнаго управленія. Но въ Боснѣ и Герцеговинѣ до сихъ поръ *найдется едва 50 человѣкъ* изъ коренного *населенія, которые прошли высшую школу.* Но и тѣмъ немногимъ предпочитаются необразованные и полуобразованные иностранцы. Даже теперь раздаетъ правительство какъ высшія, такъ низшія должности чужестранцамъ, хотя на эти должности нашлись бы уже подготовленные люди изъ коренныхъ жителей. Для занятія высшихъ должностей босно-герцеговинское правительство не требуетъ ни общаго, ни спеціальнаго образованія. Главныя условія: дворянство и протекція. Поэтому на шесть окружныхъ начальниковъ пять австрійскіе дворяне (Freiherr). Такое же иропорціональное отношеніе существуетъ и между уѣздными начальниками.

Многіе изъ состоящихъ въ данное время правительственными секретарями или дѣйствительными статскими совѣтниками (Hofrath), не имѣютъ никакого другого ценза, кромѣ унтеръ-офицерскаго званія, въ которомъ они участвовали при оккупаціи, или же прошли какой нибудь шестимѣсячный курсъ, или были учителями въ народныхъ школахъ.

По соглашенію, заключенному между турецкимъ и австро-венгерскимъ правительствомъ, послѣднее обязуется сохранить должности за всѣми способными къ службѣ коренными жителями Босны и Герцеговины и при дальнѣйшихъ назначеніяхъ оказывать имъ предпочтеніе. Между тѣмъ, до сихъ поръ въ Боснѣ и Герцеговинѣ очень мало государственныхъ должностей, занятыхъ босняками и герцеговинцами, въ то время, какъ, напр., въ Болгаріи всѣ должности заняты уже болгарскими - же чиновниками. Необходимымъ условіемъ для успѣшной дѣятельности въ Боснѣ и Герцеговинѣ должно

быть глубокое знаніе чиновниками языка, на которомъ говоритъ народъ. Въ данное время среди правительственныхъ чиновниковъ *нѣтъ и 20%* владѣющихъ сербскимъ языкомъ. Правительство предпочитаетъ назначить тѣхъ, которые не умѣютъ сказать ни слова по сербски и считаютъ ниже своего достоинства изучить языкъ народа, который кормитъ ихъ. Естественнымъ казалось бы, чтобы судьи владѣли сербскимъ языкомъ во всей его полнотѣ, со всѣми діалектическими и провинціальными особенностями Босны и Герцеговины. А вмѣсто того, отъ судьи требуется знаніе одного какого нибудь славянскаго языка. Много примѣровъ показываютъ, какъ судья, знающій одинъ какой нибудь славянскій языкъ, не сербскій, крайне не вѣрно понимаетъ и истолковываетъ показанія сторонъ и свидѣтелей.

Суды первой инстанціи подчинены административной власти; судьи съ академическимъ образованіемъ подчиняются необразованнымъ уѣзднымъ начальникамъ. Почти всѣ процессы какъ гражданскіе, такъ и уголовные рѣшаются въ первой инстанціи по усмотрѣнію и по приказанію административной власти. По приказанію административной власти въ домахъ производятся обыски, граждане изгоняются изъ своего мѣстожительства, за политически заподозрѣнными учреждается полицейскій надзоръ, прекращаются торговыя и промышленныя концессіи по политическимъ причинамъ, даже почетные граждане подвергаются аресту безъ рѣшенія суда и нѣсколькимъ мѣсяцамъ предварительнаго заключенія. *Мало того, и до сихъ поръ употребляется пытка.* Во время турецкаго правленія существовалъ родъ присяжныхъ судовъ, называвшійся „меджлисъ“. Въ члены этого „суда“ выбиралъ народъ, безъ всякаго давленія со стороны властей, по два человѣка изъ магометанъ и христіанъ. Такимъ образомъ, въ члены меджлиса выбирались самые уважаемые и добросовѣстные люди, которые сознавали свои права и свои обязанности. Австро-венгерское правительство удержало эти суды присяжныхъ съ тою разницею, что административная власть выбираетъ „засѣдателей“ и назначаетъ присяжными всегда людей зависимыхъ, трусливыхъ и неграмотныхъ.

Суды второй инстанціи формально независимы, но громадное большинство процессовъ не доходитъ вообще до второй инстанціи, такъ какъ апелляція считается въ Боснѣ и Герцеговинѣ противозаконіемъ. Кромѣ того, на рѣшеніи суда первой инстанціи, на которую хотятъ подать апелляціонную жалобу, дѣлается помѣтка карандашемъ: „можетъ" или „не можетъ быть отвергнута". Въ первомъ случаѣ вторая инстанція вовсе и не просматриваетъ бумагъ, помѣтки карандашемъ подчищаются и рѣшеніе первой инстанціи утверждается.

Административная власть всемогуща, въ каждомъ уѣздѣ самостоятельна и самовольна. Если кто-либо жалуется на неодинаковыя распоряженія въ другомъ уѣздѣ, то получаетъ въ отвѣтъ: „Тамъ господствуетъ другое правленіе, тутъ я властелинъ!" Административныя учрежденія налагаютъ денежные штрафы до тысячи кронъ за самые незначительные проступки, напримѣръ, пѣніе сербскихъ пѣсенъ, произнесеніе рѣчей безъ предварительнаго согласія цензуры, непринятіе участія въ торжественной встрѣчѣ епископа, владѣніе портретомъ султана, Русскаго Царя или покойнаго князя Михаила Обреновича, владѣніе скрипкой съ сербскимъ гербомъ и т. д.

Сборъ денежныхъ штрафовъ производится безжалостно. Даже самый нуждающійся не щадится: орудіе, скотъ, одежда, клобукъ, хлѣбъ изъ печки, все немедленно идетъ въ продажу, чтобы уплатить несправедливо назначенный денежный штрафъ, Политическіе аресты постоянно производятся надъ уважаемыми гражданами, которымъ нельзя приписать никакого заслуживающаго наказанія проступка. Попавшіе въ немилость и разъ освобожденные отъ военной службы призываются по приказанію административной власти къ отбыванію воинской повинности.

Правительство не стремится поднять народъ нравственно. Напротивъ, вводятся самыя отвратительныя учрежденія, терпятся самыя скандальныя происшествія. Сейчасъ же послѣ оккупаціи было учреждено даже въ самыхъ *маленькихъ мѣстечкахъ* безчисленное множество публичныхъ домовъ терпи-

мости. Въ большихъ городахъ, кромѣ того, частные салоны. Сверхъ того, въ Мостарѣ еще и *мужской салонъ*. На табачныхъ фабрикахъ, на ковровыхъ и въ другихъ рабочихъ домахъ государственные чиновники соблазняютъ невинныхъ дѣвушекъ и растлѣваютъ ихъ.

Правительство ничего не дѣлаетъ для предупрежденія отъ злоупотребленія алкоголемъ. Оно отнимаетъ концессіи у гражданъ, могущихъ стать для него неблагонадежными, и раздаетъ ихъ своимъ доброжелателямъ на необыкновенныхъ правахъ. Оно запрещаетъ основывать общества трезвости для борьбы съ алкоголизмомъ.

Вообще, правительство препятствуетъ учрежденію человѣколюбивыхъ и національныхъ обществъ, гимнастическихъ обществъ, студенческаго общества взаимопомощи, ремесленныхъ союзовъ, сербскаго пѣвческого общества и сербскихъ читаленъ. Основаннымъ же обществамъ оно ставитъ всевозможныя препятствія, искажаетъ и сокращаетъ ихъ программы, запрещаетъ освященіе знамени общества, запрещаетъ собранія и прогулки. Правительство препятствуетъ чтить память сербскаго національнаго святого Саввы и запрещаетъ, вообще, все *сербское*. Въ настоящее время сербскій языкъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ долженъ называться „босанскимъ“ и народъ „Боснякам и“, онъ долженъ знать исторію только Босны и даже только одинъ отдѣлъ, когда Босанскіе баны были зависимы отъ венгерскихъ королей.

Австро-венгерское правительство стремится обособить Босну и Герцеговину и въ религіозномъ отношеніи, отторгнуть не только православныхъ отъ вселенскаго патріарха, но и магометанъ отъ калифата. Когда магометане праздновали 25-лѣтній юбилей султана, правительство запретило празднества въ Боснѣ и Герцеговинѣ; изображенія султана срывались силой жандармами и военными, фейерверки тушились, населеніе *изгонялось ружьями съ улицъ и изъ мечетей*.

Правительство начало основывать въ Боснѣ и Герцеговинѣ административныя общины. Оно навязываетъ имъ свой уставъ и составляетъ правленіе произвольно изъ зависящихъ

отъ него людей, главнымъ образомъ, неграмотныхъ. Представитель правительства обыкновенно является въ засѣданія съ предложеніями и уже готовыми рѣшеніями. Въ случаѣ же, если одинъ изъ членовъ общины сдѣлаетъ запросъ, почему правительство не признаетъ общихъ постановленій, согласно уставу, то получаетъ слѣдующій отвѣтъ: „правительство дало уставъ, поэтому оно лучше знаетъ, какъ нужно понимать его" и дѣлаетъ все по своему. И вотъ общинныя деньги растрачиваются на расчищеніе мѣстъ подъ lawn-tennis, на ненужныя затѣи, устройство которыхъ поручается иностранцамъ, при чемъ выдаются суммы часто въ пять разъ превышающія стоимость данной постройки. Такъ, напр.: на постройку никому не нужной уніатской церкви въ Сераевѣ выданъ *милліонъ*. Вообще правительство въ Боснѣ и Герцеговинѣ распоряжается очень расточительно государственнымъ имуществомъ. Оно учреждаетъ всевозможные институты, ни сколько не отвѣчающіе потребностямъ страны, а чтобы ослѣпить иностранцевъ, путешествующихъ по Боснѣ и Герцеговинѣ, оно улучшаетъ курорты, оно вводитъ *экзотическія* развлеченія, оно устраиваетъ стрѣльбу голубей, какъ въ Ильиджѣ, организуетъ дорогія скачки, на которыхъ устанавливаются цѣны для мѣстныхъ лошадей 400 — 500, а для иностранныхъ породъ 40,000—50,000 кронъ и т. д.

Здѣсь всякія комментаріи излишни. Факты говорятъ сами за себя. Положеніе славянскаго православнаго населенія въ Боснѣ и Герцеговинѣ самое ужасное!

Не за тѣмъ Русскій народъ четверть вѣка назадъ шелъ на защиту православной вѣры и для свободы братьевъ — славянъ Балканскаго полуострова, положивши сотни тысячъ лучшихъ сыновъ своихъ и затративъ милліарды изъ крохотныхъ достояній своихъ.

Пора, повторяемъ, покончить комедію опеки Австро-Венгріи надъ славянскими провинціями Босней и Герцеговиной и дать населенію самостоятельную и независимую жизнь, иначе скоро и камни возопіютъ о защитѣ и заступничествѣ...

Славяноборъ.

„Man muss die Slaven an die Wand drücken“.

(Славянъ должно прижать къ стѣнѣ).
Слова австрійскаго министра Фонъ-Бейста.

Они кричатъ, они грозятся:
„Вотъ къ стѣнкѣ мы Славянъ прижмемъ!“
Ну, какъ бы имъ не оборваться
Въ задорномъ натискѣ своемъ!

Да, стѣнка есть — стѣна большая,
И васъ не трудно къ ней прижать;
Да польза-то для васъ какая?
Вотъ, вотъ что̀ трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земного круга
Она давно ужъ обошла...

Ее не разъ и штурмовали,
Кой-гдѣ срывали камня три,
Но напослѣдокъ отступали
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

Стоитъ она, какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но... каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ насъ Нѣмцы и прижмутъ
Къ ея бойницамъ и затворамъ,—
Посмотримъ, что̀ они возьмутъ?

Какъ ни бѣсись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ,—
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами
И къ нимъ поближе подойдетъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

ВЪ НАЧАЛѢ ВѢКА.

Русь бродитъ... Никогда, кажется, общественная мысль не была до такой степени чуткою и напряженною, какъ въ наши дни, и эта нервность, взволнованность не захватывала такія широкія общественныя массы. Едва ли, однако, въ этомъ слѣдуетъ видѣть признакъ только особенной смутности нашего времени, а не необходимое слѣдствіе цѣлаго ряда историческихъ причинъ. Съ освободительной эпохой Александра II какъ бы „нѣкій духъ вступилъ и возмутилъ воды“: гражданская жизнь стала строиться на новыхъ началахъ, — общество напряженно искало широкихъ и человѣчныхъ идеаловъ, — долго сдерживаемыя силы рвались къ живому, захватывающему дѣлу, — мысль работала ярче и глубже, разностороннѣе, — выдвинулось крестьянство, какъ сознательный элементъ новаго гражданства, — дворянство вступило на новый, во многихъ отношеніяхъ тернистый путь, требующій большого практическаго ума, энергіи, просвѣщенности,— въ политической жизни наросли сложныя, чрезвычайно обширныя задачи, требовавшія крупныхъвсенародныхъ жертвъ. Съ эпохою Александра III въ русскую жизнь вступилъ новый потокъ, могучій уже по тому источнику, изъ котораго исходилъ онъ; то былъ потокъ историческаго націонализма, стремившійся всецѣло охватить гражданскую жизнь нашего общества, одухотворить ее нашими кровными, завѣтными преданіями. Съ другой стороны, сѣмена, брошенныя славянофильствомъ, не погибли безслѣдно, но тутъ и тамъ въ науч-

ной, литературной и общественной мысли давали живые отпрыски; такимъ путемъ въ русской жизни создалось новое, непримѣтное въ освободительную эпоху, хотя и зачавшееся, главнымъ образомъ, именно въ то время, націоналистическое теченіе; оно крѣпнетъ день за днемъ и, нѣтъ сомнѣнія, спасетъ народную Русь отъ жалкаго обезличенія, дастъ намъ силы устоять противъ идейнаго и экономическаго подчиненія Западу.

Русь бродитъ... Волнуются умы; вокругъ каждаго сколько-нибудь важнаго вопроса нашей общественной жизни, науки, религіи, народнаго просвѣщенія и матеріальнаго быта кипятъ страстные споры представителей партійныхъ и классовыхъ интересовъ; личные интересы, чуждые сколько-нибудь теплой идеи всеобщаго государственнаго блага, пытаются присвоить себѣ рѣшающее значеніе въ области всенародной жизни; партійная, — разумѣется, исключительно газетно - партійная,— борьба доходитъ до крайняго ожесточенія, до взаимной безудержной ненависти,—а вѣдь трудно ожидать полной правды и спокойнаго освѣщенія тамъ, гдѣ вражда и злоба!.. Однако, унылый, безнадежно оплакивающій Россію тонъ, взятый нѣкоторыми публицистами, черезчуръ преувеличиваетъ печальные симптомы нашей внутренней жизни: нѣтъ сомнѣнія, не однимъ этимъ ненужнымъ уханьемъ, гиканьемъ, свистомъ, не однимъ змѣинымъ шипеньемъ и брюзгливымъ ворчаньемъ полна наша гражданская жизнь, какъ полна всѣмъ этимъ наша печать,—много еще сердца, много чистой вѣры, много хорошихъ юношески - чистыхъ стремленій дышитъ въ русской жизни, и общій обликъ Россіи со стороны просвѣщенности, культурности и душевной свѣжести не поблекъ за послѣднее время. И хорошо, что Русь все еще можетъ воодушевляться, что русскій человѣкъ все еще способенъ полюбить до самозабвенія то, что свѣтитъ ему въ высяхъ идеала, какъ доброе, истинное, прекрасное: страстность— признакъ живой души. Вотъ было бы горе, если бы мы настолько омертвѣли и одичали, настолько застыли на опредѣленномъ историческомъ моментѣ, что развѣ только новый Севастополь расшевелилъ бы нашъ умъ и сердце. Чего не

сможетъ сдѣлать человѣкъ въ такомъ воодушевленіи, на которое способны русскіе люди, — были бы только разумныя силы, умѣющія направлять общественную одушевленность къ достойнымъ предметамъ. Все броженье умовъ, все же страстно жаждущихъ красоты всенародной жизни, уляжется со временемъ, и въ концѣ концовъ неминуемо возьметъ верхъ націоналистическое теченіе; оно проникнетъ всю нашу жизнь роднымъ вдохновеніемъ, — роднымъ и не менѣе прекраснымъ, чѣмъ обычно волнующія насъ, особенно въ юности, чужія вдохновенія, а оттого-то еще болѣе прекраснымъ, — и русскій народъ сольется же нѣкогда въ одну дружную, рабочую, христіанскую семью. Да оттого, быть-можетъ, и всѣ эти идейныя броженія, что Русь въ своей внутренней жизни и умомъ и сердцемъ начинаетъ сливаться въ единое, духовно-цѣльное и граждански-стройное національное общество. „Въ Россіи — говорилъ Катковъ — государственную партію составляетъ *весь народъ*. Въ годину опасности и великихъ событій, когда могущественно поднимается въ сердцахъ народное чувство, умы оживляются, и все противогосударственное, все противонародное и всякая политическая безнравственность и предательство съ трепетомъ прячутся въ свои норы. Все поистинѣ великое и плодотворное зачинается въ эти минуты пробужденія народнаго духа“. Безъ болей, безъ опасности для жизни, безъ страховъ не рождаетъ мать; каждое высшее откровеніе мысли сопровождается муками творчества; неудачи, ошибки, заблужденія предшествуютъ важнѣйшимъ научнымъ открытіямъ; всякій переломъ въ нашей личной жизни къ лучшему переполненъ одновременно и смятеніями, и свѣтлыми ожиданіями, и уныніемъ, и надеждой, и страхомъ; вѣруемъ, что и за этимъ „кипѣніемъ“ Руси настанутъ лучшіе покойные и ясные дни.

Весь общій обликъ нравственной и гражданской жизни народа, какъ и каждое спеціальное теченіе общественной мысли, отражаются въ литературѣ. Высока и прекрасна доля служить родинѣ правдивымъ словомъ. Среди неустойчивыхъ общественныхъ симпатій, среди мелкихъ личныхъ счетовъ и дрязгъ, среди ничтожныхъ волненій и мимолетныхъ интере-

совъ минуты нужно много вѣры и силы, чтобы сохранить *Слово* чистымъ и неподкупнымъ: — ибо Словомъ должна судиться Жизнь. Высока честь быть слугою Мысли и Слова,— вотъ почему сюда должны стекаться не только избранные, богатые талантами, но и одаренные высшимъ изъ талантовъ— жаркою совѣстью предъ Богомъ и братомъ-человѣкомъ. Велика и отвѣтственность тѣхъ, чья рѣчь все же западаетъ въ людскія души, служа добру или злу, правдѣ или злобѣ. Только свободная мысль выскажется въ прекрасномъ и правдивомъ живомъ словѣ; свобода мысли означаетъ далеко не одну только свободу публичнаго выраженія мысли, но—и это самое важное—ея внутреннюю свободу отъ стороннихъ внушеній, исходятъ ли эти внушенія отъ человѣка, или отъ общественнаго настроенія, или отъ партійныхъ фанатическихъ вліяній. Литература—душа народа, мысль—высшее украшеніе исторіи, и нельзя не желать всѣмъ сердцемъ возстановленія въ нашей литературѣ правдиваго русскаго слова, одушевленнаго святою любовью къ родинѣ. Намъ нужны публицисты съ государственнымъ умомъ Каткова, съ его „желѣзною" политической волею, нужны такіе горячіе народные трибуны, какъ первые славянофилы, нужны страстные проповѣдники, подобные Достоевскому, который одинъ своимъ задушевнымъ и властнымъ словомъ надолго приковалъ взоры русскаго общества къ важнымъ вопросамъ нравственности, религіи и жизни: — только тогда лишь, выясняясь со всестороннею полнотою, будутъ на должной высотѣ стоять предъ русскимъ обществомъ родные идеалы и каждому станетъ ясенъ нашъ вѣрный, выпрямленный исторіей, безопасный путь. Каждый дѣятель печати долженъ быть прежде всего независимымъ гражданиномъ въ высшемъ внутреннемъ смыслѣ этого слова; „правдивъ и свободенъ твой вѣщій языкъ", — такова альфа символа писательскаго долга; лишь одинъ идеалъ долженъ воодушевлять писателя, — тотъ, о которомъ говорилъ Никитенко, въ такихъ словахъ почтивъ память Грановскаго: „это былъ человѣкъ, котораго можно было вполнѣ уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было безусловно вѣрить; онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ вся-

кой скверны нашей общественности; это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека".

Каждый сколько-нибудь влiятельный публицистъ необходимо становится учителемъ общества: съ одной стороны, общественная мысль ждетъ отъ него добрыхъ совѣтовъ, разумнаго и вѣрнаго освѣщенія фактовъ внутренней жизни, съ другой, — самое положеніе писателя, необходимо поставленнаго въ постоянное общеніе съ наиболѣе чуткими и дѣятельными общественными элементами, придаетъ ему значеніе человѣка, глубже и полнѣе видящаго подвижную жизнь. Тому, кто склоненъ къ самомнѣнію, легко, преувеличивая свое значеніе, увидѣть въ себѣ не товарища - учителя, посильно разъясняющаго жизнь, но учителя въ рѣдкомъ, особенно - высокомъ смыслѣ, — того, кто глубокимъ умомъ прокладываетъ новые пути для мысли, любви и воли; такіе учители родятся слишкомъ рѣдко, и общею, наиболѣе плодотворною задачею публицистики, если она не желаетъ впасть въ безпочвенное доктринерство, можетъ быть только правдиво - критическое разъясненіе текущей жизни. Жизнь - говоритъ; ея голосъ звучитъ то ясно, то глухо, нужно умѣть уловить его и понимать правду и неправду въ немъ. Было бы ошибочно ограничивать область всенароднаго творчества только прошлымъ; несомнѣнно, и въ настоящемъ Русь жива внутренно, все-таки крѣпнетъ, такъ или иначе спаивается, продолжаетъ свое историческое строительство.

Наиболѣе живое и ясно - выраженное стремленіе къ созиданію духовной красоты, правды и гражданской силы внутренней Россіи высказали первые славянофилы. Въ нашемъ славянофильствѣ были два особенные момента: во - первыхъ, требованіе, — во всѣхъ своихъ сужденіяхъ быть независимымъ отъ вліянія исторической минуты со всѣми ея временными, а слѣдовательно и преходящими особенностями, а во - вторыхъ, требованіе безконечно любить дорогую нашу всеобщую мать— родину, всѣмъ сердцемъ чувствовать, что какъ бы ни была прекрасна чужая мать, какъ бы вѣрно мы ни оцѣнивали съ полною честью всѣ ея достоинства, все же никогда наше сердце не можетъ быть связано съ ней такою теплою полной

любовью, которою оно связано съ нашей родной; а если есть что дурное, неправое, унизительное въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ русской жизни, то единственнымъ отношеніемъ нашимъ здѣсь можетъ быть только непокладный трудъ въ мѣру силъ и способностей на пользу родины. Полная слава Аксаковыхъ, Хомякова, Кирѣевскихъ, Самарина и ихъ сподвижниковъ — въ будущемъ. Когда весь русскій народъ узнаетъ родную литературу и исторію, узнаетъ непосредственно, обдумаетъ своимъ умомъ и разгадаетъ въ прошломъ всѣхъ своихъ друзей и всѣхъ недруговъ, тогда вся коренная многомилліонная Русь, несомнѣнно, воздвигнетъ великій, воистину всенародный памятникъ своимъ глашатаямъ. Славянофилы съ особенною силою разработали теорію русскаго государства, выяснивъ глубокую правду его исторически-сложившихся основъ, и ихъ государственныя идеи твердо залегли во всей дальнѣйшей русской политической мысли, сохранившей лучшія національныя черты. Довольно обычная теорія государства, какъ широко охватывающаго союза, ограждающаго личность и собственность гражданъ отъ злыхъ людей среди членовъ общества и отъ внѣшнихъ враговъ, видитъ въ государственномъ союзѣ только одну сторону и притомъ низшаго значенія; эта односторонняя тенденція въ ученіи о государствѣ легко приводитъ къ мысли, — у насъ такая мысль сказалась особенно среди духоборовъ и у гр. Л. Толстого, — что государственный союзъ представляетъ собою только временный институтъ, нужный, собственно, для злыхъ и нравственно-безсильныхъ, но не нужный для *чадъ Божіихъ*, — какъ говорятъ, напримѣръ, наши духоборы, — для тѣхъ кроткихъ людей, которые не крадутъ, не убиваютъ, но сами готовы все претерпѣть, какъ повелѣлъ Христосъ. Славянофильская теорія видитъ въ государствѣ силу не только охранительную, но, что всего важнѣе, исторически-зиждущую. Государство, опираясь на исторію, одухотворено въ своемъ творческомъ движеніи нравственной и исторической идеею Родины: оно выше поэтому всѣхъ частныхъ и временныхъ интересовъ, выше случайнаго вліянія политическихъ ученій и общественныхъ переходящихъ настроеній, и имѣетъ цѣлью не только благо и

счастье всѣхъ гражданъ земли въ данный историческій моментъ, но благосостояніе, славу и силу всецѣлаго Отечества. Живою душою русской государственной идеи, личнымъ носителемъ исторической воли Русской Земли является у насъ Царь. Самодержавіе, какъ прекрасно сказалъ И. Аксаковъ,— *самая нравственная и самая свободная форма государственности*. Онъ говоритъ далѣе: „наши такъ называемые либералы,— (говорю: такъ наз., ибо либерализмъ вовсе не есть бранное слово; я бы съ удовольствіемъ сказалъ, что я либералъ, и надѣюсь, смѣлъ бы это сказать, если бы самое слово не было такъ затаскано и загажено), — даже представить себѣ не могутъ, какой азіатскій деспотизмъ представляетъ любая изъ самыхъ красныхъ ихъ республикъ сравнительно съ истиннымъ самодержавіемъ. Я не спорю, совершенства на землѣ нѣтъ и быть не можетъ; но если есть идеалъ, то возможно и обязательно приближеніе къ нему, конечно болѣе или менѣе несовершенное, а идеалъ вполнѣ ясенъ... Повѣрьте мнѣ, нашу теорію самодержавія когда-нибудь откроютъ нѣмцы, изумятся ея правдѣ и глубинѣ, оправдаютъ философски и преподнесутъ ее намъ, — тогда мы ее примемъ“. Русскій Царь, независимый по самому положенію своему, не ищущій ничьей поддержки, не опирающійся на аристократію и не нуждающійся въ ея опорѣ, не связанный никакими сильными и властительными партіями, — какъ все это мы видимъ на Западѣ, — дѣйствительно стоитъ выше всѣхъ возможныхъ пристрастныхъ сужденій и въ опредѣленный моментъ исторіи является истиннымъ представителемъ всего русскаго цѣльно-историческаго государства. Идеальная задача Царя — *счастье всѣхъ гражданъ*: „и глаголи мирная и благая въ сердцахъ ихъ (царей) о Церкви Твоей святѣй и *всѣхъ людехъ Твоихъ*“, — въ такой молитвѣ православная Церковь благословляетъ трудъ и долгъ Царевъ. „Царь связанъ нравственно своей совѣстью,— говоритъ Кирѣевъ, — и какъ христіанскій государь, царствующій надъ христіанскимъ народомъ, отвѣтственъ передъ Богомъ и Церковью“. Передъ Тѣмъ, кто есть вѣчный Владыка всего, кто есть „Царь царствующихъ и Господь господствующихъ“, предстоитъ царь въ единствѣ вѣры своей съ наро-

домъ. „Царь — глава и вождь своего народа, — говоритъ И. Аксаковъ, — первый человѣкъ русской земли, ея блюститель и защитникъ. Ея благо, ея миръ и разумная свобода жизни, та свобода, безъ которой и жизни нѣтъ, а возможно только прозябаніе, — интересъ царскій, другихъ интересовъ у Царя нѣтъ“. И въ глазахъ нашего народа Царь не только Идеалъ Правды, но и Любовь дѣятельная, заботливая, добросердечная.

Со времени Царя-Освободителя русскій народъ во всей основной массѣ вступилъ на путь правильной, свободной и самостоятельной гражданской жизни; развиваясь въ духѣ лучшихъ русскихъ преданій, при нормальномъ теченіи внутренней государственной жизни, онъ долженъ, безъ сомнѣнія, представлять собою такой крѣпкій, непоколебимый, полный живыхъ силъ, базисъ нашего государственнаго могущества, который на вѣка и вѣка обезпечиваетъ Россіи великое и грозное для всѣхъ враговъ международное положеніе. Съ какимъ дикимъ, нехристіанскимъ презрѣніемъ относились еще не такъ давно къ нашему крестьянству, какъ еще недавно слышались отзвуки низкаго слова Сумарокова: „нашъ подлый народъ никакихъ высокихъ чувствъ не имѣетъ“. И не замѣчали эти люди, считавшіе себя полными христіанами, какъ мало сколько-нибудь „высокихъ“ и достойныхъ человѣка чувствъ отражалось и въ этихъ словахъ и въ тѣхъ отношеніяхъ къ крѣпостному крестьянству, на которыя были способны тѣ, кто такъ безсердечно могъ сказать подобное безбожное слово. Во всякомъ случаѣ, основы народнаго міросозерцанія несравнимо полнѣе христіанствомъ, безконечно ближе къ Богу, чѣмъ духъ тѣхъ общихъ отношеній къ крестьянству въ крѣпостную эпоху, которыя только формулировались въ приведенныхъ словахъ. Всякая гордость собою: своимъ происхожденіемъ, достаткомъ, значеніемъ, общественнымъ положеніемъ — смѣшная и наивная спесь въ глазахъ народа, ибо онъ *христіанинъ въ душѣ*. Та свѣтлая вѣра, которая лежитъ въ основѣ народнаго жизнепониманія, знаетъ только однихъ рабовъ — *рабовъ Божіихъ*, изъ которыхъ не выдѣляется ни одинъ человѣкъ ни родомъ, ни достаткомъ, ни общественнымъ значеніемъ. *Страшный Судъ* въ вѣковыхъ

думахъ народа — вотъ тотъ единый святой приговоръ, который освѣтитъ каждое сердце въ его значеніи и укажетъ на землѣ *дорогихъ и лучшихъ предъ Богомъ.*

Несомнѣнно, русскій народъ выскажется прекраснѣе и полнѣе, когда выдвинетъ въ литературѣ своихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, стоящихъ въ уровень вѣку и не порвавшихъ связи съ землей и деревней. „Дать народу, — какъ прекрасно говоритъ еп. Антоній, — истинную народную интеллигенцію, которая примиритъ туманныя исканія образованнаго общества съ древними идеалами и преданіями простого народа“, — составляетъ насущную задачу нашего вѣка. „Тысячу лѣтъ, — писалъ И. Аксаковъ,—росъ нашъ народъ какъ трава, никто о немъ не заботился, никто его не наставлялъ, не училъ: соблюла въ немъ душу человѣка только православная вѣра, только сознаніе своей неразрывной духовной связи съ Церковью; единственнымъ учителемъ былъ только храмъ Божій, несмотря даже на небрежное, по большей части, богослуженіе“. Сельскій храмъ и великія монастырскія обители были, — да и посейчасъ таковы, — разсадниками просвѣщенія на Руси. Проповѣдь *дѣятельнаго христіанства*, вѣчно живыя историческія наши святыни, примѣры чудной жизни въ молитвѣ, любви и теплой помощи душевнымъ страданіямъ и недугамъ ближняго — навѣки привязали душу народную къ священнымъ обителямъ Бога, и — быть - можетъ — глубоко правъ былъ Достоевскій, сказавъ устами старца Зосимы: „отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы (иноковъ) выйдетъ, быть-можетъ, еще разъ спасеніе земли русской“.

Русскій народъ никогда не терялъ связи съ родною исторіей, переживая своею жизнью и сердцемъ государственную жизнь. „Историческія пѣсни, т. е. сложенныя въ народѣ по поводу особенныхъ событій, — по словамъ пр. Буслаева, — свидѣтельствуютъ, что народъ *принималъ живое участіе въ историческихъ судьбахъ Руси,* умѣлъ по-своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ“. Въ народной литературѣ, — и въ этихъ летучихъ словцахъ и присловьяхъ, и въ этихъ величавыхъ полулегендарныхъ и полу-историческихъ сказаніяхъ, въ старин-

ныхъ духовныхъ стихахъ, глубоко-трогательныхъ по своей религіозной мечтательности, почти всегда проникнутыхъ чувствомъ тихой и свѣтлой грусти, — отразились историческія и религіозныя думы русскаго народа, какъ въ его пѣсняхъ сказалась личная жизнь и черты личнаго характера: и удаль, и раздолье, и глубокая сердечная скорбь. Поэтическая настроенность скрашиваетъ жизнь и въ самомъ горькомъ горѣ даетъ особенное, чистое успокоеніе, — „въ пѣснѣ и горе сладко". А зналъ горе русскій народъ, зналъ и умѣлъ переносить, — „а и горе, горе, гореваньице, а и въ горѣ жить, не кручинну быть"...

Свергнувъ иго, отстоявъ Русь отъ ляховъ и Наполеона, вынесши всякія историческія бѣды, всяческія непослѣдовательности внутренней жизни и ея распорядковъ, русскій народъ и впредь, безъ сомнѣнія, не поддастся вполнѣ никакой напасти, но разгадавъ ее, сумѣетъ сохранить себя къ лучшему. Важнѣйшая задача внутренней русской жизни нашего вѣка лежитъ въ устройствѣ земскаго быта: въ поднятіи народнаго хозяйства, въ увеличеніи трудовыхъ крестьянскихъ капиталовъ, въ земельномъ вопросѣ, въ полномъ и разностороннемъ удовлетвореніи духовныхъ потребностей народа. Чрезвычайно быстрый ростъ Россіи, страшное расширеніе ея политическаго вліянія требуютъ высокаго экономическаго и духовнаго развитія внутреннихъ областей. Гражданская жизнь, спокойно развивающаяся въ духѣ законности, порядка, права и патріотизма, создаетъ политическую цѣльность и внутреннее могущество государства. Въ полномъ просвѣщеніи, т. е. просвѣщеніи религіозномъ, научномъ и гражданскомъ, — гарантія внутренняго спокойствія, правильнаго развитія и свѣтлаго нравственнаго характера всенародной жизни. Религіозное и правильно-научное просвѣщеніе могутъ и должны итти на-ряду, не составляя помѣхи другъ другу. Какъ запросы знанія не могутъ быть удовлетворены религіей, относящейся совсѣмъ къ другой области нашей души, такъ равно и вопросы совѣсти, вопросы о жизни и смерти, Богѣ и безсмертіи, правдѣ и счастьѣ не могутъ быть удовлетворены наукою. И какъ всесторонняя научная про-

свѣщенность не уменьшаетъ ни силы, ни движенія религіозныхъ чувствъ, такъ даже и *при самой высокой всецѣло - душевной религіозной культурѣ* не теряютъ своего значенія научные интересы. Довольно ходкая среди русскаго образованнаго общества проповѣдь научной просвѣщенности, какъ исключительнаго и единственнаго лѣкарства отъ всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ недуговъ Россіи, можетъ, казалось бы, увлекать только тѣхъ, кому наука самому еще является въ отдаленныхъ грезахъ великой цѣлительницей, кто взволнованъ одною лишь вѣрой въ нее, т. е. еще не обладаетъ наукой. Дѣйствительно же прошедшій правильную научную школу знаетъ хорошо, какъ мало можетъ одна наука дать удовлетворенія тому классу чувствъ, помысловъ и идеальныхъ желаній, которыя составляютъ особенную область душевной жизни, особенное теченіе въ томъ процессѣ ея высшаго, небеснаго одухотворенія, которое Платонъ назвалъ „творчествомъ жизни въ красотѣ". Съ другой стороны, идутъ толки, — правда, всегда довольно рѣдкіе, — противъ науки, какъ „вредной", какъ подрывающей вѣру, дѣйствующей въ ущербъ развитію христіанскаго міросозерцанія. Подобныя утвержденія основаны на какомъ-то странномъ недоразумѣніи, на какомъ-то, не то наивномъ, не то умышленномъ, смѣшеніи истинной науки и ея достойныхъ представителей съ разнаго рода такъ называемыми „популярно - научными теоріями" и ихъ литературными глашатаями, сплошь и рядомъ очень далекими отъ сколько - нибудь систематическихъ и основательныхъ научныхъ знаній, не имѣющихъ, повидимому, и тѣни понятія, что научнымъ можетъ быть только то, что несетъ всѣ признаки *достовѣрныхъ истинъ,* систему которыхъ и составляетъ наука.

Любовь къ простому народу всегда была жива среди нашего образованнаго общества, но не всегда она принимала формы практически - умныя, цѣлесообразныя и плодотворныя для истиннаго и полнаго удовлетворенія дѣйствительныхъ духовныхъ нуждъ народа. Исключительные теоретики, каково большинство русскихъ образованныхъ людей, не должны брать на себя задачи быть руководителями жизни широкихъ

общественныхъ группъ. Ибо теоретикъ — всегда фанатикъ, а фанатикъ никогда не сумѣетъ различить облика дѣйствительной жизни, не пойметъ ея живого языка, да и не найдетъ нужнымъ стремиться понять его: онъ ищетъ въ жизни только подтвержденія своей теоріи, а встрѣчаясь съ фактами, не оправдывающими его теорію, онъ увидитъ въ нихъ только ненормальное, ложное явленіе. Естественно, что „воздѣйствія" на народную жизнь исключительныхъ теоретиковъ могутъ быть только тѣмъ некрасивымъ и безтолковымъ „мудрованіемъ" надъ народомъ, котораго боялся покойный сатирикъ-поэтъ Алмазовъ: „оставимъ бѣдный нашъ народъ судьбамъ его и — Богу, безъ насъ скорѣе онъ найдетъ къ развитію дорогу".

Не распорядителемъ свысока надъ духовной жизнью народа, но быть рядовымъ работникомъ на родной нивѣ, — только въ такой формѣ можетъ быть плодотворенъ просвѣтительный трудъ. Наши знанія, просвѣщенность, культурность чувствъ и воли, — разъ они дѣйствительно свойственны намъ, — скажутся сами собой въ каждой нашей самой простой работѣ, — вѣдь все это то „перо Жаръ-Птицы", которое и закрытое, и спрятанное, свѣтитъ. Какъ искренно, хотя и надъ отвлеченнымъ человѣчествомъ, мы страдаемъ въ юности при мысли: „что за причина, который ужъ вѣкъ бѣденъ, несчастенъ и золъ человѣкъ". Какими героями мы чувствуемъ себя, какъ много и подчасъ хорошо говоримъ: увы! — мы съ чувствомъ *роли* говоримъ, украдкой глядя на *суфлера*, и говоримъ мы о добрѣ, о томъ, что всѣ мы люди братья, и *публикѣ изъ-за кулисъ мы шлемъ горячія объятья*". Оттого-то, когда дѣйствительная жизнь потребуетъ отъ насъ работы, кромѣ пошлаго фразерства, затасканнаго негодованія на условія русскаго быта, бездарно-задуманныхъ чрезмѣрно-широкихъ плановъ, безконечныхъ повтореній общихъ мѣстъ и ходячихъ сентенцій, ничего-то она отъ насъ не видитъ. Оттого-то и выходятъ изъ насъ то рьяные гуманисты — распредѣлители чужихъ богатствъ и не менѣе заботливые охранители собственныхъ достатковъ, то жалкіе вѣчные нытики, то напыщенныя ничтожества, политическіе Гамлетики, то

грубые деспоты-экспериментаторы надъ чужою жизнью и сердцемъ, то типичные „хмурые“ герои Чехова, все это смѣшное которыхъ такъ грустно и обидно.

Чтобы съ пользою послужить Россіи и народу, нужно сродниться съ ними, всѣмъ сердцемъ слиться съ родиной, всею жизнью срастись съ ея исторической жизнью, жить и дышать великою Вѣрою. Вѣра — все: она окрыляетъ душу, она сохраняетъ ея чистоту и силу до старости, она связываетъ мысль съ высшими идеалами, она волнуетъ человѣка святыми волненіями, торжествующими надъ неправдою жизни, она, *ведя къ Богу всенародное сердце, Божіей правдою озаритъ и всенародную жизнь.*

Г. Е. Р.

Къ вопросу о греко-болгарской распрѣ.

Недавно вѣнскій *Information*, а за нимъ и большинство нашей печати сообщили, что „русскій посолъ въ Константинополѣ предпринялъ шаги къ ослабленію распри, существующей между греками и болгарами". Онъ, будто, „совѣщался съ греческимъ (? sic) патріархомъ Іоакимомъ по поводу условій возсоединенія болгарскаго экзархата съ константинопольскимъ патріархатомъ". „Іоакимъ же потребовалъ безусловнаго подчиненія (вѣроятно, болгаръ грекамъ), но высказалъ готовность пойти на слѣдующія уступки: свобода славянской литургіи во всѣхъ болгарскихъ церквахъ, автономія конфессіональныхъ школъ для мѣстностей, гдѣ болгары—большинство населенія, независимое управленіе школьными фондами" и т. п. Но право назначенія епископовъ и митрополитовъ патріархъ требуетъ себѣ, допуская лишь въ принципѣ, что эти высшіе церковные сановники могутъ быть и болгарами. Русскій посланникъ, если вѣрить тому же источнику, вслѣдъ затѣмъ совѣщался съ болгарскимъ экзархомъ Іосифомъ, совѣтуя послѣднему вступить въ переговоры съ патріархомъ и осуществить примиреніе. На случай несогласія экзарху была, будто, поставлена на видъ возможность переселиться въ Болгарію, гдѣ церковь имѣетъ признанную автономную организацію, при чемъ экзархъ потерялъ бы всѣ свои духовныя права надъ болгарскимъ населеніемъ Македоніи, которыя всецѣло перейдутъ къ патріарху. Экзархъ, будто бы, отвѣчалъ, что его могутъ принудить покинуть Константинополь, но что

въ этомъ случаѣ болгарская церковь какъ въ Македоніи, такъ и въ княжествѣ Болгаріи должна будетъ принять унію съ Римомъ, послѣ чего католическія державы вступятся за Болгарію и станутъ защитниками уніи". Этой угрозѣ не придаютъ будто „серіознаго значенія въ русскомъ посольствѣ, такъ какъ она едва ли осуществима безъ разрыва съ Россіей и безъ внутренней борьбы въ самой болгарской церкви. „Отвѣтъ экзарха", заканчиваетъ авторъ свою замѣтку, „однако, доказываетъ, какой жизненный интересъ для болгарскаго народа имѣетъ его національная церковная организація".

Нѣтъ сомнѣнія, что въ вышеупомянутомъ сообщеніи о шагахъ, сдѣланныхъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ къ примиренію болгаръ съ греками, имѣется доля правды, тѣмъ болѣе, что начиная съ собора 1872 г., созваннаго послѣдними для обвиненія болгаръ въ филитизмѣ, или въ желаніи обособить отъ всего православнаго міра свою церковь своею только народностію и дѣйствительно обвинившими ихъ въ этомъ грѣхѣ, вражда между этими народностями все обостряется и обостряется, и дѣло чисто церковнаго свойства начинаетъ принимать характеръ политическій, въ особенности въ послѣднее время, когда къ этой борьбѣ не прочь примкнуть и сербы. Представителю православной Россіи, которой и духовно и матеріально только и питаются почти всѣ православныя народности Востока, естественно прискорбно видѣть эту вражду на мѣстѣ и принять мѣры если не къ прекращенію ея, то по крайней мѣрѣ къ ослабленію. Въ этихъ видахъ онъ несомнѣнно обращался прежде всего къ патріарху константинопольскому и къ экзарху болгарскому, но не съ требованіемъ и предложеніями, а съ добрымъ совѣтомъ. Но чтобы онъ рѣшился идти на какіе-либо компромиссы въ данномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе на угрозы по отношенію какъ къ тому, такъ и къ другому,—это не только не вѣроятно, но этого, намъ думается, и быть не можетъ, ибо это не входитъ и въ сферу его компетенціи, какъ гражданскаго русскаго сановника. Еще невѣроятнѣе представляется отвѣтъ, будто бы, данный нашему посланнику болгарскимъ

экзархомъ, ибо этотъ одинъ отвѣтъ можетъ послужить поводомъ къ низложенію его самою болгарскою церковію и исключенію изъ числа православныхъ іерарховъ, какъ человѣка, расположеннаго жертвовать интересами церкви изъ-за интересовъ политическихъ.

Въ началѣ разсматриваемой замѣтки авторъ замѣчаетъ, что „національно-церковная борьба болгаръ съ греками (съ 1872 г.) продолжалась на почвѣ Македоніи“. Это также невѣрно. Она возникла, велась и ведется не „на почвѣ Македоніи“ или, вѣрнѣе, не изъ-за Македоніи, гдѣ, правда, и греки, и сербы, и болгары желаютъ быть исключительными хозяевами, а изъ-за стремленія православнаго греческаго духовенства стоять во главѣ всѣхъ православныхъ народностей Востока, но не съ тѣмъ, чтобы руководить этими народностями на пути нравственнаго совершенства, а съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе подчинить ихъ единому эллинскому духу, который со времени возстановленія эллинскаго королевства возмнилъ собрать эти народности вокругъ себя для возстановленія Византіи, но не какъ равныя между собою, а какъ только подчиненныя однимъ эллинамъ. Въ этихъ видахъ греческое духовенство вездѣ и всюду ставило своихъ епископовъ и во времена еще турецкаго владычества надо всѣми этими народностями, всѣми ими верховодило главнымъ образомъ въ видахъ усиленія среди нихъ только греческаго элемента. Тамъ, гдѣ оно не въ состояніи было дѣлать это силою, оно дѣлало это хитростью. А это, конечно, не могло и не можетъ не оскорблять и не возбуждать эти народности противъ такихъ своихъ руководителей, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, грѣ греки представляютъ собою совершенно пришлый элементъ, какъ, напримѣръ, въ Сиріи и Палестинѣ, въ особенности въ послѣдней. Такъ было въ свое время и въ Болгаріи. Кому не извѣстенъ гнетъ турокъ, которому они и теперь еще по временамъ и по мѣстамъ подвергаютъ христіанъ въ своихъ владѣніяхъ. Но теперь они уже обезсилены иностраннымъ вмѣшательствомъ въ ихъ отношенія къ христіанамъ. Иное дѣло было еще не въ далекое прошлое. Почти до половины истекшаго столѣтія они на всемъ протяженіи

своихъ владѣній творили съ христіанами, своими подданными, все, что хотѣли, и никто почти, кромѣ Россіи, ничего не принималъ противъ турецкихъ злодѣйствъ. Россія же только по временамъ обезсиливала турокъ своими войнами. Но единственными непосредственными защитниками христіанскихъ народностей въ предѣлахъ турецкихъ отъ произвола и насилій тогда являлись все-таки только православные епископы, и въ особенности патріархи. Когда національный вопросъ еще не возбуждался греками, православнымъ народностямъ турецкаго Востока жилось сравнительно сносно; епископы-греки хотя и не равняли ихъ съ своими единоплеменниками, но по временамъ снисходили къ нимъ даже до того, что ставили изъ нихъ не только епископовъ, но даже и патріарховъ; простой же народъ всегда старались оберечь отъ произвола турокъ. Но какъ только національный вопросъ возникъ, греки-епископы почти повсемѣстно въ Турціи начали заботиться объ эллинизаціи православныхъ народностей и, чтобы достичь своихъ цѣлей, не стали по временамъ разбирать даже и средствъ. Такъ и святое дѣло православія, въ теченіе столькихъ вѣковъ сохранившее эти народности цѣлыми и невредимыми, они не пожалѣли для этихъ цѣлей. Съ этого момента жизнь въ Турціи для этихъ народностей положительно стала невыносимой. Тѣснимые съ одной стороны турками, а съ другой греками, они всѣ свои надежды стали обращать на Россію, которая, какъ православная держава, конечно, не могла не употреблять всѣ свои усилія къ освобожденію ихъ отъ турецкаго ига, или къ улучшенію ихъ участи, не разбирая, греки ли они, или болгары, или другіе. Гнетъ же грековъ-епископовъ для православныхъ не-грековъ становился иногда тяжелѣе турецкаго ига, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти епископы, отправляя обязанности турецкихъ чиновниковъ, стали относиться къ этимъ народностямъ безъ зазрѣнія совѣсти и религіознаго страха и какъ сборщики податей, и какъ судьи по дѣламъ и тяжбамъ ихъ между собою. Вотъ гдѣ и въ чемъ кроются причины національныхъ распрей православныхъ народностей на турецкомъ Востокѣ, въ томъ числѣ и греко-болгарской, послужившей

поводомъ къ обвиненію греками болгаръ въ филитизмѣ на константинопольскомъ соборѣ 1872 года, т. е. въ томъ, въ чемъ греки прежде всего сами виноваты были. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія покойный князь Стефанъ Вогориди, болгаринъ по происхожденію, близко принимавшій къ сердцу поэтому нужды болгаръ, подарилъ земельный участокъ и помѣщеніе для пріюта болгаръ въ Константинополѣ. Впослѣдствіи эта земля и пріютъ стали мѣстомъ для помѣщенія болгарской экзархіи. Наученные своими духовными руководителями-греками политикѣ, болгары, какъ болѣе или менѣе значительная народность, и сами стали обособляться, въ особенности послѣ того какъ стали имѣть свое убѣжище въ Константинополѣ, но только для того, чтобы имъ непосредственно, т. е. безъ содѣйствія грековъ, можно было отстаивать свои права передъ турецкими властями, въ концѣ концовъ онидобились себѣ признанія со стороны Порты автономіи въ дѣлахъ церковныхъ. Это обстоятельство послужило уже поводомъ къ открытой враждѣ грековъ противъ болгаръ. Съ этою цѣлью политики-греки не стали такъ противодѣйствовать и разнымъ пропагандамъ западныхъ христіанскихъ исповѣданій, думая этимъ устрашить болгаръ потерею православія, охранителями котораго они всегда считали себя по преимуществу. Съ этою же цѣлью они „отдѣлили ихъ и отъ общенія съ православіемъ“ на соборѣ 1872 г.—въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (?). Но, однако, это отдѣленіе не встрѣтило себѣ сочувствія въ благоразумныхъ людяхъ всего православнаго міра, въ томъ числѣ и среди грековъ, добрыхъ пастырей и архипастырей. Болгаръ же только еще болѣе озлобило противъ эллинофиловъ, употреблявшихъ церковную власть въ дѣла политическаго свойства. Это озлобленіе несомнѣнно съ каждымъ днемъ усилииваетъ и, очень можетъ быть, послужитъ поводомъ къ большимъ осложненіямъ, чѣмъ какія теперь творятся въ Македоніи, въ самомъ непродолжительномъ времени. Сановнику, представляцему русскую православную державу въ Константинополѣ. конечно, это виднѣе всего, и онъ не можетъ, въ силу своего положенія, не принять мѣръ если не къ примиренію болгаръ съ греками, то

къ ослабленію непріязни между ними. Въ силу вещей всякое озлобленіе ведетъ къ большему озлобленію. Но худой миръ все-таки лучше доброй ссоры и всегда вѣрнѣе можетъ повести къ сближенію. Къ счастью для православнаго міра, во главѣ константинопольской церкви стоитъ теперь достойный архипастырь, опытный, ибо уже разъ испыталъ на себѣ, что значитъ въ дѣлахъ вѣры политическія козни. Да и экзархъ болгарскій, думается, не способенъ увлекаться въ дѣлахъ вѣры политическими мечтаніями, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо знаетъ, насколько простой народъ болгарскій преданъ вѣрѣ своихъ предковъ, насколько знаетъ ее и постарается отстоять ее отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла римскаго католицизма.

Русскій.

Словацкій поэтъ Андрей Сладковичъ:

ЭХО.

Славянскій братъ! родную мать съ тобою я объемлю:
Люби ее, славянскій братъ, люби родную землю!
Люби безцѣнный этотъ перлъ и съ нею горе мыкай!
Пусть тяжко намъ, но Богъ не дастъ пропасть семьѣ великой!
Не помнитъ міръ, отколь она взяла свое начало,
Но помнитъ, какъ судьба на насъ Арпадовцевъ наслала:
Не позабудутъ вѣкъ они великаго разгрома,
Какой ихъ рати понесли у башенъ Остригома.
Широко по свѣту неслись славянской славы звуки,
Но доля горькая и намъ, и намъ сковала руки.
Кто хочетъ жить въ семьѣ славянъ, подай другъ другу длани!
Кто хочетъ жить—возстань и будь готовъ къ великой брани!
За столько тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ, за столько мукъ и горя
Мы супостату отомстимъ: прольется крови море.
Живъ Богъ, одинъ для всѣхъ людей: Онъ ихъ равно разсудитъ!
Живъ Богъ: не вѣкъ торжествовать неправда вражья будетъ!
Живъ Богъ: Онъ нашимъ племенамъ исчезнуть не дозволитъ,
Когда сто милліоновъ здѣсь Его объ этомъ молитъ.
Но если жилы у славянъ порвутся — міръ застонетъ,—
Все человѣчество въ крови славянъ тогда застонетъ.

Кому оплакать, схоронить тогда такую силу?
Кто, братья, выкопаетъ намъ великую могилу?
Горѣ, къ Зиждителю міровъ я влажный взоръ подъемлю:
Благослови, славянскій братъ, свою святую землю!
Она — безцѣнный міра перлъ! Утѣшься — горе минетъ:
Богъ испытанья намъ послалъ, но Онъ насъ не покинетъ!

Н. Бергъ.

РУССКІЯ ОБЩЕСТВА.

Въ Петроградѣ довольно успѣшно работаетъ Русское Собраніе, возникшее по почину нѣсколькихъ заслуженныхъ писателей хорошаго русскаго направленія. Зная крайнюю односторонность общихъ воззрѣній значительной части нашего литературно и научно просвѣщеннаго общества, нельзя было и ожидать, особенно въ Петроградѣ, всеобщаго горячаго сочувствія и широкой общественной поддержки, и этотъ опытъ, несомнѣнно, укажетъ Русскому Собранію вѣрнѣе путь его дальнѣйшей дѣятельности въ сплоченіи русскихъ людей болѣе разнообразнаго общественнаго положенія и всего менѣе приближающихся къ типу современнаго безличнаго „интеллигента". Лишь при такихъ условіяхъ Русское Собраніе, какъ первый шагъ къ объединенію русскихъ людей во имя общихъ національныхъ интересовъ, можетъ оказать благотворное вліяніе не на одинъ только идейный складъ нашего просвѣщенія, но и отразиться въ жизни болѣе глубокимъ націоналистическимъ движеніемъ. Но—одна ласточка весны не дѣлаетъ. Необходимо широкое развитіе патріотическихъ собраній по всему лицу земли русской, — вѣдь всюду глохнутъ остатки симпатичныхъ сторонъ нашего прежняго быта, гибнутъ безъ призора наши историческіе памятники, исчезаютъ безслѣдно важные документы старины, вянетъ и мельчаетъ земское дѣло, а въ общественной жизни и печати руководящую роль все болѣе и болѣе захватываютъ интернаціоналы и по происхожденію и по складу ума и характера, тогда

какъ истинно русскіе люди, не объединенные умѣлой и прочной общественной организаціей русскаго дѣла, опускаютъ безсильно руки, дѣйствуя въ одиночку, вразбродъ, безъ взаимной поддержки. Русскія общества, умно и широко поставленныя, кромѣ задачъ научнаго характера, должны преслѣдовать и ближайшую практическую цѣль: объединить и сплотить коренныхъ русскихъ людей и составить руководящую силу общественнаго мнѣнія, стоящую за лучшей частью нашей печати, преданной роднымъ интересамъ. Помимо узкой и нетерпимой кружковщины, нашу русскую жизнь разъѣдаютъ сословные раздоры, ничѣмъ неоправданное презрѣніе однихъ классовъ общества къ другимъ, отплачивающимъ въ свою очередь недовѣріемъ и непріязнью, партійная фанатическая борьба, а всего болѣе — удачно замаскированная, умѣло поставленная, безконечно-талантливо проводимая значительной частью русской печати, находящейся, дико сказать, даже не въ русскихъ рукахъ, антинаціональная пропаганда. Потому-то и важно возможное бы въ патріотическихъ обществахъ сплоченіе русскихъ людей безъ различія сословій, образованія и общественнаго положенія на одной почвѣ, казалось бы, общей для всѣхъ русскихъ людей: посильной службы, по долгу и чести, охранѣ внутренней крѣпости родной Земли. Путемъ сближенія по всѣмъ мѣстамъ коренной Россіи духовенства, аристократіи ума и таланта, лучшихъ земскихъ людей, дѣятельныхъ и талантливыхъ представителей промышленности, торговли и ремесленности, лучшихъ представителей степеннаго, умнаго, религіознаго крестьянства только и можетъ вновь создаться та крѣпкая, живущая *историческимъ разумомъ* земщина, которая вырастила Русь въ старыя времена и при которой и нынѣ всяческія злыя, наносныя, хитрыя вліянія и обольщенія были бы безсильны повредить нашей родинѣ. Наступившій вѣкъ ознаменовался очень крупнымъ шагомъ на пути нашей націонализаціи: обновленіемъ русской школы въ духѣ благородно-патріотическаго воспитанія. Однако, одна только хотя бы и глубоко-національная школа еще не создастъ намъ свѣжихъ и бодрыхъ русскихъ людей, если среди самого общества не будетъ

той постоянной житейской школы русскаго ума и жизнепониманія, гдѣ каждый гражданинъ всегда могъ бы и услышать трезвое и вѣское слово, освѣщающее съ русской точки зрѣнія текущія событія, и найти добрыя указанія и поддержку, гдѣ каждое хорошее начинаніе въ національныхъ интересахъ встрѣтило бы и помощь, и разумный совѣтъ, и живое участіе. Не столько школа вырабатываетъ человѣка какъ гражданина, сколько вся окружающая жизнь: литературное и общественное вліянія имѣютъ обычно болѣе значенія для склада нашего гражданскаго характера, нежели вліяніе школьно-научное. Господствующее общественное направленіе, очень далекое отъ сознательнаго и бодраго патріотизма, захватываетъ у насъ юношу еще на школьной скамьѣ, и нужно обладать сильнымъ и самостоятельнымъ умомъ и характеромъ, или же, по счастью, имѣть хорошее руководство въ лицѣ умныхъ и заботливыхъ родителей и близкихъ, чтобы не уплыть невольно и безсознательно по общему теченію далеко отъ родины въ ея живыхъ историческихъ интересахъ.

Болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ К. Аксаковъ сказалъ скорбное и обидное для русскаго сердца такое слово: „Безмолвна Русь, ея умолкли города, въ ней въ старину вѣщавшіе такъ сильно, и скрылась жизнь, кипѣвшая тогда разнообразно и обильно“. Всѣмъ извѣстно, какое великое движеніе, способное создать бы намъ возрожденіе Руси, начали славянофилы, но — ничтожное воодушевленіемъ, съ подавленнымъ гражданскимъ чувствомъ, русское общество не подхватило во-время славянофильства, не понесло его въ жизнь широкою творческою волной самобытной мысли и благородно-патріотической воли, не отвѣтило на бодрый призывъ неустаннымъ трудомъ повседневной жизни въ духѣ добрыхъ русскихъ началъ. Съ другой стороны, — такъ какъ всегда и вездѣ оказываются „удобнѣе“ бездарныя, мелкія личности, паразиты государственной мысли, нежели люди широкой творческой инціативы, то не было ничего удивительнаго, что и самое славянофильство далеко не выработалось въ полное и свободно-выраженное теченіе въ общественной жизни и наукѣ. И только въ наше время, хотя сравнительно еще въ малой,

начальной стадіи, начинается *творческій* періодъ русскаго націонализма, смѣнивъ критическій и философскій національизмъ второй половины прошлаго вѣка.

Какъ недавно еще казались возможны такія слова, какъ это, сказанное Грановскимъ въ скорби, отчаяніи и презрѣніи: „Надо носить въ себѣ много вѣры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь *надежду на будущность* самаго сильнаго и крѣпкаго изъ славянскихъ племенъ,—русскаго". Нынѣ высокозначительную будущность Россіи предчувствуютъ даже всегда враждебные намъ европейцы, сознавая нашу государственную силу, быть-можетъ, даже болѣе, нежели мы сами,—отсюда и спеціальная окраска всей европейской политики. Россія стоитъ со временъ Александра III достаточно крѣпко на своемъ историческомъ пути, и отъ нея самой, только отъ одной ея, будетъ зависѣть дальнѣйшая судьба. Правительство, идущее прямымъ путемъ историческаго строительства великой Руси, и общество, чуткое къ отечественнымъ интересамъ, вѣрное славнымъ завѣтамъ старины, не забывшее лучшихъ національныхъ преданій,—вотъ въ чемъ оплотъ нашей государственной силы. „Для крѣпости правленія,—говорилъ К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ поминальномъ словѣ Имп. Александру III,—нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже *вѣры народной въ своего правителя*, ибо все держится на вѣрѣ. Что бы ни случилось, всѣ знали и были увѣрены, на что, въ важныхъ случаяхъ государственной жизни, дастъ онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ *изъ своей русской души*. Всѣ знали, что не уступитъ онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго интереса ни на польской ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ онъ въ душѣ своей одну съ народомъ вѣру". Русское міросозерцаніе не является желательнымъ только въ исключительныхъ цѣляхъ какого-либо узкаго кружка писателей націоналистической школы, но становится уже *всенародною и государственной потребностью*. Сохранить свою національную цѣлость значитъ: сохранить свою политическую независимость, свое государственное могущество. Тотъ народный, исконно-земскій духъ, который сплотилъ и внутренно укрѣпилъ старую Русь въ

формѣ величайшаго государства, есть духъ положительнаго, всенароднаго государственнаго творчества, — и при всѣхъ новыхъ нарождающихся вопросахъ межчеловѣческой, общественной и политической жизни слѣдовать исконнымъ русскимъ идеаламъ праведной мысли, праведной вѣры, христіанскаго чувства и воли во славу Божію значитъ и намъ не отступать ни на пядь отъ своей національной идеи, жить по-старинѣ всѣмъ обществомъ, всѣмъ народомъ, всею Русью. „Общественные идеалы, — говорилъ Ю. Самаринъ, — не выдумываются и не навязываются, они слагаются сами собой, вырабатываясь постепенно, историческою жизнью цѣлаго народа, и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными живыми нитями народнаго преданія“. Сторонники теоріи эволюціоннаго прогресса, не признавая въ земскомъ началѣ Руси особеннаго благодатнаго жизнетворческаго элемента нашего быта, полагаютъ, что наша родина въ своей внутренней жизни должна пройти тотъ же путь, какимъ прошла общественная исторія болѣе старой Западной Европы; изъ той же увѣренности исходили и недавнія, надѣлавшія такъ много шума, утвержденія русскихъ соціалистовъ, что и у насъ въ области экономическихъ отношеній все должно быть и все неминуемо будетъ „такъ же, какъ на Западѣ“. Но именно, — ясно сознавая, что происходитъ на Западѣ, Русь и должна поставить своей задачей, чтобы у насъ „не было какъ тамъ“; мы должны попытаться найти хорошее, особенное, *русское рѣшеніе* больнымъ вопросамъ современности, — рѣшить ихъ по-своему, умно, безъ шума, безъ фразёрства, по душѣ, по-Божьи, — и не можетъ же быть, чтобы русская мысль, согрѣтая глубокимъ религіознымъ чувствомъ, не принесла задушевныхъ разрѣшеній самымъ опаснымъ и буйнымъ вопросамъ нашего вѣка въ области отношеній труда и капитала, земли и работы, безумнаго богатѣнія однихъ и неисцѣльной нищеты и нравственныхъ страданій другихъ. Славянофильство достаточно ясно поставило основныя начала нашего всенароднаго міросозерцанія, чтобы имѣть право составить основаніе дальнѣйшаго самобытнаго движенія русской мысли. „Для славянофиловъ, — писалъ пр. А. Градовскій, — *первое* въ отдѣльномъ

человѣкѣ и въ народѣ были его *нравственные идеалы*, выработанные свободнымъ сознаніемъ, т. е. творчествомъ. Они могли примѣнить къ себѣ извѣстное евангельское выраженіе: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но отдастъ свою душу, т. е. продастъ за внѣшнее величіе и благосостояніе свои нравственные идеалы. Каждый народъ, говорили они, какъ личность коллективная, имѣетъ свою *нравственную идею*, которая и даетъ ему значеніе какъ *народу*, т. е. *единству сознательному*, а не механическому, стадному. Эта идея постепенно выражается въ *народной исторіи*". Славянофильство не идеализировало всецѣлую историческую жизнь русскаго народа, но — ясно видя *всю низину* народной жизни, все сказавшееся въ ней зломъ и неправдой, видѣло, однако, и тѣ *свѣтлыя вершины*, до которыхъ достигала она временами, хотя бы только чудными душевными взрывами, въ святыхъ мгновеніяхъ, — оно видѣло и тѣ *безцѣнныя начала истинно - культурной и высокочеловѣчной жизни*, которыя глубоко залегли въ сердцѣ народномъ. И потому, — не поэтическій идеализмъ, не мечтательная влюбленность вдохновляла ихъ пророческое слово, что Россія еще не сознала, *кто — она*. Первые наши славянофилы требовали высшаго напряженія всенародной мысли и чувства, строгой критики по отношенію къ себѣ и нравственному облику своей жизни и широкаго общественнаго творчества. Ибо, какъ единственно соотвѣтствующій высшимъ дѣйствительнымъ качествамъ народной души, ими былъ поставленъ высокій культурно - общественный идеалъ удивительной чистоты и значительности: быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ, осуществляющимъ въ своей жизни все, что благородно и возвышенно, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему, что основывается на самоотреченіи и самопожертвованіи, — таковъ общественный идеалъ у Хомякова. И не въ управленіи Россіей кучкой сомнительныхъ „избранниковъ всего народа", людей, исполненныхъ частныхъ интересовъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, представителей политическихъ партій, т. е. уже по существу *фанатиковъ своей идеи* и, слѣдовательно, *деспотовъ* по отношенію ко всѣмъ,

иначе мыслящимъ, видѣли они счастье Россіи и вѣнецъ ея политическаго прогресса, но — во всенародномъ одушевленіи идеею *святой отчизны* и въ Царѣ, какъ *великой Исторической Волѣ* нашей Земли и ея святой Вѣры.

Какъ извѣстно, первые славянофилы посвятили много труда выясненію основныхъ началъ нашей религіозной культуры, попутно выясняя и глубокую философію православной вѣры. Въ вѣрѣ выражается самая чистая, самая святая, безконечная часть человѣческой души; въ ней опредѣляется вся цѣнность человѣка, вся красота его духовной личности, смыслъ его нравственной жизни. И потому славянофилы съ особеннымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ останавливались на православной вѣрѣ, на всѣхъ существенныхъ особенностяхъ этой безконечно драгоцѣнной всенародной святыни. Русскій народъ глубоко религіозенъ, религіозенъ душевно, какъ бы ни представлялась на поверхностный взглядъ безсердечныхъ людей эта религіозность простымъ и неодухотвореннымъ формализмомъ внѣшняго благочестія. Народъ-пахарь имѣетъ всѣ данныя быть народомъ-философомъ, и именно философомъ религіознымъ, ибо вѣдь и каждая высшая религіозная философія зарождалась подъ безбрежнымъ, глубокимъ и чистымъ небомъ, всѣ чудныя молитвы и хвалы Господу слагались при таинственномъ блескѣ вѣчныхъ звѣздныхъ очей, среди открытой, не подправленной человѣческою фантазіей, природы, сохранившей въ своей нетронутой красѣ отраженіе Великаго Дня Творчества. Исканіе *божественныхъ* началъ жизни, свойственное простому народу, его неостанавливающееся религіозное движеніе показываютъ, что есть въ русской душѣ одна завѣтная дума, безконечно дорогая, священная, и растетъ, не гаснетъ она, сладко тревожа сердце, ищетъ жизни, правды и умиленія. Народъ хочетъ быть сознательнымъ христіаниномъ, жаждетъ всецѣло принять истину Бога въ свое открытое, безгранично-любящее сердце. Не „религіозной настроенностью“ только, которая легко можетъ быть и очень часто бываетъ исключительно простою, чисто-внѣшней благочестивостью, опредѣляется достоинство вѣры русскаго народа, но ея глубокимъ жизненнымъ и философскимъ

значеніемъ. Глубоко, глубоко залегаетъ въ народной душѣ мысль о Богѣ, о вѣчности, о безсмертьи божественной правды, она тепла и молитвенна, она рвется въ жизнь, жаждетъ сказаться въ ней во всемъ своемъ чудномъ значеніи. Народъ ищетъ *правду христіанскую* въ жизни, вѣря, что нѣтъ той области человѣческихъ отношеній, которыя могли бы слагаться безъ освѣщенія ея святымъ свѣтомъ, о которыхъ *не было бы сказано людямъ слова отъ Бога.* И въ этихъ исканіяхъ праведниковъ на землѣ, святыхъ людей, которымъ ясенъ путь каждой мелькающей предъ ними жизни, ея зло, ея страданіе, ея сокровенная печаль и счастье, въ этихъ благоговѣйныхъ странствіяхъ къ священнымъ обителямъ, въ этомъ осѣненіи всей жизни и всего труда ея крестомъ и молитвою развѣ не слышится великая всенародная жажда — *собраться вокругъ Христа?*

Не потому только, разумѣется, что православная вѣра есть религія русскаго народа, славянофилы возвеличили ея начала до значенія *основы всемірнаго братства людей въ любви и Богѣ.* Основныя божественныя истины православной вѣры, озаряя высшею правдою смыслъ жизни, ея страданій и ея безгрѣшнаго счастья, отражаясь безсмертнымъ значеніемъ въ мысли, чувствахъ и волѣ, благословеніемъ отвѣчая каждому человѣчно-достойному движенію души, не сдавливая мысли, не заглушая свободной воли, но лишь освѣщая имъ путь необманчивымъ свѣтомъ, смиряютъ сердце и мысль въ высшей премудрости — предъ лицомъ Вѣчнаго Бога. Церковь, — которая, по ихъ ученію, только предъ открытою, искреннею душой, взволнованной жаждою Бога, полной мольбы и вѣры, открывается въ своемъ вѣчномъ небесномъ смыслѣ, — есть *Всемірная Любовь*, и, вѣчно сущая, она обойметъ нѣкогда весь міръ своею единою правдою и безсмертіемъ...

Что славянофилы были далеки отъ какихъ-либо фантастическихъ представленій о русской дѣйствительности прошлаго и настоящаго времени, достаточно ясно уже изъ того, что Хомяковъ въ слѣдующихъ прямыхъ словахъ отрицалъ приписываемое славянофиламъ утвержденіе, будто христіан-

ство выразилось на Руси реальнымъ образомъ во всей своей полнотѣ и чистотѣ. „Нѣтъ, — говорилъ онъ, — велико это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не смѣю". Разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью сказался и въ этой области, и великое обладаніе святыней, заботливое и благоговѣйное ея охраненіе еще не означаютъ всенародной силы и умѣнья освящать тою святыней всю жизнь, во всей ея полнотѣ, всюду, всегда. Горькое слово о тѣхъ, кто не умѣлъ отвѣчать живымъ духовнымъ запросамъ народа, всегда сопровождало требованіе славянофиловъ, что народу нужны истинно просвѣщенные пастыри, близкіе жизнью къ тѣмъ нашимъ дивнымъ святителямъ, которыхъ знаетъ родная исторія, христіане въ каждомъ біеньи сердца, въ каждомъ порывѣ мысли, какъ *живые примѣры*, учиться у которыхъ жизни жаждетъ русскій народъ. Онъ желаетъ расти подъ тѣнью дивно-священнаго древа Церкви, въ ея благодатной святой прохладѣ и тишинѣ, не досягаемой ни для какихъ мелкихъ и пустыхъ волненій. Въ этомъ отношеніи къ Церкви, какъ родной, безконечно-доброжелательной Матери духовнаго человѣка, и только въ немъ, а никакъ не „въ косности и невѣжественности", и лежитъ объясненіе всѣмъ извѣстнаго факта, что народъ не придаетъ безусловно того же важнаго значенія свѣтской школѣ, которое видитъ въ ней городское просвѣщенное общество: народъ жаждетъ высшаго освѣщенія смысла жизни и знанія, хочетъ учиться не только для того, чтобы знать, но главное, чтобы умѣть жить жизнью, достойною человѣка и драгоцѣнною предъ Богомъ.

Нашъ вѣкъ выдвигаетъ новую гражданскую силу, — Крестьянство. Русское Крестьянство, какъ основная единица всероссійскаго гражданства, какъ очень крупный собственникъ-землевладѣлецъ земли Русской, имѣетъ право на глубокое и дѣятельное вниманіе къ себѣ со стороны государственной и общественной мысли. Крестьянство растетъ, посвоему развивается, отбрасываетъ негодныхъ членовъ, сплачиваетъ въ сомкнутыхъ группахъ жизнеспособные и крѣпкіе

свои элементы, при благопріятныхъ условіяхъ вырабатываетъ типъ мелкихъ капиталистовъ-земледѣльцевъ и мелкихъ капиталистовъ-промышленниковъ, а при несчастныхъ мѣстныхъ условіяхъ нищаетъ и падаетъ, — и эта кажущаяся среди деревенской Россіи тишина и застой могутъ представляться намъ только съ очень отдаленнаго отъ деревни наблюдательнаго пункта. „А тамъ, во глубинѣ Россіи, тамъ вѣковая тишина“, — какъ давно мы привыкли вздыхать надъ этимъ величаво-скорбнымъ словомъ поэта. Но — если и тишина, то какая? — спокойствіе ли, купленное тяжелою, многовѣковою страдною жизнью; тишина ли души, понявшей жизнь и въ незлобіи, кротости, всепрощеніи, смиренной мудрости принявшей къ сердцу только одинъ путь чрезъ скорби земной жизни къ ждущему Богу; глубокое ли безмолвіе, скрывшее недоумѣніе и растерянность предъ судьбой; тишина ли какой-то неугасающей думушки великой?..

Лучшею, чисто-русскою частью нашей печати поднятъ вопросъ объ *оскудѣніи центра*. По вопросу объ экономическомъ оскудѣніи центра *Московскія Вѣдомости* высказали на-дняхъ слѣдующія интересныя соображенія (1901 г. № 348): „Экономическое процвѣтаніе нашихъ окраинъ, если не всецѣло, то въ значительной степени, происходитъ *за счетъ центра*, то-есть обусловливается ихъ привилегированнымъ, такъ сказать положеніемъ, тѣми безчисленными льготами и преимуществами, которыми онѣ всегда пользовались и пользуются *въ ущербъ кореннымъ областямъ государства*.

„Напримѣръ, Финляндія *не несетъ никакихъ общегосударственныхъ повинностей*, но сама пользуется общегосударственными средствами. Такъ, Финляндскій банкъ, служащій исключительно мѣстнымъ интересамъ, основанъ не на мѣстныя средства, а на деньги, отпущенныя изъ Имперской казны; финляндскія желѣзныя дороги, играющія первостепенную роль въ мѣстной экономической жизни, точно такъ же созданы (по крайней мѣрѣ, главная линія Петербургъ-Выборгъ-Гельсингфорсъ) не на мѣстныя средства, а на деньги, данныя изъ средствъ Имперіи, и главный доходъ отъ нихъ, поступающій въ мѣстную казну, даетъ Имперія.

„Эксплуатація всѣхъ линій финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ даетъ убытокъ, за исключеніемъ лишь петербургскаго дачнаго участка (Петербургъ - Выборгъ), доходъ отъ котораго не только покрываетъ убытокъ прочихъ линій, но и даетъ еще финляндской казнѣ значительный плюсъ. Между тѣмъ, при нашемъ государственномъ бюджетѣ въ 1.788 милліоновъ рублей (по смѣтѣ 1901 года) на долю Финляндіи (по численности ея населенія) причиталось бы 33 мил. рублей. Даже взявъ расходы бюджета только лишь общегосударственнаго характера, какъ-то: содержаніе арміи и флота, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, платежи по займамъ и т. д., — на долю Финляндіи приходится не менѣе 10 — 12 милліоновъ рублей, *которыхъ она не даетъ,* которые, слѣдовательно, *за нее* обязанъ давать русскій народъ. Сколько же *сотъ милліоновъ сберегла, такимъ образомъ, Финляндія для своихъ мѣстныхъ нуждъ, а русскій народъ выплатилъ за нее, въ ущербъ своимъ нуждамъ,* со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, то-есть за 90 слишкомъ лѣтъ?... Возьмемъ другую окраину — Кавказъ, справедливо называемый „жемчужиной въ Русской Коронѣ". Это, дѣйствительно, богатѣйшая область Россіи, надѣленная и благодатною природой, и несмѣтными естественными богатствами. Но, несмотря на это, Кавказъ беретъ отъ государства на 10 милліоновъ руб. въ годъ болѣе, чѣмъ даетъ ему. Изъ какихъ же рессурсовъ покрывается этотъ ежегодный 10-милліонный кавказскій дефицитъ? Само собою разумѣется, *онъ ложится на внутреннія области государства.* Между тѣмъ и безъ того кавказское населеніе въ отбываніи государственныхъ повинностей пользуется многочисленными льготами, ставящими его въ привилегированное положеніе сравнительно съ центрально-русскимъ населеніемъ. Такъ, туземное населеніе Кавказа (горцы) освобождено отъ воинской повинности, что, понятно, влечетъ соотвѣтственно-усиленный наборъ во внутреннихъ областяхъ государства. Такимъ образомъ, кавказскіе инородцы сохраняютъ свои молодыя силы для работы *на себя,* а внутреннія области отдаютъ свои силы *на службу государству*, да еще съ лихвой — и за себя, и за привилегированныхъ кавказскихъ инород-

цевъ. А сравните земельные надѣлы кавказскихъ инородцевъ и русскихъ крестьянъ: внутри Россіи и 6 - десятинные надѣлы составляютъ рѣдкость, а въ Закавказьѣ надѣлы въ сотни десятинъ — обыкновенное явленіе. Дворяне - землевладѣльцы въ центральной Россіи несутъ двойныя повинности — государственныя и земскія, составляющія во многихъ губерніяхъ до 30 и болѣе процентовъ доходности имѣній. На окраинахъ же нѣтъ земства, и землевладѣльцы ихъ несутъ вдвое и втрое меньшія повинности. А закавказскіе дворяне - землевладѣльцы (грузины) до 1907 года *вовсе освобождены* и отъ государственнаго земельнаго налога и, кромѣ того, получаютъ еще ежегодно 40,000 рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства на образованіе своего юношества. Но этого мало: землевладѣльцы Балтійскаго, Западнаго и Привислинскаго краевъ, избавленные отъ земскихъ поборовъ, и платя, благодаря этому, вдвое и втрое меньшія повинности, чѣмъ землевладѣльцы центральныхъ губерній, имѣли еще такое сильное подспорье, какъ пропинаціонный доходъ, дававшій имъ, въ общей сложности, до 10 милліоновъ рублей въ годъ. А со введеніемъ казенной винной монополіи и съ отмѣной пропинаціоннаго права, они *единовременно получаютъ за выкупъ его до 80 милліоновъ рублей!* Это уже не подспорье, а цѣлое обогащеніе окраиннаго землевладѣнія изъ общегосударственныхъ средствъ, слѣдовательно и изъ средствъ центрально - русскихъ губерній, не имѣвшихъ пропинаціоннаго дохода и *ничего не получившихъ за отмѣну въ нихъ частно-землевладѣльческаго права питейной торговли.* Правъ же былъ остроумный кн. Меньшиковъ, прося „пожаловать его въ нѣмцы“.

Не можетъ быть сомнѣнія, что здоровое, нравственно-сильное, просвѣщенное, экономически - крѣпкое центральное ядро Россіи — вотъ самая насущная наша государственная забота. Ибо отсюда идетъ Русь, и она сумѣетъ, какъ и въ старину, расширить границы внутренно - государственнаго единства вплоть до нашихъ географическихъ границъ. Сопоставляя, съ одной стороны, данныя о неисчерпаемыхъ богатствахъ Россіи и съ другой не менѣе краснорѣчивыя

мѣстныя данныя объ обѣдненіи значительныхъ группъ центральнаго крестьянства, невольно вспоминается та сказочная страна, о которой любили побалагурить наши добродушные дѣды: „всего тамъ было много, а ѣсть нечего“. Русскому обществу должно быть дорого и близко и благосостояніе, и здоровье, и просвѣщенность коренного ядра Россіи; тѣмъ же, немногимъ, впрочемъ, публицистамъ, которые затушевываютъ вопросъ объ оскудѣніи центра, можно только сказать съ презрѣніемъ: „о, Ѳома невѣрный, пойди къ этому народу, вложи персты въ его язвы, — и да будетъ тебѣ стыдно!“

Умное, трезвое, дѣльное, дѣятельное, хозяйственное громадное наше Крестьянство одно только и можетъ быть живою основою государственнаго богатства и силы Россіи. Одни правительственныя благія начинанія дать исходы хозяйственнымъ и промышленнымъ талантамъ среди крестьянъ, подготовить подсобные сторонніе заработки, дать возможность разрѣдиться общинамъ, отдѣляя избытокъ населенія на новыя мѣста, не поднимутъ духа самодѣятельности среди тѣхъ крестьянскихъ общинъ, которыя приходятъ къ упадку, если мѣстное земское общество дружною разработкою мѣстныхъ вопросовъ не прочиститъ пути къ истинно-благотворнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Народные герои теперь тѣ, которые трудятся по мѣстамъ, опытные, знающіе, заводятъ новые промыслы, улучшаютъ хозяйство, даютъ примѣры лучшаго быта, устраиваютъ полезныя, цѣлесообразно и практично организованныя школы, укрѣпляютъ въ народѣ сознаніе благородства труда, высокія понятія чести и долга, поддерживаютъ уваженіе къ религіознымъ сторонамъ быта. Помѣстная дѣятельность этой *новой Россіи*, молодой, безшумной, дѣловой, рабочей, нѣтъ сомнѣнія, скажется большимъ добромъ въ народной жизни. Жизнь — трудъ, и только трудомъ созиждется ея правда и красота, ея сила и одухотворенность.

„Тяжелыя времена, — пишетъ современный публицистъ, — переживаетъ нынѣ Русь, — змѣиной мудрости и дальнозоркости орла настоятельно требуютъ отъ нея настоящія событія. На всякомъ изъ насъ, какъ бы на первый взглядъ ни

казалась мала отмежеванная намъ судьбою область дѣятельности, лежитъ важная обязанность весь свой трудъ, всѣ свои заботы, дѣятельность—связывать съ цѣлью посильно принести пользу родинѣ. Разрозненность, нестройность нашихъ стремленій, разбросанность цѣлей, — все это обычныя горькія причины малоплодности нашихъ подчасъ очень широкихъ и благихъ начинаній въ области гражданской жизни. Нужно, чтобы плотнѣе сомкнулись ряды русской мирной рати просвѣщенія и жизненнаго труда. Не быть побѣжденнымъ на поприщѣ мирнаго труда государственнаго сплоченія и самобытнаго культурнаго развитія, — одно это уже великое и трудное дѣло. Гражданское чувство наше всегда ярко горитъ въ наиболѣе опасные и трудные для родины моменты, но настоятельно необходимо, чтобы оно неизмѣнно и ровно теплилось всегда въ нашемъ сердцѣ и каждую минуту побуждало насъ къ будничной черной работѣ на пользу родины. Направленіе всей нашей гражданской жизни и дѣятельности должно быть одушевленно русское направленіе съ ясно сознанными конечными цѣлями каждаго частнаго начинанія... Странно, какъ много заботъ бываетъ подчасъ въ нашей литературѣ о томъ, чтобы Европа не считала насъ за опасный воинственный народъ, но отчего же мы не боимся, что она вѣритъ въ возможность побѣждать насъ почти незамѣтно и на мирномъ пути и вредить намъ, легко узнавая наши наиболѣе уязвимыя мѣста? Не одно только спокойствіе настоящаго времени должно заботить каждаго русскаго, но и счастье, достоинство, слава и могущество родины въ ея будущемъ... Трудно, не хочется вѣрить легко напрашивающимся литературнымъ впечатлѣніямъ, что безнадежно могли бы забыть русскіе люди свободный гражданскій долгъ служенія нашей національной, опредѣленной исторіей идеѣ—*собиранія и спаиванія Руси*. Неужели такъ огрубѣло наше когда-то такое впечатлительное русское сердце, что при словѣ *родина* не бьется оно, не тревожится никакими сладкими чувствами?... Казалось бы, среди русскихъ писателей не могло и быть какихъ-либо загрубѣвшихъ въ фанатизмѣ „лагерей“, — ибо такъ сложна русская жизнь, такое множество задачъ поста-

вила предъ нами наша исторія, что нельзя бы и на минуту соблазниться какой-либо *узко-доктринерской* теоріей. Изучая, освѣщая и, позволимъ сказать, *распутывая* нашу жизнь, русская пресса должна быть прямымъ и вѣрнымъ ея изображеніемъ и ея голосомъ... Земля наша велика и обильна, но нѣтъ на ней убранства, еще не создано для нея *праздничнаго наряда*. Ибо мало живой, дѣятельной любви видитъ наша родина отъ сыновъ своихъ; правда же, мы все какъ-то не можемъ отъ всей души, простосердечно полюбить нашу родину, залюбоваться ею; темныя пятна, сырь и плѣсень на тѣхъ или иныхъ мѣстахъ ея древней храмины болѣе привлекаютъ наше вниманіе, нежели чудная своеобразная красота цѣлаго. „До сихъ поръ,—писалъ еще Гоголь,—остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто *мы до сихъ поръ все не у себя дома*, не подъ родною нашею кровлею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою - то холодною, занесенною вьюгой станціей“ (Н. Герасимовъ. „Русское Дѣло“ М. 1901 г.).

Объединенію русскихъ людей, добрыхъ сыновъ своей родины, невидимыхъ тружениковъ на ея исторической нивѣ и могли бы послужить широко и практично поставленныя помѣстныя *русскія общества*. Правдивымъ словомъ, вѣрнымъ освѣщеніемъ мѣстной внутренней жизни народа и его дѣйствительныхъ нуждъ, общества сослужили бы великую и святую службу родинѣ, и нѣтъ надобности доказывать, какое историческое значеніе въ дѣлѣ національнаго возрожденія Руси, хозяйственнаго преуспѣянія и нравственнаго развитія народа въ лучшихъ преданіяхъ старины могли бы имѣть повсемѣстныя Русскія Общества.

Ник. Недолинъ.

Восточный вопросъ и новыя вѣянія въ Славянствѣ.

I

Причиной и поводомъ освободительной войны, какъ извѣстно, послужилъ, такъ называемый „Восточный вопросъ“, который въ сущности *восточнымъ* являлся только для одной *Западной* Европы. Для Россіи же онъ былъ всегда собственнымъ, домашнимъ, чисто *Славянскимъ вопросомъ*. Вѣдь, мы, сѣверо-восточные и южные православные Славяне, въ глазахъ „цивилизованной“ Европы всегда были какимъ-то полуазіатскимъ, варварскимъ и дикимъ Востокомъ, обреченнымъ ею къ неминуемой погибели и разложенію. Западное Славянство давно было „окультировано“ и ассимилировано католичествомъ и не представляло для Европы соперника въ политическомъ развитіи ея латино-тевтонскихъ народовъ.

„Восточный вопросъ“ для Европы, а *Славянскій*—для Русскихъ и Южныхъ Славянъ, начался со временъ Петра Великаго, пріобщившаго Россію европейской цивилизаціей.

Послѣ Нарвы и Полтавы, послѣ выхода Русскаго Богатыря въ море, Россія со скромностью невѣсты, во боярскомъ собственноручномъ праздничномъ нарядѣ, при Петрѣ, явилась во храмъ европейской цивилизаціи для принятія участія въ историческомъ хорѣ общечеловѣческаго прогресса.

Казалось, что Европа съ радостью встрѣтитъ гостью, которой такъ много была обязана своимъ избавленіемъ отъ нашествія монголовъ. Но Европа грубо, по-варварски отнеслась къ своей избавительницѣ. Окинувъ ее надменнымъ взглядомъ, Европа съ презрѣніемъ оттолкнула „непрошеную“ гостью,

не признавъ за ней никакого права участвовать въ общеевропейскомъ хороводѣ.

Съ затаеннымъ чувствомъ стыдливости и оскорбленнымъ самолюбіемъ, Россія верулась во-свояси, во гнѣвѣ разорвала свой красивый сарафанъ, сбросила бисерный кокошникъ и запѣла новую пѣсенку:

Ой, вы гой-есте, бояре — мои соколы!
Вы побрейте-ко свои длинныя бороды,
Да кафтаны-то ваши забросите,
Принарядимся мы на нѣмецкій ладъ!..
На пирушки больше не сбирайтеся,
А на „асамблей“ ко внѣ пожалуйте!..

Хоть и не привычно, да затянувъ себя въ европейскій корсетъ, Россія почти мигомъ догнала Европу въ наружномъ облаченіи и такимъ же карьеромъ поравнялась съ нею на полѣ науки, знаній и искусства.

Что касается внутренняго склада, то за Россіей оказалось громаднѣйшее преимущество духовныхъ и физическихъ силъ. Послѣ сверженія татарскаго ига, расходившійся Илья Муромецъ не находилъ себѣ мѣста отъ избытка „силушки“. Но баловница-судьба скоро нашла ему случай проявить свою „силушку“ надъ фанатизмомъ Ислама.

Три вѣка дрожала Европа передъ грознымъ ятаганомъ османовъ, не будучи въ состояніи побороть турецкія орды и рискуя ежегодно со своей цивилизаціей подпасть подъ азіатское владычество. Стратегическій пунктъ Европы, Вѣна, тряслась отъ прибоевъ полчищъ „правовѣрныхъ“.

Но рокъ спасаетъ Европу отъ гибели!

На политическомъ европейскомъ горизонтѣ выступаетъ бравый сѣверный славянскій Богатырь во всей своей силѣ, онъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ колеблетъ и ломитъ устои османовъ, меркнетъ полумѣсяцъ, Крымъ покоряется ему, Кавказъ начинаетъ кланяться, придунайскія провинціи султана занимаются русскими побѣдоносными войсками, горитъ востокъ Европы новой зарей и... на политической сценѣ разыгрывается роковой, неизбѣжный *Восточный вопросъ*.

Безъ хитрости, безъ обмана, а открытою грудью идетъ

шагъ за шагомъ черезъ горы, черезъ провалы, рѣки и утесы идетъ она къ одной цѣли, къ сверженію полумѣсяца съ купола Св. Софіи и къ очищенію Святыхъ Мѣстъ Страстей Господнихъ отъ нечестивыхъ басурманъ!..

Казалось, и тутъ Европа должна была привѣтствовать вторичную свою освободительницу, Россію, и даже пойти ей на помощь для достиженія прежней своей мечты, вызвавшей „крестовые походы“,—но зависть и злоба замѣняютъ чувствс благодарности Европы...

Видя быстрый ростъ могущества Россіи, видя постепенное паденіе царство османовъ, коварная Европа уже спѣшитъ на помощь имъ, вѣковымъ врагамъ христіанства!

Восточный вопросъ начинаетъ заключаться въ томъ, кто унаслѣдуетъ развалины мечетей, минаретовъ и шести, семибашенныхъ тюремъ, кому достанутся халаты и шальвары „больного“, умирающаго турка, кто будетъ господиномъ Балканскаго полуострова.

Балканскіе славяне томились пять вѣковъ подъ ужаснымъ варварскимъ, азіатскимъ игомъ. При каждомъ обращеніи ихъ въ прежнее время къ Европѣ о помощи, объ освобожденіи она хотя ничѣмъ и не могла имъ помочь, такъ какъ сама дрожала отъ турокъ, но все-таки каждый разъ заставляла славянъ перемѣнить вѣру, признать папу, принять католичество или протестантство, или, наконецъ, принять *хотя бы* унію и т. д. Вообще Европа хотя ничѣмъ не могла помочь южному славянству, а если и могла, то слишкомъ незначительно, но хотѣла наложить ему другое *духовное рабство*, отъ чего, естественно, славяне отрекались и умирали за прадѣдовскую православную вѣру, „за честной крестъ и слободну златну“.

Россія же,—эта единственная виновница паденія Турціи, эта сила, не знающая преградъ, — естественно внушала къ себѣ больше довѣрія южнымъ славянамъ, чѣмъ Европа. Да къ тому же Россія, какъ хранительница православія, являлась дѣйствительной освободительницей православныхъ славянъ, а какъ членъ всеславянской семьи, Россія поневолѣ представлялась южнымъ славянамъ и по вѣрѣ и по народ-

ности, т. е. по крови и по вѣрѣ близкой, родной, братской, просто *своей* державой, и потому они, южные славяне, еще раньше Петра Великаго и въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, все время обращали измученные свои взоры на сѣверъ, на Россію...

„Россія пріидетъ и освободитъ насъ“,—слышали южные славяне отъ прадѣдушекъ, дѣдушекъ, отцовъ и братьевъ своихъ. И Россія, ближе узнавъ про *своихъ* единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ, томящихся подъ ненавистнымъ полумѣсяцемъ, постоянно думала о нихъ, пеклась о нихъ, посылала церковныя книги и одежды. Съ Петра Великаго установились постоянныя отношенія съ ними.

Одно только коварство, зависть и злоба могли родить какой-то *Восточный вопросъ*. Нѣтъ и не можетъ быть *Восточнаго вопроса*. Этотъ вопросъ — чисто русско-славянскій, и рѣшеніе его принадлежитъ намъ, славянамъ. Равно и забота о томъ, кто унаслѣдуетъ царство османовъ въ Европѣ, есть наша русско-славянская забота. Во всякомъ случаѣ, его никто иной не унаслѣдуетъ, кромѣ фактическихъ жителей Балканскаго полуострова и фактическихъ хозяевъ земли, пропитанной югославянской и русской кровью, обильно пролитой за свободу, и усѣянной костьми ихъ дѣдовъ, женъ и невинныхъ дѣтей, павшихъ отъ ножа башибузуковъ...

Однако, цивилизованная и „гуманная“ Европа никакъ не можетъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ нашего славянскаго вопроса. Ея дутыя слова: *Liberté, egalité* и *fraternité*, не касаются славянъ, этихъ sclaves — рабовъ, какъ она ихъ называетъ. Она не можетъ съ этимъ мириться, благодаря своимъ и ложно-культурнымъ замысламъ, основаннымъ не на добрѣ человѣчеству, а на эгоизмѣ, на наживѣ и Мамонѣ...

Благодаря этимъ замысламъ, она и окатоличила и онѣмечила другую, западную вѣтвь Славянства, сдѣлавъ изъ большинства ея интеллигенціи ренегатовъ, какихъ-то, хотя и „культурныхъ“, но настоящихъ *янычаръ* въ отношеніи къ ихъ соплеменникамъ. Простая же масса западнаго Славянства и до сихъ поръ держится въ „черномъ тѣлѣ“ и въ „ежовыхъ рукавицахъ“.

Но живъ Русско-Славянскій Богъ, и лучшіе умы самыхъ отдаленныхъ и окатоличенныхъ славянъ въ истекшемъ столѣтіи, наровнѣ съ дѣятелями южныхъ и сѣверо-восточныхъ славянъ, посѣяли новое сѣмя на славянской нивѣ. Заря славянства смочила эту ниву жизненной росой печали и радости XIX вѣка, первые всходы уже зазеленѣлись и, дастъ Богъ, новое солнце XX вѣка согрѣетъ теплѣе эти всходы и будущія наши потомства соберутъ обильную жатву славянскаго единства, всеобщаго мира, братства и общечеловѣческаго прогресса, продиктованныхъ Вождемъ православія, Государемъ Николаемъ II, на Гаагской конференціи.

II

Слѣдующія строки вполнѣ гармонируютъ съ идеалами каждаго современнаго славянина: „Чѣмъ внимательнѣе прослѣдить жизнь славянства и чѣмъ глубже всмотрѣться въ живучесть и крѣпость отдѣльныхъ членовъ славянства, тѣмъ утѣшительнѣе и отраднѣе замѣтны признаки великаго будущаго славянства. Начало прошлаго столѣтія застало все южное славянство и почти все западное въ неволѣ и въ политическомъ и культурномъ рабствѣ. Заря же настоящаго (XX) столѣтія застаетъ южное и западное славянство въ движеніи и борьбѣ со всѣми враждебными элементами, давящими его. Славянство переживаетъ въ настоящее время утро своего возрожденія. Общій духъ глубокаго сознанія уже движетъ на югъ и на западъ. Оно дѣлаетъ уже усилія сплотиться, стать воедино. Оно начало уже сознавать огромное свое пространство, занимаемое имъ на нашей планетѣ и крошечныя страницы, уступленныя ему исторіей. Но славянство не сѣтуетъ за это на исторію, оно ищетъ вину прежде всего въ самомъ себѣ, въ своемъ племенномъ раздробленіи, а главнымъ образомъ—въ тяжеломъ чужеземномъ культурномъ игѣ. И съ того момента, какъ оно начало видѣть вину въ самомъ себѣ, а не только внѣ себя, оно само стало возвышаться и въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ міра, чѣмъ и открыло себѣ больше мѣста на скрижаляхъ исторіи, наравнѣ съ про-

чими культурными племенами. И это мѣсто въ исторіи добыто однимъ могущественнымъ представителемъ славянства и православія — православной Россіей. Въ истекшемъ вѣкѣ міръ узналъ всю мощь славянства, узналъ и чистоту православія, которымъ оно возродилось.

Славянство и Православіе теперь впервые проявляютъ свою культурную роль, объявивъ миръ и братство между народами. Славянство еще молодо, но полно силъ, которыхъ его геній еще не развилъ въ должной степени. Мощь славянства проявилась бы гораздо осязательнѣе, если бы оно было объединено, въ родѣ германцевъ, читало бы и писало на одномъ общеславянскомъ языкѣ и если бы оно преслѣдовало одинаковыя цѣли и идеалы. Но самымъ утѣшительнымъ признакомъ зари новаго столѣтія въ жизни славянства является идея культурнаго объединенія, которое требуется самимъ временемъ. Культурное объединеніе есть одна ступень къ будущему соединенію. Въ наши дни, когда крупные капиталы порабощаютъ мелкіе, когда фабричная индустрія убиваетъ ручную, и когда культурныя большія націи давятъ мелкіе народы и народности,—культурное единеніе славянъ диктуется самимъ временемъ и невѣдомой рукой *будущаго*. И хотя это единеніе не имѣетъ еще своей программы, подписанной суровостью жизни, но Вѣчный Промыслъ не покидаетъ славянство: то, что еще не изложено въ программѣ,— давно начертано въ душѣ большинства членовъ славянской семьи. Даже прогрессирующія тяжелыя условія въ Европѣ и въ особенности сплоченіе народовъ въ племена сильно толкаютъ славянскіе народы подать другъ другу руки и искать мощь самообороны и самосохраненія въ своемъ культурномъ единеніи и объединеніи. И если въ Чехіи, Галиціи, Буковинѣ, Штиріи и пр. славянскихъ земляхъ замѣтно въ послѣднее время сильное движеніе въ пользу православія, стимулъ этого движенія не надо искать въ какихъ-нибудь матеріальныхъ, а въ идеальныхъ побужденіяхъ, не въ панъисламизмѣ, а въ болѣе высокомъ и идеальномъ, именно въ Божественности Православія. Большинство славянъ сознаютъ, что Православіе есть ворота, черезъ которыя должно пройти

мечтаемое славянское объединеніе. Одинъ книжный языкъ, одна религія, одна культура, одинъ Вождь на Землѣ, одинъ Богъ на небѣ — вотъ идеалъ Славянства!“ [1])

„Восточный“, или *Славянскій вопросъ* застрялъ въ глоткѣ Европы тяжелымъ комкомъ. Она сознаетъ силу и мощь славянства и всѣми хитростями наяву и во снѣ стремится затормозить сближеніе славянъ, убивая въ подвластныхъ ей и полумѣсяцу славянахъ духъ и мысль объ ихъ единеніи съ славянскимъ *колоссомъ*, Православной Россіей. Но одно Европа не можетъ погубить — это **словеньская письмена** св. апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Дѣло славянскихъ равноапостоловъ и просвѣтителей солуньскихъ братьевъ глубокой важности и величія. Св. Кириллъ и Меѳодій дали славянамъ не только религію, но и **писмена**, литературу. чѣмъ и указали имъ правый путь къ ихъ объединенію. Какъ религія, такъ и языкъ суть главные задатки всякаго единенія. Церковь и литература завѣщаны намъ солуньскими братьями для окончательнаго объединенія славянства, призваннаго исторіей къ великой роли въ судьбахъ человѣчества. *Словѣньскъ языкъ* Промысломъ Божіимъ съ искони вѣковъ сблизилъ и соединилъ южныхъ славянъ съ сѣверо-восточными. Латинскій же языкъ римскаго богослуженія не сближаетъ такъ тѣсно и мощно романскія и тевтонскія племена, какъ священный славянскій языкъ св. Кирилла и Меѳодія связываетъ православныхъ народовъ.

III

Подъ гнетомъ монгольскаго ига, подъ гнетомъ разъѣдающаго римскаго католицизма и подъ ударами культурнаго тевтонскаго молота, вѣками пробивались славянскіе ручьи, встрѣчаясь между собою, или далеко отходя другъ отъ друга, лишь бы найти выходъ къ простору и свободѣ.

Вѣками чередовались вѣка, иные ручьи мельчали и высыхали, а иные сливались въ рѣки, чтобы съ большимъ напоромъ пробить себѣ волю.

---

[1]) См. *Церков. Вѣстникъ*, № 47, 1901 г.

Такъ текла исторія славянскаго племени, волею рока разъединеннаго на мелкія народности, которыя, не представляя силу своей разъ единенностью подпали подъ то или другое иго.

Къ сожалѣнію, исторія, оказавшаяся для славянъ злой мачехой, не даетъ намъ подробныхъ указаній о первоначальномъ строѣ этого могучаго и многочисленнаго племени и открываетъ намъ уже печальныя картины, писанныя рукою перваго лѣтописца Нестора.

Неурядица и междоусобица однихъ славянъ заставляетъ ихъ звать иногородцевъ для водворенія *порядка* у себя... Нѣтъ болѣе того гордаго національнаго самосознанія, какое вылилось у славянскаго князя Доврата въ отвѣтъ аварскому *хакану* (хану), осмѣлившемуся требовать отъ Доврата и славянскихъ старшинъ (въ VI вѣкѣ) *дани и покорности*: „Кто человѣкъ тотъ, живущій на землѣ и согрѣваемый лучами солнца, который покоритъ нашу силу? Мы привыкли надъ чужими властвовать и это нашъ завѣтъ, доколѣ на свѣтѣ будетъ война и мечъ" [1]).

Дальнѣйшая исторія славянъ, послѣ Нестора, извѣстна и до нашихъ дней представляетъ нѣчто сродное и невеселое въ судьбѣ славянскихъ народностей, подпавшихъ подъ то или иное инородное или культурное иго.

Нужно только удивляться живучести славянъ, перенесшихъ столько нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній, страданій и жертвъ и черезъ цѣлое страдное тысячелѣтіе снова заговорившихъ словами древняго Доврата!

Честь и слава тому Великому славянскому народу, который сумѣлъ отстоять свою свободу отъ ужаснаго монгольскаго и латинскаго ига и теперь можетъ доблестно защищать славянскіе *завѣты*, освобождаетъ ихъ изъ подъ чужого ига, питаетъ ихъ духовно и даетъ вѣру въ будущее!

Справедливость однако требуетъ вспомнить, что въ каждомъ славянскомъ народѣ въ теченіе истекшаго тысячелѣтія были свои выдающіяся и крупныя личности и герои, поддерживавшіе въ своемъ народѣ огонь и свѣтъ любви къ ро-

---

[1]) Менандръ. греч. пис.

динѣ и ко всему славянству, которымъ каждый изъ нихъ оказалъ въ свое время не малые услуги національному сознанію и единенію.

Но ничто такъ не можетъ сравниться съ услугами всему славянству, оказанными въ только что истекшемъ столѣтіи русскими проповѣдниками славянскаго братства и духовнаго единства.

Эти корифеи славянской идеи были яркимъ отраженіемъ не только христіанской высоты, но и національнаго самосознанія русскаго православнаго народа и вмѣстѣ съ нимъ взятаго всего славянскаго міра.

Эпоха безпримѣрной въ исторіи Освободительной войны послужила краеугольнымъ камнемъ новаго славянскаго зданія, созидаемаго новыми поколѣніями славянскаго племени.

„Славянинъ идетъ!“ въ недоумѣніи сообщаютъ другъ другу озабоченные народы Европы, ненавидящей славянъ до глубины души своей.

Да, Славянство вступаетъ въ опредѣленныя ему исторіей великія страницы...

Заря Славянства показалась на всѣхъ пунктахъ европейскаго горизонта и будитъ, живитъ и согрѣваетъ своимъ нѣжнымъ свѣтомъ каждую человѣческую душу.

Вотъ что говоритъ англичанинъ George Weshburn о будущемъ славянства въ своей брошюрѣ The coming of the Slav (будущее славянства): „Латинская и нѣмецкая расы отжили свои дни и не сумѣли создать настоящей христіанской цивилизаціи. Онѣ сдѣлали огромные успѣхи въ организаціи общества, въ развитіи матеріальнаго благосостоянія, въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, особенно же въ признаніи и обезпеченіи въ извѣстной степени правъ человѣческой личности но онѣ превознесли вещественное надъ духовнымъ и сотворили себѣ Бога изъ Мамона. Онѣ потеряли уже благороднѣйшія стремленія юности и управляются нынѣ грязнымъ расчетомъ старости. Ожидается приходъ Славянства, чтобы возродить Европу, водворить принципы всеміpнаго Братства и Царства Христова на землѣ... Славянская раса переживаетъ еще свою молодость. Что будетъ, когда она осуществитъ свои

мечты и дастъ лучшее и высшее развитіе цивилизаціи, чѣмъ Западъ, — покажетъ будущій вѣкъ, вѣкъ славянскій."

На рубежѣ XIX и XX вѣковъ между южными и западными славянами замѣтно сильное національное движеніе. На ряду съ этимъ движеніемъ у нихъ замѣтно проявляется стремленіе къ изученію русскаго языка и русской литературы. Въ многихъ пунктахъ образовались уже такъ называемые „русскіе кружки". Даже въ Краковѣ образовался „Славянскій кружокъ". Между шокацами въ южной Австріи идетъ массовый переходъ изъ католичества въ православіе.

Между австрійскими славянами въ настоящее время идетъ сильное движеніе, чтобы добиться открытія своихъ университетовъ. А Чехи ведутъ упорную борьбу, чтобы добиться своихъ „языковыхъ правъ".

Среди русскихъ, несмотря на всѣ старанія недруговъ славянъ убить къ послѣднимъ всякій интересъ, онъ съ каждымъ днемъ растетъ и начинаетъ проявляться какъ въ печати, такъ и въ обществѣ.

Любовь русскихъ къ славянамъ — есть любовь къ себѣ, и наоборотъ—любовь славянъ къ русскимъ есть любовь къ самимъ себѣ. Вотъ почему всякое проявленіе взаимности между русскими и славянами ложится новымъ основнымъ камнемъ въ постройкѣ грандіознаго будущаго славянскаго зданія, обѣтованнаго нашимъ потомствамъ. Надѣемся, что и въ предпринимаемой программѣ учебниковъ *отечествовѣдѣнія* на ряду съ подробнымъ изученіемъ русской *исторіи* и *описанія русской земли* будетъ удѣлено не мало мѣста и къ изученію нынѣшняго положенія зарубежныхъ *Славянъ*.

В. С. В—въ.

Пророчество Ѳ. И. Тютчева.

Славянамъ.

(Пріѣхавшимъ въ Москву).

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ,
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ безъ изъятья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!

Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви.
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь—не гости, вы—свои.

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, гдѣ господство незнакомо
Иноязыческихъ властей;

Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ.

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны;

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ — не прощается Россія,
Россіи — не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ и до испугу,
Что вся славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервые скажетъ — это *я*!

При неотступномъ вспоминаньи
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшитъ!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:

Для нихъ — законъ и равноправность,
Для насъ — насилье и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и до днесь,
И тяготѣетъ и надъ нами —
Надъ нами, собранными здѣсь...

Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая Гора!

А между тѣмъ — позоръ немалый
Въ Славянской, всѣмъ родной средѣ, —
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,

Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,

И грянетъ крикъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...

Онъ живъ — Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово „Царь-Освободитель“
За русскій выступитъ предѣлъ!...

1867 г. **Ѳ. И. Тютчевъ.**

МАКЕДОНІЯ [1]).

I

Текущія событія на Балканскомъ полуостровѣ заслуживаютъ бóльшаго вниманія, чѣмъ они могутъ казаться на первый поверхностный взглядъ. Балканскій полуостровъ вѣками, а въ особенности въ только что истекшемъ вѣкѣ и въ настоящее время представлялъ и продолжаетъ представлять собою какую-то хлопчато-бумажную фабрику со всѣми легковоспламеняющимися элементами. Балканскій полуостровъ всегда служилъ яблокомъ раздора діаметрально противоположныхъ притязаній, и стоило только той или иной изъ европейскихъ силъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ этого безпокойнаго полуострова нажать клапанъ или усилить треніе станка, какъ тутъ или тамъ зачинался пожаръ, приводившій кого касалось въ замѣшательство, но большею частью скоро прекращавшійся стараніями и давленіями европейскаго концерта. Между тѣмъ, постоянныя вспышки зачинавшихся пожаровъ, шаткость государственныхъ устоевъ, заселяющихъ этотъ полуостровъ державъ, грубость отношеній властей къ вѣками убитому морально и матеріально населенію, опереточные скачки правителей, фокусничества быстро смѣняющихся кабинетовъ, частыя политическія coup de fors, разбои, грабежи и убійства и т. д. — все это воспитало въ русскомъ обществѣ одно убѣжденіе, что Балканскій полуостровъ есть очагъ „неожиданностей“ и всевозможныхъ „случайностей“,

---

[1]) Очеркъ этотъ прочтенъ 23-го января 1902 г. въ одной изъ „*Славянскихъ средъ*“ Московскаго Славянскаго всп. Общества.

правда, быстро проходящихъ, но именно благодаря ихъ частой смѣнѣ, какъ въ какомъ-то калейдоскопѣ, привыкли хладнокровно относиться къ нимъ какъ къ будничнымъ явленіямъ политической жизни Балканскаго полуострова.

Интересъ русской читающей публики ко „вспышкамъ" и „неожиданностямъ" Балканскаго полуострова еще болѣе уменьшился за послѣднее время, ознаменовавшееся „черной неблагодарностью" южныхъ славянъ къ понесеннымъ Россіей великимъ жертвамъ на алтарь Славянской независимости и взаимности. Разные Милановцы и Стамбуловцы, введенные въ обманъ или подкупленные Заподомъ, силились поколебать въ Русскомъ обществѣ любовь и довѣріе къ зарубежнымъ Славянамъ...

Но если принять во вниманіе политическое младенчество этихъ славянъ, почти на нашихъ глазахъ проснувшихся отъ пятивѣковаго ужаснаго кошмара — поголовнаго и абсолютнаго рабства и, кромѣ того, скрещеніе интересовъ европейскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ главномъ пунктѣ ихъ экономическихъ сношеній съ Востокомъ,—справедливость требуетъ нѣкотораго снисхожденія къ первымъ политическимъ шагамъ младшихъ братьевъ. Къ сожалѣнію т. н. русская періодическая печать въ Россіи мало удѣляетъ вниманія и никакого снисхожденія къ неопытнымъ дѣйствіямъ южныхъ славянъ, видя въ каждомъ ихъ младенческомъ еще шагѣ яко бы измѣну и коварство, огульную черную неблагодарность или что-то въ этомъ родѣ, или же, что еще печальнѣе, преднамѣренно игнорируя современную жизнь какъ южныхъ, такъ и западныхъ славянъ. Судьба Венецуэлы или Филиппинскихъ островъ находитъ себѣ въ русской печати гораздо больше мѣста, чѣмъ положеніе южныхъ и западныхъ славянъ.

Между тѣмъ, въ настоящее время, какъ извѣстно изъ ежедневно идущихъ съ этого злополучнаго полуострова телеграммъ, тамъ загорается зарево новаго пожара. Искусственнымъ или естественнымъ ходомъ событій, но политическія осложненія въ Македоніи усиливаются постепенно. Интриги доходятъ до высшей точки своего развитія и на юго-восточ-

номъ горизонтѣ Европы стали показываться нерадостныя тучи, одна изъ которой носитъ съ собою, такъ называемый, *македонскій вопросъ*.

Австро-Венгрія уже забиваетъ послѣднюю гайку въ рельсахъ вновь строющейся стратегической желѣзной дороги Сараево-Митровица для наступательныхъ будущихъ ея дѣйствій къ Эгейскому морю, а Греція и Румынія заключили *союзъ* противъ славянства Балканскаго полуострова.

Происками-ли коварнаго Альбіона, пресловутымъ-ли Drang nach Osten пангерманизма, или неистовствами предсмертной агоніи „больного человѣка“ (Турціи) или славянское населеніе Македоніи испило до дна чашу терпѣнія — или всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ + общее политическое теченіе, какъ бы ни было, но европейскій горизонтъ омрачается боевыми *вопросами*. Ни армянскій, ни Критскій, ни Босно-Герцеговинскій и др. вопросы не входятъ въ программу настоящаго очерка. Относительно же „Македонскаго вопроса“, мы не беремся ни рѣшать его, ни дѣлать какія бы то ни было изслѣдованія въ историческомъ, этнографическомъ или географическомъ отношеніяхъ, а лишь намѣрены дать краткій очеркъ *дѣйствительнаго положенія* этой многострадальной провинціи, три четверти населенія которой безусловные Славяне. По завершительному акту исторической освободительной Русско-Турецкой войны 1877—78 г.г., по С.-Стефанскому договору, согласно этнографическому и историческому характеру Македонія была пріобщена къ вновь созданному Болгарскому княжеству, но благодаря Берлинскому контракту, разрушившему всѣ параграфы С.-Стефанскаго договора, эта провинція была оставлена въ когтяхъ Османлисовъ подъ условіемъ дарованія ей самостоятельнаго автономнаго управленія.

Границы Македоніи составляютъ: на Востокѣ Адріанопольскій вилаетъ и Болгарское княжество, на Сѣверѣ Сербское королевство, на Западѣ Старая Сербія (или Южная Босна) и Албанія, на Югѣ Эгейское море и Греческое королевство.

Населеніе Македоніи доходитъ до $2^1/_2$ мил. Большинство населенія — славяне, нынѣ судьбою обреченные на вѣрную гибель.

Національное самосознаніе Македонскихъ славянъ доказано, что они находятся въ болѣе тѣсномъ единствѣ съ сѣв. восточными славянами Балканскаго полуострова, чѣмъ съ сѣверо-западными. Македонскій славянинъ считаетъ себя болгариномъ.

Дѣло этнографовъ дать намъ окончательный выводъ, къ какой народности относятся македонскіе славяне, дѣло дипломатовъ дать имъ ту или иную политическую физіономію, а намъ остается дать фотографическій снимокъ ситуаціи этой провинціи на основаніи вѣрныхъ источниковъ.

Не скрываемъ, что трудно разобраться въ массѣ явленій, происходящихъ въ настоящее время въ Македоніи, но по имѣющемуся обильному матеріалу подъ руками и при внимательномъ отношеніи къ нему, надѣемся, намъ удастся представить читателю самый вѣрный и безпрестрастный обзоръ этихъ явленій. Дѣло въ томъ, что факты должны остаться фактами. Самый плачевный фактъ состоитъ въ томъ, что пятивѣковый хозяинъ, азіатъ-турокъ, снова засучилъ рукава, обагренные кровью и бьетъ самаго младшаго славянина, оставшагося еще подъ его властью. По всей Македоніи и Старой Сербіи стономъ стонетъ въ настоящее время славянское населеніе во славу турецко-арнаутскаго ятагана, въ утѣшеніе пангерманизму и на смущеніе всему Славянству.

Чтобы нашъ очеркъ далъ полную, но въ тоже время и краткую картину настоящаго положенія Македоніи, необходимо указать на слѣдующія анормальныя явленія и политическія осложненія въ этой провинціи.

II

Больше всего пока Македонскіе славяне терпятъ отъ безчинствъ Арнаутовъ, которыхъ называютъ Албанцами, Шкипетарами и т. д. Главное ихъ ремесло разбойничество, которое, благодаря шаткости государственныхъ устоевъ Турецкой имперіи пріобрѣло и нѣкоторую административную силу.

Въ Македоніи болѣе чѣмъ гдѣ либо проявлялось и продолжаетъ проявляться это народное зло. Въ разбойничествѣ

принимаютъ дѣятельное участіе не только профессіональные разбойники, но и лица болѣе или менѣе не причастныя къ этому ремеслу, а подчасъ и лица, стоящія у власти. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ городахъ и селахъ Македоніи живутъ, такъ называемые, *беги* — феодалы, которые, владѣя отдѣльными районами являются *абсолютными владѣтелями и повелителями* въ своемъ районѣ. Каждый *бегъ* разсматриваетъ и рѣшаетъ по личному усмотрѣнію всѣ общинскія и частныя дѣла, споры и наслѣдственныя тяжбы. И бѣда тому, кто осмѣлится протестовать или противорѣчить *бегу.* Подобные смѣльчаки всегда вдвое больше страдаютъ, чѣмъ если бы согласились съ неправильнымъ рѣшеніемъ его. Независимо отъ того, что эти протестующіе рискуютъ пострадать имущественно, но ихъ жизнь становится въ опасности, и большею частью огонь или убійство доканчиваютъ волю *бега.*

Эти феодалы раздѣляются на нѣсколько категорій: сильные и второстепенные, при чемъ послѣдніе всегда находятся въ зависимости отъ первыхъ. Такъ сельскіе беги пользуются покровительствомъ у уѣздныхъ, а эти у губернскихъ (валійскихъ), которые „имѣютъ руку“ и пользуются въ свою очередь заступничествомъ въ Константинополѣ у высокостоящихъ лицъ и даже стоящихъ у двора, въ Ильдызъ-Кіоскѣ. Главный заступникъ всѣхъ арнаутскихъ и македонскихъ *беговъ* былъ до не давнихъ поръ извѣстный Дервишъ-паша, долгое время бывшій личнымъ совѣтникомъ султана и жившій при дворѣ.

Всякій *бегъ* въ своемъ районѣ, хотя и считается покровителемъ его, но въ сущности онъ — начальникъ всѣхъ *бэкши* — родъ земской стражи, называемыхъ населеніемъ *поляками.* Эти бэкши — тѣже разбойники но содержатся на счетъ общинъ. Вотъ въ рукахъ этихъ бэкши и находится вся административная власть страны. Въ ихъ рукахъ находятся: и жизнь и имущество всего населенія Македоніи и Старой Сербій. Нѣтъ села, которое бы не пищало отъ этихъ кровопійцевъ, и никто не смѣетъ жаловаться на нихъ. Въ Македоніи общинскія учрежденія давно потеряли всякое значеніе.

Кромѣ этихъ правильно организованныхъ шаекъ разбой-

никовъ по всей Македоніи и Старой Сербіи снуютъ отдѣльные самостоятельные шайки арнаутовъ, такъ называемыхъ, *дебралій.* Албанцы, пользуясь многими политическими привиллегіями, за послѣднее столѣтіе начали играть и государственную роль, равносильную роли прежнихъ *янычаръ.* Полудикіе арнауты служатъ до нѣкоторой степени даже опорой Турціи на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. въ Македоніи. Вооруженные съ ногъ до головы они безнаказанно бродятъ по селамъ и дорогамъ и наводятъ страхъ и ужасъ на населеніе. Въ сѣверной и западной Македоніи и въ Старой Сербіи, нѣтъ ни одной семьи которая бы не поплатилась въ борьбѣ съ ними кѣмъ либо изъ своихъ членовъ, а болѣе всего, конечно имуществомъ. Насилія, грабежи и убійства стали теперь обыденнымъ явленіемъ, и никакія жалобы турецкому правительству не ослабляютъ бѣдствія населенія. Правительство смотритъ сквозь пальцы на безчинства арнаутовъ. Да оно и безсильно что-нибудь предпринять противъ нихъ. Оно научено опытомъ прежнихъ столѣтій. Вѣдь до недавнихъ поръ не проходило года, чтобы Албанцы не возстали противъ турецкихъ властей и требовали себѣ новыхъ уступокъ. Почти всѣ офицеры албанскихъ таборовъ, составляющихъ султанскую гвардію — сыновья Албанскихъ и Македонскихъ беговъ. Также и всѣ второстепенные посты въ Царьградскихъ дворцахъ повѣрены албанцамъ, какъ-то тюфекджи-баши, капуджи-баши, силяшоръ, белеръ-бей и т. под. Лѣтъ десять тому назадъ, когда былъ назначенъ битольскимъ вали, впослѣдствіи бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, Рифадъ-паша, для уничтоженія свирѣпствовавшаго въ этомъ округѣ разбойничества, при первыхъ попыткахъ его уволить всѣ отряды бэкши и изловилъ нѣсколькихъ видныхъ разбойниковъ, всѣ беги Македоніи и Албаніи прибыли въ Константинополь, окружили дворецъ Ильдызъ-Кіоскъ и требовали удаленія Рифадъ-паши, урожая, что если онъ не будетъ въ скоромъ времени смѣненъ, то арнауты поднимутъ такое возстаніе, какого *Турція еще не видала.* Рифадъ-паша былъ тотчасъ перемѣщенъ въ Малую Азію.

Во время послѣдней Греко-Турецкой войны арнаутскіе

шайки, собравшись въ отряды, безъ приглашенія турецкаго правительства самостоятельно дѣйствовали, предавая брошенныя греческими войсками села и города грабежу и „огню и мечу“. Турецкое же правительство не могло ничего сдѣлать съ ними тогда, какъ и сейчасъ ничего не можетъ сдѣлать и воспретить имъ грабежи и убійства, совершаемые ими въ Македоніи и Старой Сербіи. Впрочемъ производимыя ими разбои и убійства въ Македоніи идутъ на руку турецкому правительству. Положеніе Македонскихъ славянъ ухудшается такъ называемой *пропагандической* политикой Турціи. Множество пропагандъ, допущенныхъ Турціей, является для населенія Македоніи не меньшимъ зломъ, чѣмъ арнаутско-турецкіе ятаганы и темницы.

III

Традиціонная внутренняя политика Турціи всегда заключалась въ пресловутомъ макіевлевскомъ принципѣ, „Devide et impera“, формулированномъ азіатской алчностью, жестокостью и кровожадностью. Если когда-либо турецкое правительство отступало на сколько нибудь отъ этого принципа, то благодаря какому нибудь внѣшнему давленію, по принужденію. Но какъ только внѣшнее давленіе ослабѣвало, внутренняя политика Турціи возвращалась на прежній свой путь. Когда въ послѣднюю эпическую русско-турецкую Освободительную войну побѣдоносная Русская Армія раздавила Турцію, послѣдняя была готова на всякія уступки, гораздо большія, чѣмъ тѣ, которыя были ей предъявлены подъ Санъ-Стефано. На Берлинскомъ конгрессѣ она обязалась ввести извѣстныя реформы оставленнымъ ей Европой христіанскимъ народамъ. Однако Турція хорошо понимала, что одна только Россія искренно заступается за христіанъ и ей одной желательны реформы и какъ только увидала, что провозглашенный вскорѣ послѣ войны Тройственный союзъ изолировалъ Россію, а Англія сочувствуетъ этому союзу, она и не подумала давать обѣщанныя реформы. Она стряхнула съ себя насѣвшій на нее отъ войны кошмаръ и взялась системати-

чески отнимать и уничтожать и тѣ незначительныя права, которыя были даны христіанскому населенію до освободительной войны.

Кстати упомянуть здѣсь воззваніе въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, Главнокомандующаго Дунайской арміею къ жителямъ Македоніи:

„Жители Западной Румеліи! Болѣе счастливые, нежели братіи ваши Придунайской и Прибалканской Болгаріи, вы не испытали ужасовъ войны. Безъ жертвъ и страданій, вы пріобщаетесь нынѣ къ благамъ того славнаго мира, которыя побѣдоносное русское оружіе благосоизволеніемъ Святаго Промысла Божія, пріуготовало и для васъ. Явите себя достойными тѣхъ великихъ жертвъ, которыя понесены за ваше освобожденіе; явите себя достойными любви великодушнаго Монарха и великаго народа, ополчившихся на защиту вашихъ правъ; явите себя достойными сочувствія всего просвѣщеннаго міра, нынѣ на васъ съ участіемъ взирающаго; Безъ различія вѣроисповѣданій и народностей стремитесь всѣ ко водворенію и охраненію, въ освобожденной родинѣ вашей, порядка, тишины, спокойствія и безопасности. Да охранятся между вами неприкосновенными святыня всякой вѣры, жизнь, честь и достояніе каждаго лица и каждой семьи. Явите міру, что вы достойны быть свободными. Войска Е. И. В. Августѣйшаго Государя и Брата Моего, вступая въ предѣлы обитаемыхъ вами странъ, внесутъ въ нихъ безразлично одинаковыя для всѣхъ вѣроисповѣданій и народностей защиту и покровительство, одинаковое уваженіе всякаго законнаго права. Въ ожиданіи властей, имѣющихъ прибыть къ вамъ для водворенія и учрежденія дальнѣйшихъ подробностей вашего будущаго самоуправленія, заботьтесь о сохраненіи строгаго порядка въ средѣ вашей; забудьте всѣ распри и раздоры и живите въ мирѣ и тишинѣ, благословляя имя Бога, Зиждителя всѣхъ благъ.

Главнокомандующій дѣйствующей арміею

Николай“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что результаты прелиминарнаго С.-Стефанскаго договора далеко дошли до послѣдняго крестьянина Македоніи, населеніе которой давно воодушевлялось національнымъ самосознаніемъ и чаяло наступленія конца своего пятивѣковаго рабства. Кромѣ того, въ Македоніи впервые проявился лучъ пробужденія народнаго духа и тамъ впервые зародилось движеніе къ религіозной автономіи, къ отдѣленію отъ греческаго фанара.

Когда болгарское самосознаніе еще спало непробуднымъ сномъ, Македонія дала массу мужей, принесшихъ столь обильную пользу своему народу какъ въ дѣлѣ религіознаго освобожденія отъ фанара, такъ и въ политическомъ движеніи въ болгарскомъ народѣ.

Послѣ Берлинскаго конгресса и послѣ объявленія Тройственнаго союза, направленныхъ исключительно для изолированія Русскаго вліянія отъ Балканскаго полуострова, Турція главныя свои усилія употребила на уничтоженіе болгарскаго элемента въ Македоніи, этой „автономной“ провинціи, такъ какъ знала, что этотъ элементъ, составляя значительное большинство всего населенія, будетъ играть первенствующую роль въ будущемъ. Для достиженія цѣли были взяты очень удачныя мѣры: духовный гнетъ, гнетъ матеріальный и насилія. Администраціей пущены были всевозможныя средства для пріостановки и полнаго прекращенія церковно-училищнаго развитія народа, надѣясь этимъ въ корнѣ заглушить народное самосознаніе. Съ этой цѣлью турецкія власти систематически стали игнорировать именемъ болгарина, стараясь болгарскія общинныя училища офиціально считать *христіанскими*, избѣгая сношеній съ болгарскими общинами или переставъ ихъ признавать вовсе и заставляя населеніе подчиниться духовному вѣдомству греческихъ епископовъ. Съ этою цѣлью Порта нѣсколько разъ желала перемѣстить резиденцію болгарскаго экзарха изъ Константинополя въ Софію. Въ этихъ ея стремленіяхъ не мало было вліянія и греческихъ фанаріотовъ. При этомъ преслѣдовалась та цѣль, что съ переводомъ болгарскаго экзархата въ Софію навсегда прерывалась связь между болгарами, живу-

щими въ Адріанопольскомъ вилаетѣ и въ Македоніи, и болгарами княжества.

Между тѣмъ, болгарская экзархія въ Константинополѣ, кромѣ церковно-религіозныхъ нуждъ болгарскаго населенія Македоніи и Адріанопольскаго вилаета, ведетъ и учебное дѣло этихъ провинцій. Почти во всѣхъ городахъ и селахъ, присоединившихся къ вѣдомству экзархійскихъ епископовъ, имѣются экзархійскія учебныя заведенія.

По статистическимъ извѣстіямъ 1899 — 1900 годовъ [1]) въ Македоніи (Косовскій, Битольскій и Солуньскій вилаеты) Болгарская экзархія содержала 743 начальныхъ школъ съ 38796 учащимися обоего пола и съ 1156 учителями и учительницами; четырехклассныхъ прогимназій 56 съ 2980 учащимися обоего пола и съ 135 учительскимъ персоналомъ.

Въ отдѣльности учебныхъ заведеній приходилось:

Вилаеты.		Учебн. зав.	Учащихся об. пола.	Учебнаго персон.
Косовскій вил.	Нач. школъ.	174	8642	282
	Прогимназій.	16	813	38
Битольскій вил.	Нач. школъ.	258	14267	382
	Прогимназій.	13	994	42
Солуньскій вил.	Нач. школъ.	311	15887	492
	Прогимназій.	27	1173	55
	Итого.	799	41776	1291

Кромѣ того, экзархія имѣетъ двѣ мужскихъ гимназіи въ Солонникахъ и Битольѣ, одну женскую гимназію въ Солонникахъ, по одной педагогической школѣ въ Скопіи и Сѣрѣ. Въ означенныхъ учебныхъ завед. учатся 993 об. п., съ 68 учебн. персоналомъ.

По мѣсторожденію учительскій персоналъ въ 98% — уроженцы Македоніи.

Но какъ ни краснорѣчиво говорятъ только что приведен-

---

[1]) См. „Статистика на Българскитѣ училища въ Европейска Турція (Македонія и Одринско) за учебната 1899 — 1900 година. Шуменъ. 1901 г.“

ныя цифры объ успѣхѣ дѣятельности Болгарской экзархіи, зависящими и независящими отъ нея условіями учебное дѣло ея въ Македоніи желаетъ большей дѣятельности и затраты матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ Освободительной войны, а въ особенности послѣ приближенія Австро-Венгріи къ границамъ Македоніи, занятіемъ двухъ турецкихъ, населенныхъ исключительно сербскимъ населеніемъ, провинцій Босны и Герцеговины, положеніе славянскихъ христіанъ въ Македоніи значительно ухудшилось.

Пресловутымъ Берлинскимъ трактатомъ, какъ извѣстно, нѣкоторыя державы Балканскаго полуострова остались крайне недовольными. Сербія, мечтавшая все время о присоединеніи Босны съ Герцеговиной, гдѣ собственно и грянулъ въ 1876 году сигнальный выстрѣлъ возстанія славянъ противъ турецкаго ига, была недовольна отдачей этихъ провинцій въ окупацію ненавистнымъ Швабамъ. Греція, цѣлое столѣтіе мечтавшая о возстановленіи Византійской Имперіи тоже осталась недовольной, хотя ни за что получила Ѳесалію и Эпиръ.

Кстати Греція и Сербія не открыли войны Турціи въ началѣ Русско-Турецкой войны въ 1877 году, а только подъ конецъ ея, когда Карсъ и Плевна пали, и участь Турціи была рѣшена, а на границахъ означенныхъ державъ не было турецкихъ войскъ. При всемъ томъ Сербія получила большую территорію Пиротскаго, Нишскаго, Лѣсковацкаго и Враненьскаго Округовъ.

Но когда Турція объявила походъ противъ всего болгарскаго въ Македоніи, она въ тоже время искусственно развила разныхъ претендентовъ на эту, послѣ войны всѣми забытую, территорію.

Въ особенности Турція усилила преслѣдованіе на болгаръ въ Македоніи послѣ соединенія Сѣверной Болгаріи съ Южной (Южной Румеліей), состоявшемся послѣ филиппопольской безкровной революціи 6-го сентября 1885 года.

Послѣдовавшая затѣмъ братоубійственная Сербско-Болгарская война ясно показала всю тенденціозность тогдашнихъ сербскихъ политиковъ, руководимыхъ „злымъ геніемъ

сербскаго народа, другомъ Австріи, Миланомъ [1]). Безусловно то, что сербы въ этой войнѣ готовились задать пиръ въ Софіи на весь міръ, но Сливница помѣшала имъ.

Послѣ войны сербы открыто начали дѣйствовать въ Македоніи, открывъ для этого Общество Св. Саввы.

Съ другой стороны, греческіе патріоты (и къ сожалѣнію при содѣйствіи русскихъ эллинофиловъ) усиленно вели и ведутъ въ Македоніи пропаганду противъ Болгарскаго экзарха, какъ якобы схизматика, „отлученнаго *Вселенскимъ патріархомъ* отъ православной церкви“.

Наконецъ, въ Македоніи ввели пропаганду и австрійскіе миссіонеры и католики. Даже Румынія и та предъявила свои требованія и права на эту несчастную провинцію.

Однимъ словомъ, на пути правильному развитію болгарскаго населенія выступило нѣсколько претендентовъ на Македонію, поддерживаемыхъ до извѣстной степени турецкимъ правительствомъ. Появленіе новыхъ претендентовъ на Македонію, не только не идетъ въ разрѣзъ съ политикой Турціи, но, напротивъ, даже вполнѣ отвѣчаетъ ея интересамъ и планамъ, основаннымъ на принципѣ *Devide et impera*, т. е. уничтожить, разбить на части преобладающій (болгарскій) элементъ населенія Македоніи.

IV

Новые претенденты на Македонію уже болѣе десяти лѣтъ какъ ведутъ усиленную пропаганду среди македонскаго населенія, создавъ такимъ образомъ ему политическо-религіозный хаосъ.

Главнымъ претендентомъ на Македонію послѣ болгаръ, мечтающихъ о Санъ-Стефанской Болгаріи, являются сербы, которые предъявляютъ свои права на эту провинцію, какъ бы этимъ возмещая себя за на-всегда потерянную для нихъ Босно-Герцеговину.

---

[1]) Кстати въ Крушедольскомъ монастырѣ, гдѣ схороненъ Миланъ, надъ его могилой уже воздвигнутъ великолѣпный памятникъ на австрійскій счетъ. Этотъ фактъ показываетъ, какъ Австрійцы почитаютъ и прахъ своихъ „друзей“.

Сербскія претензіи на Старо-Сербію, или, такъ называемый, Призренскій вилайетъ вполнѣ естественны. Въ Македоніи же они мало могли разсчитывать на населеніе для своей пропаганды. Но сложившіяся обстоятельства помогли имъ до нѣкоторой степени въ этомъ. Чтобы ослабить болгарское сознаніе населенія, Турція сама стала помогать сербскимъ вожделѣніямъ на Македонію. Она открыла имъ двери и дѣйствовала и дѣйствуетъ въ пользу сербовъ.

Чтобы составить ясное представленіе о нынѣшнемъ положеніи сербской пропаганды, необходимо прослѣдить нѣсколько фазисовъ ея начала и развитія:

Послѣ извѣстнаго фэрмана 1872 года, когда учреждена была автокефальная болгарская церковь послѣ усиленной борьбы болгарскаго населенія съ фанаромъ—при чемъ за болгарскую церковь боролись лучшіе дѣятели какъ придунайскаго, такъ и забалканскаго, и *македонскаго* болгарскаго населенія. Къ этой борьбѣ не примкнули сербы ни нынѣшняго королевства, ни Босны и Герцеговины, ни даже Призренскаго санджака. Кто чувствовалъ себя тогда сербомъ, тотъ не шелъ на защиту болгарскаго экзархата. Султанскій ферманъ, учреждая самостоятельную болгарскую церковь, прямо ставилъ границы ея, въ которыя входила цѣликомъ вся Македонія съ Скопскимъ вилайетомъ и даже съ Нишскимъ санджакомъ, нынѣ отданнымъ Сербіи.

Пишущему эти строки извѣстно, какъ сейчасъ же послѣ присоединенія Нишскаго санджака, въ силу Берлинскаго трактата, къ Сербскому королевству, возвращавшіеся изъ Пирота и Ниша сербскіе офицеры въ Бѣлградѣ разсказывали анекдоты о нишскомъ населеніи, какъ о чисто *болгарскомъ* народѣ.

Сербская пропаганда началась еще съ 60-хъ годовъ прошл. столѣтія и приняла опредѣленную физіономію при князѣ Михаилѣ Обреновичѣ, мечтавшемъ о созданіи Великой Сербіи, временъ царя Душана Сильнаго, а равно и объ освобожденіи Болгаръ, конечно, при помощи той же Россіи.

Главная цѣль Михаила была объединить славянскіе народы Балканскаго полуострова въ одно государство, для чего и началась агитація въ Боснѣ и Герцеговинѣ, въ Болгаріи,

Македоніи и Старой Сербіи. Въ это время въ Бѣлградѣ начался прибой эмигрантовъ съ означенныхъ провинцій.

Болгарскіе эммигранты искали пріюта отъ турецкихъ преслѣдованій въ Сербіи, какъ въ свободной братской странѣ, и мечтали при ея содѣйствіи бороться за угнетенную свою родину.

При взятіи крѣпости въ Бѣлградѣ принимали участіе и два болгарскіе легіона, въ одномъ изъ которыхъ былъ и студентъ — болгаринъ Одесской семинаріи Василій Друмевъ (впослѣдствіи извѣстный болгарскій дѣятель и защитникъ православія, тырновскій митроп. Климентъ) и надзиратель означенной семинаріи Раковскій — основатель перваго „поборническаго“ — возстанническаго комитета въ Букарестѣ.

Князь Михаилъ умеръ отъ рукъ убійцъ въ 1868 г. оставивъ сербамъ завѣтъ идти по начертаннымъ имъ планамъ. Князь Михаилъ былъ дальновидный дѣятель, онъ мечталъ взять въ свои руки освобожденіе всѣхъ славянъ Балканскаго полуострова. Эта идея пришлась по духу времени всѣмъ дѣятелямъ — болгарскимъ эммигрантамъ. Начали готовиться къ всеобщему возстанію, для чего и были приглашены въ Бѣлградъ лучшіе болгарскіе дѣятели и извѣстные вожди хайдутовъ — воеводы. Имѣлось въ виду даже поднятіе возстанія въ Албаніи.

Но со смертью Михаила идея всеобщаго возстанія затихла, не найдя столько энергіи и иниціативы въ преемникѣ его, Миланѣ. Эта идея, въ послѣдствіи перенесена была въ Букарестъ, отчасти въ Константинополь и только нѣкоторые болгарскіе воеводы остались въ Бѣлградѣ.

Съ легкой руки сербскаго дѣятеля Милоша С. Милоевича въ Бѣлградѣ скоро образовался кружокъ, цѣлью котораго была пропаганда въ смыслѣ просвѣщенія болгарскаго населенія по сербскимъ учебникамъ. Были отпечатаны букварии книжки, и нѣсколько человѣкъ сербовъ отправилось въ Старую Сербію и Македонію учителями.

Шовинизмъ сербовъ вскорѣ обнаружился, и болгарскіе эммигранты перевели свой центръ въ Букарестъ.

Послѣ учрежденія самостоятельной (автокефальной) бол-

гарской церкви, болгарскому экзархату пришлось много труда, энергіи и запаса матеріальныхъ и моральныхъ силъ употребить, чтобы продолжать борьбу съ греческимъ фанаромъ и въ то же время насаждать служителей церкви на открывшіяся мѣста и эпархіи. До русско-турецкой войны болгары въ Турціи боролись только съ однимъ противникомъ—фанаромъ; нѣсколько сербскихъ школъ въ Македоніи не имѣли никакого значенія въ національномъ ихъ дѣлѣ. Тяжела была для болгаръ эта борьба, фанаріоты не разбирали средствъ чѣмъ бы напакостить болгарской экзархіи. Благодаря этому давленію грековъ, нѣсколько селъ перешло обратно въ вѣдѣніе вселенскаго патріархата. Но съ появленіемъ сербской пропаганды болгарской церкви въ Македоніи приходится оберегать свою паству отъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ сербовъ, появившихся съ новыми принципами сербскаго „*націонализма*“ въ ущербъ вопросамъ Вѣры Православной. Но что печальнѣе всего, что братья-сербы ввели новое начало въ разрѣшеніи македонскаго вопроса и ухудшили положеніе македонскихъ славянъ. Сербы забыли недавнее еще свое рабство подъ турецкимъ игомъ и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать единодушно съ болгарами, фактически помочь имъ, какъ болгары когда то помогали имъ въ борьбѣ съ тѣми же турками, они появились съ совершенно враждебными планами ко всему болгарскому населенію Македоніи. Такое поведеніе сербовъ къ болгарамъ безъ сомнѣнія убьетъ всякую взаимность между ними. И если дѣло пойдетъ такъ далѣе, какъ теперь идетъ, то уже не столько турки будутъ страшны для нихъ, какъ они сами другъ для друга. Этой „національной“ борьбой они такъ обезличать себя, что не въ состояніи будутъ вести никакой борьбы за свою независимость и цѣлость. И находятся еще такіе сербскіе „патріоты“, которые толкаютъ свой народъ примкнуть къ греко-румынскому союзу, но не для борьбы съ славянскими врагами, а для борьбы съ единокровными и единовѣрными болгарами. Пользуясь тяжелымъ положеніемъ македонцевъ, они обездоливаютъ ихъ въ надеждѣ на какое-нибудь улучшеніе ихъ положенія. Въ то же время сербы готовятъ полную гибель македонскимъ

славянамъ. Они проповѣдуютъ даже, что лучше, если Македонія достанется грекамъ или Австріи, лишь бы не досталась болгарамъ, не думая о томъ, что если Австрія захватитъ Македонію, то судьба Сербскаго королевства навсегда будетъ въ кольцѣ австрійскаго вліянія и не долго сохранитъ теперешнюю свою независимость.

Не на Македонію должна Сербія направлять свои силы и тратить свои послѣдніе гроши. У сербовъ есть историческое призваніе — подать братскую руку помощи измученнымъ Сербамъ Босны и Герцеговины, которые до 1876-го года всегда шли рука объ руку съ ними. И нѣтъ сомнѣнія, что болгары окажутъ имъ помощь въ борьбѣ за босно-герцеговинцевъ.

У сербовъ есть еще другая историческая задача — разрѣшить свой сербо-хорватскій вопросъ. Пора сербамъ и хорватамъ прекратить взаимныя враждебныя дѣйствія, ибо они говорятъ на одномъ и томъ же сербскомъ языкѣ, въ ихъ жилахъ течетъ одна и та же кровь. У русскихъ есть чудная поговорка: „на чужой коровай ротъ не разѣвай!“ Рекомендуемъ братьямъ сербамъ ознакомиться съ этой поговоркой, чтобы не довести дѣло до новой Сливницы. Или и тогда какой-нибудь Кевенхюлеръ будетъ мирить сербовъ съ болгарами? Плохіе же „патріоты“ — братья сербы, если и въ будущемъ надѣются на помощь швабовъ - австрійцевъ!

Сербская пропаганда выплываетъ съ болѣе опредѣленной программой только лѣтъ 10 тому назадъ. Главнымъ объектомъ ея вліянія оказался весь Скопскій вилайетъ съ входящими въ него Тетовской, Гостиварской, Кумановской, Прѣшовской, Кратовской, Кочанской, Паланечской, Піянечской и Штибской казами.

Скопская епархія составляетъ одну изъ самыхъ большихъ экзархійскихъ епархій въ Македоніи. По своему географическому положенію — эта эпархія является воротами, черезъ которыя необходимо пролѣзть, чтобы войти въ Македонію. По событіямъ же нынѣ тамъ разыгрываемымъ, по той ожесточенной борьбѣ, которая ведется въ ней—Скопская епархія, бесспорно, представляетъ изъ себя арену, на которой будетъ рѣшаться и самая судьба Македоніи. Только въ этой епархіи

въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ сербы разными способами успѣли пріобрѣсть до 5,000 домовъ, называющихъ себя сербами. Громадное большинство ихъ до недавнихъ поръ были патріархійскими. Болгарская же экзархія насчитываетъ въ скопской епархіи болѣе 25,000 домовъ. Въ другихъ епархіяхъ сербы не имѣютъ никакого успѣха.

Отъ исхода борьбы въ Скопской епархіи будетъ зависѣть, останется ли Македонія цѣлой или будетъ раздѣлена.

Съ появленіемъ въ 1890 году сербскаго консула въ Скопьѣ, тамъ началась упорная и безпрерывная дѣятельность по всѣмъ направленіямъ и при участіи всѣхъ легальныхъ и нелегальныхъ средствъ. Подкупъ продажныхъ турецкихъ чиновниковъ, разные сдѣлки и компромиссы съ фанаріотами и измѣна — являются главными факторами для распространенія и расширенія сербской пропаганды. Благодаря этому, въ теченіе послѣднихъ десять лѣтъ эта пропаганда пустила разлагающіе корни „націонализма“ въ Скопскомъ вилайетѣ, что вполнѣ отвѣчаетъ турецкимъ интересамъ.

Въ настоящее время въ гор. Скопьѣ сербы имѣють даже нѣкоторый успѣхъ. Этому виноваты разныя обстоятельства, какъ-то: гоненія македонскихъ болгарскихъ дѣятелей, недостатокъ ихъ средствъ, плохое состояніе учебнаго дѣла и учительскаго персонала, внутренній раздоръ между учителями и митрополитами болгарскими и т. п. Кромѣ того, недостатокъ образованныхъ священниковъ.

Вотъ, что намъ пишетъ одинъ македонецъ о болгарскихъ священникахъ въ Македоніи:

„Наши священники — совершенно простые люди и большею частью на свой санъ смотрятъ какъ на профессію, доставляющую имъ насущный хлѣбъ. По образованію 90% ихъ полуграмотны, которые, кромѣ часослова и *наустницы* (ектеніи), ничего незнаютъ. Остальная часть получили 1 — 3 классное образованіе. Наши священники не получаютъ никакого жалованья, а довольствуются лишь вознагражденіями за духовныя требы. Сербскіе же священники получаютъ жалованіе и не принуждены питаться подачками паствы. Для сербскихъ церквей скопской епархіи и священниковъ каждогодно при-

возятъ изъ Россіи священническія одежды и церковныя книги и утвари, проповѣдуя, что Россія ихъ высылаетъ, такъ какъ русскіе считаютъ населеніе *сербскимъ*, а не *схизматическимъ*. Болгарскіе священники не имѣютъ приличныхъ одеждъ (они въ большинствѣ случаевъ отличаются отъ своихъ поселянъ длинной бородой, косой и камилавкой), ни священническихъ ризъ. Наши церкви — бѣднѣйшія во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, власти насильно отнимаютъ отъ насъ наши церкви и предаютъ ихъ *сербоманамъ*, если въ селѣ окажутся два—три семейства, присоединившихся къ сербской пропагандѣ. Благодаря этому, во многихъ селахъ много поселянъ по нѣсколько лѣтъ не ходятъ въ церковь“.

При нынѣшнемъ хаосѣ, который завладѣлъ Скопскимъ вилайетомъ, гдѣ арнаутскимъ разбоямъ и грабежамъ нѣтъ конца, всякій старается дѣйствовать за себя лично. Монастыри, которые въ прежнія времена были духовными центрами и колыбелью національнаго самосознанія, въ настоящее время сдѣлались источникомъ самыхъ нежелательныхъ интригъ. По турецкимъ законамъ всякій игуменъ является собственникомъ всего монастырскаго имущества, кромѣ, конечно, храма и построекъ; въ остальномъ игуменъ не подлежитъ никакому контролю. Это обстоятельство создало массу нежелательныхъ недоразумѣній между духовенствомъ и паствой.

Въ общемъ по отзывамъ самихъ болгаръ почти всѣ факторы, всѣ болгарскія учрежденія въ Скопскомъ вилайетѣ: и училища, учителя, духовенство и монастыри, при теперешнихъ условіяхъ значительно уступаютъ передъ сербской пропагандой и не чувствуютъ себя въ силѣ бороться съ нею, единственно изъ-за бѣдности.

Въ выборѣ средствъ сербская пропаганда въ своей экономическо - агитаторской дѣятельности бываетъ изобрѣтательна иногда до смѣшного: при раздачѣ содержанія учителямъ и духовенству выдаютъ собранные на базарахъ русскіе полуимперіалы и говорятъ получателямъ, эти деньги высылаетъ - де имъ сама Россія! [1])

---

[1]) Не эти ли и подобныя уловки сербскихъ и иныхъ политикановъ служили и служатъ поводомъ для заграничной, особенно жидовской — вѣнской

Что же касается способа веденія борьбы сербами, то насъ увѣряютъ, что не было ни одного интеллигентнаго македонца, который бы велъ борьбу съ сербской пропагандой и не былъ бы нѣсколько разъ арестованъ по клеветѣ сербскихъ дѣятелей.

Недостойнымъ фактомъ является и то, что сербскіе доктора, въ Македоніи, оказываютъ медицинскую помощь только тѣмъ, кто называетъ себя сербомъ, а болгаръ гонятъ прочь.

Главная задача какъ турокъ, такъ и сербовъ была какъ можно больше увеличить число училищъ въ Македоніи и удалить видныхъ представителей македонскихъ болгаръ, путемъ клеветы, шпіонства, арестовъ, заточеній и убійствъ.

Успѣху Сербской пропаганды во многомъ содѣйствовало и эмиграція болгарской интеллигенціи въ свободную Болгарію. Тѣ же изъ нихъ, кто остался въ родной Македоніи, жестоко пострадали или поплатились жизнью и свободой.

При этомъ у турокъ за послѣднее время сложилось общее понятіе: всѣ болгары принадлежатъ къ Македонскому комитету. А потому массовые аресты, гоненія и притѣсненія Македонскихъ болгаръ, а главнымъ образомъ болгарскихъ интеллигентовъ болѣе всего содѣйствуютъ развитію прочихъ пропагандъ.

Желаемое сербами посвященіе Фирмиліяна въ скопскіе митрополиты окончательно нанесетъ пораженіе болгарской скопской епархіи и поведетъ къ раздѣленію Македоніи на двѣ части.

V

Но насколько желательно сербамъ это посвященіе, настолько оно идетъ въ разрѣзъ *греческой* пропагандѣ въ Македоніи.

Дѣло въ томъ, что изъ числа болгаръ примкнувшихъ къ сербской пропагандѣ, именуемыхъ нынѣ *сербоманами* большая половина явилась изъ селъ и городовъ, принадлежавшихъ не

и будапештской печати къ разглагольствованіямъ о пресловутомъ *русскомъ рублѣ*.

къ вѣдомству Болгарской экзархіи, а вѣдомству, *„вселенскаго“* патріарха.

Скопская епархія, благодаря сильному болгарскому элементу, національное сознаніе котораго стояло выше придунайскихъ болгаръ [1]), всегда представляла плохую почву для греческой фанаріотской пропаганды, которая за послѣднее столѣтіе употребила столько силъ своей *megala idea*, т.-е. возстановленію Византійской имперіи.

Греческая пропаганда давнишняя. Она ведется изъ Аѳинъ, но руководится Константинопольской греческой патріархіей. На эту пропаганду собираютъ огромныя суммы, щедро расходуемыя на поддержаніе хорошо устроенныхъ школъ, церквей, священниковъ, докторовъ и т. п. проповодниковъ эллинизма. Вся задача ихъ—путемъ церкви удержать славянское населеніе въ своихъ рукахъ и выдавать его за греческое, чтобы такимъ образомъ одинъ день имѣть претензіи на Македонію, какъ на страну греческую. Въ этой своей дѣятельности греческая пропаганда, движимая фанаромъ, затратила большія суммы и на подкупъ разныхъ географовъ и непризнанныхъ историковъ и путешественниковъ, чтобы они писали въ пользу того, что—де большинство Македонскаго населенія состоитъ изъ *грековъ*.

Средства, употребленныя греческой пропагандой надъ болгарскимъ населеніемъ во время турецкаго владычества исторически извѣстны и не мѣсто здѣсь ихъ повторять.

Клевета и насиліе надъ населеніемъ, сожженіе церковнославянскихъ книгъ и рукописей, уничтоженіе экзархата въ Тырновѣ и Охридѣ и подкупы играли главную роль въ дѣлѣ огреченія Балканскаго полуострова. Но съ 1872 года греки окончательно убѣдились въ своемъ проигрышѣ.

Послѣ Русско-Турецкой войны 1877—78 г. все вниманіе грековъ было употреблено на Македонію. Фанаріотскія средства были пущены во всей силѣ. Эти средства, конечно, не оставались безъ послѣдствій. Сколько невинныхъ человѣческихъ жертвъ по доносамъ греческаго духовенства кончило

---

[1]) Еще сто лѣтъ тому назадъ къ Лешечскомъ монастырѣ, близъ Скопья жилъ одинъ изъ первыхъ піонеровъ болгарскаго пробужденія Пейчиновичъ.

и кончаетъ свои дни въ турецкихъ тюрьмахъ и въ заточеніи въ Малой Азіи, Діаберкирѣ и другимъ мѣстамъ Анадола.

При появленіи сербской пропаганды, греки съ охотой содѣйствовали ей, въ особенности въ Скопской епархіи. По полученнымъ результатамъ успѣха сербовъ греки стали задумываться.

Одно время, при недавно ушедшемъ съ политической сцены вселенскомъ патріархѣ Константинѣ, вопросъ объ посвященіи сербскаго архимандрита Фирмиліана во Скопскіе епископы былъ близокъ къ рѣшенію въ пользу сербовъ. Но съ приходомъ на престолъ его всесвятѣйшества вселенскаго патріарха Іоакима III этотъ вопросъ отложенъ на неопредѣленный срокъ [1]). Вѣнская *Information* увѣряетъ, что сербы въ Македоніи и Старой Сербіи обманулись въ своихъ разсчетахъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ сербской церкви, а въ особенности въ вопросѣ о посвященіи Фирмиліана въ Скопскіе митрополиты. По полученнымъ газетой извѣстіямъ изъ Константинополя становится очевиднымъ, что въ „патріархіи рѣшились даже самыя законныя требованія сербской пропаганды—оставить безъ удовлетворенія и патріаршіе комиссары, отправленные въ Македонію для личнаго изслѣдованія положенія дѣла получили въ этомъ духѣ инструкціи.“

Далѣе въ газетѣ говорится, что эти комиссары, для обезсиленія сербскихъ притязаній, могутъ пользоваться согласно инструкціи не только грекоманами, но и болгарами, хотя послѣдніе и открытые враги патріархата. Эти слухи подтверждаются также извѣстіями изъ Скопья, Солуня, Битоли и др. мѣстъ и ясно говорятъ, что съ приходомъ Іоакима III на патріаршескій престолъ миръ во „вселенской“ церкви не будетъ возрожденъ.

Далѣе газета *Србобран* говоритъ: „Мы и раньше твердили, что Порта во многомъ стремится удержать дружескія связи съ Греціей изъ за критскаго вопроса, и съ этой цѣлью турецкія власти дѣйствуютъ и помогаютъ греческому элементу въ Македоніи, и въ церковныхъ спорахъ, между сер-

[1]) Загребская газета *Србобран* (№ 242, 1901 г.).

бами и болгарами съ одной стороны, а съ другой между сербами и греками, послѣднимъ содѣйствуетъ значительно не только патріархія, но и сама Порта. При такомъ положеніи вещей вопросъ о посвященіи Фирмиліана во митрополиты стоитъ въ настоящее время хуже, чѣмъ когда бы то ни было. А это слишкомъ жалко, тѣмъ болѣе, какъ извѣстно, что *Славяне*, а между ними первые *Сербы* хвалили Іоакима III, какъ человѣка, который справедливо относится къ справедливымъ желаніямъ разныхъ народностей. Теперешнее его отношеніе вызвало въ Старой Сербіи и Македоніи между сербами большое разочарованіе. А этимъ и церковный вопросъ, который и такъ слишкомъ запутанъ, сдѣлался еще запутаннѣе. Объ этомъ нужно тѣмъ болѣе сожалѣть, что какъ разъ въ послѣднее время прибываютъ извѣстія объ усиленіи и расширеніи *католической* пропаганды въ Македоніи и Старой Сербіи. Эту пропаганду поддерживаютъ и албанскіе беги, такъ какъ католики оказываютъ дѣйствительную защиту своимъ послѣдователямъ, а не мнимую какъ другіе. *Information* увѣряетъ, что благодаря этимъ обстоятельствамъ, т. е. фактической защитѣ католиковъ — „католическая пропаганда прогрессируетъ и не только въ Призрѣнѣ и Скопьѣ, но и въ Салонникахъ, гдѣ теперь даже много православныхъ начали переходить въ католичество единственно съ цѣлью найти защиту въ немъ и спастись отъ безчинствъ дикихъ албанцевъ“.

VI

Католическая пропаганда поддерживается въ Македоніи и Старой Сербіи австрійскимъ представительствомъ офиціально, и никто ему не препятствуетъ. Пропаганда эта тоже давнишняя, историческая и постоянная.

Миссіонеры Ватикана еще со временъ раздѣленія церквей перекрещивали весь Балканскій полуостровъ, проповѣдуя святости *римпапы* [1]). Но, несмотря на всѣ прельщенія ихъ и несмотря на защиту славянъ - католиковъ отъ турецкаго вѣ-

---

[1]) Въ Македоніи въ простомъ народѣ такъ называютъ католическое исповѣданіе.

кового произвола, эта пропаганда мало успѣла. Населеніе, исповѣдовавшее православіе, крѣпко держалось своей старой дѣдовской вѣры. Самый большій успѣхъ католическая пропаганда имѣла въ серединѣ прошлаго столѣтія во время греко-болгарской церковной распри. Успѣхъ ея выразился въ присоединеніи города Кукуша и нѣсколько десятковъ селъ, которыя въ настоящее время пользуются защитой австрійскихъ миссіонеровъ и консуловъ. Уніаты являются свободными и неприкосновенными отъ турецкихъ безчинствъ. Уніатовъ въ Македоніи въ настоящее время насчитываютъ около 80,000.

Но послѣ Берлинскаго трактата, когда злосчастная область была предложена на съѣденіе всякимъ пропагандамъ, католичество сдѣлало большіе успѣхи какъ въ Македоніи, такъ въ Старой Сербіи и въ Албаніи. Католическіе миссіонеры ловко воспользовались мутнымъ положеніемъ страны и густою сѣтью опутало всю область.

Результатомъ работы католическихъ миссіонеровъ является недавній успѣхъ Австріи, обратившій вниманіе всего свѣта: султанъ издалъ ирадэ, по которому разрѣшается Австріи открыть новыя школы въ Скопскомъ вилаетѣ и построить нѣсколько костеловъ въ Албаніи, при чемъ разрѣшается увеличить консульскія агентуры въ Старой Сербіи.

Говоря о дѣятельности католической пропаганды нельзя не вспомнить недавнія сообщенія славянскихъ газетъ о поддержкѣ на австрійскія средства многихъ турецкихъ чиновниковъ и албанскихъ беговъ, которые являются фактическими помощниками папскихъ миссіонеровъ.

Австрія — единственная защитница папскаго престола и поэтому австрійскій императоръ пользуется титуломъ аппостольскаго величества. По карловацкому миру (1699 г.) Австрія выхлопатала себѣ исключительное право быть покровительницей католиковъ Отоманской имперіи. Право это Австрія и до сихъ поръ держитъ за собою. Преслѣдуя религіозныя цѣли въ отношеніи къ Ватикану, она въ тоже время проводитъ и политическія свои задачи относительно расширенія своихъ границъ.

Недавно еще, только временно, окупированныя провинціи

Босна и Герцеговина, за истекшіе 23 года сдѣлались полнымъ пошалыкомъ Австро-Венгріи какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ присвоеніи этихъ провинцій. Недавняя папская булла о преобразованіи пріюта св. Іеронима въ Римѣ въ „Collegium gens Croatica“ захватываетъ не только Славонію, Кроатію и Хорватію, но всецѣло весь восточный берегъ Адріатическаго моря съ Босной и Герцеговиной и даже Черногоріей и Албаніей. Этотъ коллегіумъ будетъ новымъ главнымъ разсадникомъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ католичества на Балканскомъ полуостровѣ. А пришедшія недавно извѣстія изъ Вѣны, какъ сообщаетъ *Галичанинъ*, галицкій уніатскій митрополитъ Андрей Щептицкій обошелъ уже оккупированныя провинціи и при свиданіи съ католическими епископами означенныхъ провинцій разсуждалъ о постепенномъ введеніи церковной уніи въ этихъ недавно геройски православныхъ провинціяхъ, для чего будутъ высланы туда уніатскія священники-миссіонеры, которые приготовятъ почву для принятія босно-герцеговинскими сербами церковной уніи. Какъ унія, такъ и католичество всегда служили хорошимъ орудіемъ, для наступательной политики Австріи. Ту же участь повидимому, готовитъ она и Македоніи...

VII

Италіанская пропаганда не имѣетъ ничего общаго съ католичествомъ. Италія спитъ и мечтаетъ мозгами общества *Dante Aligieri*, преслѣдующее патріотическую задачу вести пропаганду для расширенія вліянія, а впослѣдствіи и границъ Италіи. Это общество насчитываетъ свыше 9,000 членовъ съ значительными суммами.

По словамъ товарища министра народнаго просвѣщенія г. Томана, говорившаго о задачахъ Балканской пропаганды на общемъ засѣданіи общества, италіанская пропаганда располагаетъ въ настоящее время нѣсколькими техническими и торговыми школами и готовится къ учрежденію ремесленныхъ

школъ въ Албаніи и къ увеличенію италіанскихъ консульствъ въ Косовскомъ вилайетѣ, т. е. въ Сѣверной Македоніи.

Италіанская пропаганда ставитъ пока еще въ районъ своихъ интересовъ только Албанію и Старую Сербію. Въ Македоніи же она является элементомъ, увеличивающимъ число пропагандъ.

Ту же самую роль въ Македоніи играетъ и Румынская пропаганда. Нѣсколько десятковъ тысячъ куцовлаховъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Средней Македоніи также не сдѣлаютъ „народности", какъ и первыя ласточки не дѣлаютъ весны.

Румынія, будучи сама по себѣ искусственно созданной державой европейской дипломатіей, является какимъ-то клиномъ между сѣверо-восточнымъ и южнымъ славянствомъ. Офиціально Румынія примкнула уже къ Тройственному союзу и потому исполняетъ всѣ его предписанія.

Травля, поднятая въ прошломъ году на болгаръ по адресу македонско-одринскаго комитета была совершенно неосновательна. Какъ болгарское правительство, такъ и болгарское общество были чужды цѣлямъ македонскаго комитета, который состоялъ и состоитъ исключительно изъ македонскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ Болгаріи. Болгарская печать и болгарское общество неоднократно выражали неpріязнь къ организаціи македонскаго комитета. Болгаре благоустроены у себя дома, и большинство нынѣшнихъ молодыхъ дѣятелей княжества представленія не имѣетъ о турецкомъ игѣ. Поэтому они и не понимаютъ въ большинствѣ случаевъ значенія и задачи македонцевъ. „Сытый голоднаго не разумѣетъ". Вмѣсто помощи, вмѣсто хлѣба они подаютъ брату своему камень.

Группа македонскихъ интеллигентовъ, проживая въ „свободной" Болгаріи имѣютъ мысль объ оказаніи помощи измученной ихъ родинѣ и „толкутся въ двери" цивилизованной христіанской Европы и ищутъ, въ надеждѣ, что имъ двери *отверсты* — будутъ и что имъ *дастся!* Они просятъ именемъ Христа пріостановить губительный режимъ надъ ихъ народомъ, режимъ, готовый въ пепелъ обратить ихъ родину. Правда, нѣсколько отчаявшихся молодыхъ македонцевъ, не

находя нигдѣ поддержки и теряя надежду на лучшее будущее начали себя вести осудительно и недостойно, но ихъ дѣйствія не были поддержаны обществомъ и комитетомъ.

Во всякомъ случаѣ македонскій комитетъ и филіи его были до сихъ поръ единственными *ходатаями* о судьбѣ, объ участи македонскихъ славянъ. Никто, ни болгаре княжества, ни сербы, ни греки, ни румыны, ни итальянцы, ни австрійскіе культуртрегеры не сказали до сихъ поръ ни единаго слова передъ свѣтомъ, чтобы заступиться за невинныхъ жертвъ, ежедневно уходящихъ ad patres или отправляемыхъ въ кандалахъ въ Діарбекиръ и другія города Малой Азіи въ ссылку, откуда никто больше не возвращается.

А этихъ жертвъ не десятки и не сотни;—по послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Македоніи въ теченіи весны и лѣта 1901 г. арестовано было свыше 1000 человѣкъ. Подъ видомъ ловли *комити*, якобы причастныхъ къ македонскому комитету, турецкія власти вмѣстѣ съ арнаутскими разбойническими шайками ловятъ, насилуютъ, грабятъ, жгутъ, рѣжутъ, убиваютъ и арестовываютъ славянское населеніе Македоніи. При этомъ не обходится и безъ доноса или клеветы той или иной пропаганды...

„Объ этихъ подробностяхъ ни одинъ русскій органъ не могъ до сихъ поръ интересоваться и давать подробный отчетъ, въ виду бывшихъ событій на Дальнемъ востокѣ“, такъ мнѣ сказалъ одинъ публицистъ, котораго я просилъ помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя мною изъ Македоніи.

Однако, на состоявшейся въ аудиторіи Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ лекціи о печальномъ положеніи всѣхъ славянскихъ народностей разрозненныхъ между собою и на тему, что ни одинъ славянскій народъ не соединенъ еще!, г-нъ Вергунъ сказалъ нѣсколько вполнѣ справедливыхъ словъ о Македоніи и объ юнакѣ—Сарафовѣ [1]).

Но все, что вѣнская и будапештская печать пишетъ о Македоніи и македонскомъ комитетѣ есть чистая сплетня и ложь, направленная къ тому, чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе въ Европѣ и парализовать всякое къ нему

---

[1]) Лекція была прочитана 21 ноября 1901 года при огромномъ стеченіи московской публики.

довѣріе и симпатіи въ Россіи. Вѣдь и до освободительной войны 1877 — 78 гг. существовалъ болгарскій комитетъ въ Румыніи. Въ тотъ комитетъ входили болгаре изъ сѣверной Болгаріи, изъ Тракіи и изъ Македоніи.

Макед. ком. въ Софіи съ своими филіями, кромѣ политическаго своего назначенія исполняетъ роль и чисто благотворительнаго учрежденія, оказывая помоць безпріютнымъ эмигрантамъ, спасающимъ свою жизнь отъ звѣрскихъ рукъ турка или отъ ятагана арнаута.

VIII

Наконецъ, въ послѣдніе десять лѣтъ — замѣчается сильное движеніе, такъ называемаго, *панъ-исламизма.*

Панъ - исламизмъ стремится къ сгруппированію всѣхъ магометанскихъ народовъ и къ организаціи силы для борьбы съ европейской цивилизаціей и христіанствомъ.

Главный источникъ этого движенія является Стамбулъ.— Благодаря странствующимъ мулламъ идея панъ - исламизма распространилась по всему земному шару и призыву проповѣдниковъ послѣдовало огульное стеченіе въ Турецкую имперію со всѣхъ концовъ мусульманъ. Изъ Босны и Герцеговины, изъ Сербіи, Болгаріи, Добруджи, Румыніи и Россіи тысячи мусульманъ эмигрируютъ въ Турцію, покидая насиженныя свои земли и имущества. Заговорилъ великій пророкъ и всѣ правовѣрные сбираются къ его мантіи, находящейся въ Стамбулѣ.

Понятно, при настоящемъ положеніи панъ-исланизма, готовящагося къ послѣдней и самой рѣшительной борьбѣ съ христіанствомъ, весьма естественнымъ является то звѣрское преслѣдованіе славянъ въ Македоніи, которое ничуть не меньше прежнихъ избіеній и преслѣдованій, породившихъ освободительную войну.

Башни и тюрьмы въ Скопьѣ, Битольи, Охридѣ, Велесѣ, Солуни и др. городахъ переполнены видными и зажиточными болгарами - македонцами. Учителя, доктора и священники составляютъ крупную величину между арестованными и ссылаемыми македонянами.

Нужно быть мало знакомымъ съ устройствомъ турецкой полиціи и тюремъ, чтобы понять истинное положеніе арестовываемыхъ „болгарскихъ“ преступниковъ.

Отъ мученій, перенесенныхъ македонскими жертвами истекшимъ лѣтомъ при передвиженіи ихъ съ одного пункта въ другой, при видѣ душу раздирающихъ сценъ даже грубое сердце противниковъ не выдерживало, и во многихъ сербскихъ и греческихъ листкахъ можно было встрѣтить корреспонденціи, полныя сожалѣнія и сочувствія къ арестованнымъ македонскимъ болгарамъ.

Панъ-исламизмъ, пользуясь услугами агентовъ разныхъ пропагандъ и ятагановъ изувѣровъ-арнаутовъ стремится окончательно избавиться отъ македонскихъ болгаръ, отъ проявленія македонскаго комитета и т. п.

Быть можетъ истребленіе и гибель македонскихъ славянъ окажутъ большую услугу всему прочему славянству, избавятъ его отъ новыхъ массовыхъ кровопролитій и, такъ сказать, дастъ имъ возможность развиваться и идти по пути общечеловѣческаго прогресса — тогда противъ этого ничего нельзя будетъ сказать и сдѣлать. Всегда опасный и зараженный членъ отрѣзаютъ для спасенія всего организма.

Македонскіе славяне первые оказали первую и огромную услугу всему славянству, давши имъ *славянскіе письмена* и Христову вѣру на ихъ родномъ нарѣчіи. Они же теперь, можетъ быть, окажутъ послѣднюю услугу ему своей смертью. Родина Кирилла и Меѳодія, эта колыбель славянскаго ума и самосознанія, по волѣ рока, должна остаться попранной и навсегда погибшей. Злобный культуртрегеръ куетъ ей новыя оковы на пути своего *Drang nach Osten!*...

Македонецъ.

„Мальчикъ безъ штановъ“, нынѣ Буревѣстникъ.

„Когда нищей и невѣжественной толпѣ говорятъ, что она теперь ничто, а должна быть всѣмъ, и она, увлекаясь этою проповѣдью, льстящею ея страстямъ, идетъ къ разрушенію всего существующаго строя, то подобное явленіе представляетъ величайшую опасность, какая только можетъ грозить человѣческимъ обществамъ. Кромѣ разрушенія и хаоса, изъ этого ничего не можетъ выйти“.

Б. Чичеринъ. „Философія Права“, стр 279.

„Каждый принимаетъ за идеалъ созданія своего скудоумія. Фантазировать можно сколько угодно и на всѣ лады; этому нѣтъ предѣловъ. Нѣтъ также критики и оцѣнки, ибо что можно возразить противъ слѣпой вѣры въ фантастическое будущее? Остается разгулъ воображенія, не знающій границъ. Отсюда проистекаютъ тѣ дикіе соціалистическіе идеалы, которые господствуютъ въ настоящее время среди невѣжественныхъ массъ и недоучившагося юношества, подстрекаемаго шарлатанами“.

Б. Чичеринъ. „Философія Права“, стр. 80.

Знаменитый щедринскій „мальчикъ безъ штановъ“ не исчезъ безслѣдно: онъ подросъ, понатерся среди людей, схватилъ тѣ „послѣднія слова знанія и выводы науки“, которые такъ легко усвоиваются безъ всякихъ знаній и безъ всякой науки, и, „развившись“, онъ прогуливается доднесь по „саду россійской словесности“. „Однако, братъ, у васъ чисто,—ишь вѣдь какъ чисто,—плюнуть некуда!“—ну, развѣ это не Писаревъ и присные въ недоумѣніи: къ чему сладкіе звуки поэзіи,

изящество мысли, чувства и ихъ выраженій? „Мямлишь, канитель разводишь, слюнями давишься. Отчего ты такъ скучно говоришь,—инда голову разломило“,—а здѣсь развѣ не чувствуется тотъ бравирующій дикостью и уличной грубостью выраженій своеобразный жаргонъ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ у „свѣжихъ, новыхъ, свѣтлыхъ и т. д.“ личностей того времени и въ ихъ литературныхъ отголоскахъ? И теперь развѣ съ М. Горькимъ и его героями не явился вновь къ намъ тотъ же „мальчикъ безъ штановъ“, но уже съ претензіей на значеніе пророка, съ рѣчью требовательной, а въ устахъ его героевъ подчасъ и довольно наглой.

Значеніе, которое М. Горькій хотѣлъ бы видѣть въ своей писательской дѣятельности, опредѣлено имъ самимъ достаточно ясно въ небольшомъ стихотвореніи въ прозѣ: онъ — *буревѣстникъ.* Онъ — гонецъ наступающихъ событій, предвѣстникъ надвигающейся бури, онъ чувствуетъ ту смуту, которая въ дерзкихъ и злобныхъ порывахъ бездомныхъ массъ должна оформиться въ концѣ концовъ въ „новую прекраснѣйшую жизнь“, онъ слышитъ уже,—одинъ слышитъ!—дальній грохотъ той страшной волны, которая готова въ дикомъ бушеваньи пронестись по нашей землѣ, онъ — глашатай народа,—правильнѣе, несчастной части народа: бездомной, безбожной, нищей, но властно-требовательной, свирѣпой и наглой. Дикая борьба — люба буревѣстнику; онъ самъ сродни этой бурной стихіи, онъ испытываетъ страстныя наслажденія предстоящей бури,—бѣшеной схватки моря и вѣтра, стихійнаго боя неба и волнъ... Нѣтъ надобности, разумѣется, подчеркивать полную очевидность того, что это *буревѣстничество* — поэтизація *разбойничьихъ ощущеній*, принявшая, подъ вліяніемъ поверхностно - схваченныхъ афоризмовъ Ницше, удаль безшабашныхъ головорѣзовъ, нашихъ разудалыхъ добрыхъ молодцевъ былыхъ временъ, героевъ Волги и дремучихъ лѣсовъ, за какую-то созидательную свѣтлую силу. Что же иное, въ самомъ дѣлѣ, могло бы представить собою это фантастическое босяческое движеніе, какъ не варварскіе погромы, дикое буйство безумной и грубой толпы? На это достаточно ясно указываютъ и самыя „сильныя и смѣлыя“ рѣчи

этихъ „новыхъ и сильныхъ людей“. Вотъ одно изъ этихъ „новыхъ словъ“, вложенное въ уста сапожника: „*раздробить* бы всю землю въ прахъ, или *собрать шайку* товарищей и жидовъ *перебить* всѣхъ до одного. Или вообще, *что-нибудь этакое*, чтобы *стать выше всѣхъ людей* и *плюнуть* на нихъ съ высоты и сказать имъ: ахъ, вы, гады, гады, зачѣмъ живете, какъ живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего. И потомъ внизъ тормашками съ высоты и — вдребезги!“... Раздробить, перебить, плюнуть,—какъ не нова вся эта „проповѣдь“ разбоя, насилія, дикости, и какъ она по-старому пошла и отвратительна. И всѣ эти „новыя слова“ Горькаго въ лучшемъ случаѣ только повторяютъ ничуть не особенное чувство страданія въ сознаніи неправды жизни, случайно-жестокой, случайно - доброй, однихъ незаслуженно тѣшащей счастьемъ и лаской, другихъ втаптывающей въ грязь, убожество, нищету, гибель,—въ худшемъ же сплошь пропагандируютъ то „міровоззрѣніе“ мастерового съ похмелья, когда разнообразныя мутящія его настроенія съ главенствующимъ чувствомъ пьяной озлобленности такъ и подталкиваютъ созорничать, намерзить, наскандалить.

Въ теоретическихъ воззрѣніяхъ героевъ М. Горькаго сказалось вліяніе Ницше,—приблизительно въ томъ же отношеніи, въ какомъ на „мысляхъ“ Смердякова отразилась философія Ив. Карамазова. Повидимому, Ницше будетъ имѣть то же значеніе въ русской литературѣ, какое имѣлъ въ свое время Байронъ. На одного Лермонтова, въ своей загадочной, чудесной, неразъясненной и не успѣвшей разъясниться душѣ *родного* душѣ Байрона, приходится цѣлый рядъ совсѣмъ ужъ нелѣпыхъ личностей,—разнаго рода разочарованныхъ, сильныхъ натуръ, неоцѣненныхъ душъ и другихъ крошечныхъ великихъ людей, напоминающихъ Аркашку Счастливцева въ роли Гамлета или Отелло. Новый „демонъ“ нашего времени— Ницше, такой же загадочный, безпокойный духъ, какъ и Байронъ, страшно обаятельный именно чарующею силой своего слова, необычайныхъ порывовъ, страстнаго и глубокаго презрѣнія. Своею неразгаданной до конца мыслью онъ производитъ впечатлѣніе таинственнаго пришельца, откуда-то,

съ тѣхъ удивительныхъ высотъ, на которыя никто не восходилъ до него, о которыхъ даже никто и не зналъ, взглянувшаго на мысль, жизнь и исторію человѣчества и „горькимъ смѣхомъ своимъ, посмѣявшагося надъ міромъ. Не говоря уже о ничтожныхъ карликахъ, незамѣтныхъ въ краяхъ плаща этого гиганта, ницшеанство отразилось на нѣкоторыхъ нашихъ и талантливыхъ писателяхъ и среди нихъ съ особенною силою на молодомъ поэтѣ и философѣ Мережковскомъ: въ своихъ послѣднихъ стастьяхъ о гр. Л. Толстомъ онъ болѣе чѣмъ вдохновленъ,—онъ одушевленъ Ницше, и какъ бы самъ онъ, отстаивая оригинальность своей мысли, ни отрицалъ свое „ницшеанство“, каждый читатель, болѣе или менѣе обстоятельно познакомившійся съ твореніями Ницше, видитъ не только въ основныхъ точкахъ зрѣнія и руководящихъ идеяхъ Мережковскаго (какъ, напримѣръ, въ важнѣйшихъ идеяхъ культа Діониса, двухъ безднъ, святой плоти и пр.), но даже въ большинствѣ его общихъ и частныхъ понятій, въ самыхъ излюбленныхъ выраженіяхъ *отраженіе* въ его душѣ души Ницше. Но если у такого философа, какъ Мережковскій, вліяніе Ницше сказывается въ *дѣйствительномъ вдохновеніи*, то у такихъ писателей, какъ М. Горькій, — очень талантливый повѣствователь, но, во всякомъ случаѣ, крайне ненадежный мыслитель, — все „ницшеанство“ сводится къ болѣе или менѣе умѣстному повторенію наиболѣе сильныхъ фразъ Ницше. Вотъ цѣлый рядъ ницшевскихъ афоризмовъ, пересказанныхъ „своими словами“ М. Горькимъ („О писателѣ, который зазнался“ въ *Славянскомъ Вѣкѣ*, 1901 г. №№ 25 и 26): „Скоро придутъ *иные люди, люди смѣлые, честные, сильные!*... Это *тяжелое, грязное зданіе* все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило; оно *сотрясается* отъ дряхлости, *охвачено предчувствіемъ близкаго разрушенія и въ страхѣ ждетъ только, чтобы съ шумомъ развалиться*. И уже зрѣютъ *силы для толчка*: онѣ нарастаютъ, вспыхиваютъ, онѣ *едва могутъ сдержать сами себя*, и то тамъ, то здѣсь *вспыхиваютъ пламенемъ нетерпѣнія*. Онѣ придутъ; тогда старое зданіе задрожитъ, рухнетъ на голову вамъ и *раздавитъ васъ*, хотя вы только за то достойны казни, что ничего не сдѣлали. Но—*виновныхъ нѣтъ въ жизни*..

Слыхали ли вы что-нибудь объ истинѣ, справедливости, о *желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми?*.. Если бы у васъ было *здоровое, цѣльное чувство любви къ жизни!* Вѣдь вы не любите жизни, вы боитесь ея, вы тихонько, какъ воръ, отрываете отъ нея кусочки, *кроткіе люди, бѣдные нищіе!*.. Я вотъ смотрю *въ ваши тусклые глаза* и со страхомъ вижу, какъ мало среди васъ *смѣлыхъ*, какъ мало честныхъ! Бѣдна страна моя *людьми сильными*, а ужъ вновь наступило время, когда ей нуженъ *герой*"...

Популярность М. Горькаго началась съ того времени, какъ онъ „открылъ живую душу" у босяковъ. Давъ рядъ изображеній незаурядныхъ личностей, сохранившихъ свѣтлыя и человѣчныя качества души при невозможно дурныхъ условіяхъ жизни, М. Горькій стяжалъ репутацію пророка, раскрывшаго предъ русскимъ обществомъ новыя перспективы. Пусть такъ; но странно, неужели мы, живущіе среди людей весьма разнообразнаго общественнаго положенія, умственнаго и нравственнаго склада, воспитанія, душевно-природныхъ качествъ, не понимали до сихъ поръ, что всюду встрѣчаются прекрасныя души, одаренныя жизненными талантами, что и въ гибнущихъ, загнанныхъ жизнью людяхъ можно встрѣтить проблески лучшихъ, человѣчно-свѣтлыхъ чувствъ, что даже среди грубой, необузданной, одичавшей пьяной „голи кабацкой", толпы полубродягъ, неуживчивыхъ, негодныхъ для тихой культурной жизни, бездомовныхъ по призванію, какъ рѣдкое исключеніе, могутъ найтись натуры исключительныя, своеобразно-поэтическія и глубокія? Странно это вѣчное дѣтство нѣкоторой части нашей читающей публики и подобострастной предъ ея исключительно аффективными симпатіями критики, съ крайней наивностью видящихъ великое открытіе, имѣющее какое-то непонятное пророческое значеніе тамъ, гдѣ налицо рядъ разсказовъ о болѣе или менѣе идеализованныхъ незадачливыхъ людяхъ, не совсѣмъ еще погибшихъ, не до конца озвѣрѣвшихъ.

М. Горькій значителенъ не тѣмъ, что даетъ рядъ интересныхъ очерковъ изъ жизни далеко не всѣмъ доступнаго класса людей, — нѣтъ, онъ „несетъ новое слово". Кто рѣ-

шился это сказать?.. Новое *слово* — эти безсвязныя, безпорядочныя выкрикиванія притязательныхъ хлёсткихъ фразъ, этотъ площадной цинизмъ, эти однообразные — даже не порывы, а всего лишь косноязычныя потуги выразить какое-то неопредѣленное чувство, какую-то засѣвшую мысль, которая и вся то, быть-можетъ, — только жалкіе обрывки случайно подхваченныхъ наиболѣе ходячихъ великихъ идей нашего времени? Гдѣ, въ чемъ мы увидѣли въ М. Горькомъ эту важную для человѣчества новую мысль? И гдѣ же наша вѣковая религія, философія, высокая поэзія, развѣ мы не знаемъ вѣчно-единаго слова человѣчности? — или и для насъ, какъ для босяковъ, эта великая школа культуры была недоступна, осталась неизвѣстна, или намъ нечему было въ ней научиться? Неужели нѣтъ у насъ тѣхъ тихихъ и свѣтлыхъ чувствъ, въ которыхъ мы ясно ощутили бы всю мерзость этого „буревѣстничества", нѣтъ тѣхъ лучшихъ воззрѣній на жизнь и человѣческое достоинство, при которыхъ вся эта безсильно и безславно бушующая полупьяная толпа предстала бы предъ нами во всемъ своемъ ничтожествѣ? И мы, имѣющіе такихъ великихъ и свѣтлыхъ вѣчныхъ учителей человѣчества, могли увидѣть дѣйствительно какихъ-то творцовъ жизни въ новой правдѣ и новомъ свѣтѣ тамъ, гдѣ передъ нами только гибнущіе, безвозвратно потерянные для жизни, несчастные люди? Неужели такъ трудно понять, что, увлекаясь *силою* героевъ М. Горькаго, мы стоимъ на прискорбно низменномъ уровнѣ пониманія, не сознавая, какія въ дѣйствительности идеи, чувства и силы только и могутъ быть достойными человѣка, не умѣя различить, что воля, свобода, сила въ ихъ высокомъ человѣчномъ значеніи не имѣютъ ничего общаго ни съ бурнымъ своеволіемъ, ни съ свободою душегубства и разбойничества, ни съ больною жаждой гибнущей души къ разрушенію, буйству, безумной, безсмысленной борьбѣ. И неужели кто серьезно могъ бы повѣрить, что „новыя слова" героевъ М. Горькаго дѣйствительно слово нашего великаго народа, обдуманное въ долгихъ и тихихъ его многовѣковыхъ думахъ, а не безсильные вопли гибнущей народной богемы, оторванной злою судьбой отъ земли, семьи, крова?

Впрочемъ, почитатели все ждутъ еще „послѣдняго“ новаго слова отъ М. Горькаго. Насколько *сильно* будетъ это слово, объ этомъ приблизительно можно судить по тому обращенію къ публикѣ „съ длинными ушами“, которымъ бѣдный опьяненный всеобщимъ восторгомъ „зазнавшійся“ писатель заканчиваетъ свою своеобразно-ругательную рѣчь: „*Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!* Если бы вы знали, какъ вы жалки, какъ вы противны, какъ ужасно тяжело жить среди васъ... Пошли, Господи, побольше бѣдъ на ваши головы, дабы вы обезпокоились, дай, Боже, множество тревогъ вамъ, чтобы вы ожили!“...

Но — кто поручится? — быть-можетъ, именно это-то „мощное“ ругательство — (если только это не жалкое подражаніе шекспировскому Тимону Аѳинскому), — еще болѣе возвыситъ М. Горькаго въ глазахъ его поклонниковъ, еще прочнѣе утвердитъ эту комичную своими претензіями фигурку въ положеніи новаго „пѣвца свободы, мести и любви“, очевидно, выступившаго на смѣну прежнему герою нашего общества, — по крайней мѣрѣ, его части, еще не имѣющей аттестата зрѣлости, — маленькому великому человѣку въ царствѣ фразы, Надсону.

Мы не хотимъ учиться у великихъ вѣчныхъ всемірныхъ учителей, не хотимъ знать и нашихъ лучшихъ національныхъ мыслителей и дѣятелей въ области родной культуры, не признаемъ правъ на руководство нашею мыслью ни за серьезной наукою, ни за школой, пренебрегаемъ религіозною культурою *чувства, воли и слова*, — оттого и мельчаетъ нашъ умъ, и намъ посылаются „пророки“, достойные насъ, годные лишь на то, чтобы „крѣпко“ ругаться, да поражать міръ своими рабочими блузами. Какъ все это мелко и пошло!

Н. Московцевъ.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

Памятникъ Бисмарку въ Москвѣ и болгарская печать.

Открытіе памятника Бисмарку въ Москвѣ представляется въ глазахъ болгаръ въ весьма преувеличенномъ видѣ. Ихъ газеты сообщаютъ объ этомъ „странномъ явленіи“, какъ онѣ называютъ открытіе памятника, съ какимъ-то сожалѣніемъ и безпокойствомъ. Въ ихъ глазахъ этотъ памятникъ шокируетъ и „оскверняетъ святилище всего Славянства — Москву“. Софійская независимая газета *Вечерна Поща*, сколько ни силится, но никакъ не можетъ понять, какое отношеніе имѣла Москва къ Бисмарку и наоборотъ. „Въ этой колыбели Великой Россіи — пишетъ газета *Вечерна Поща* — теперь воздвигнутъ памятникъ главнѣйшему гонителю и истребителю Славянства, Бисмарку! Южное Славянство не смѣетъ больше обращать свои взоры къ прежнему славянскому Іерусалиму, такъ какъ тамъ увидитъ теперь истуканъ своего исконнаго врага, который парализовалъ Россію на Берлинскомъ конгрессѣ и расчленилъ южное Славянство на дробныя части. Бошнякъ и Герцеговинецъ, Македонецъ и Южнотракіецъ перестанутъ теперь поминать имя святой для нихъ Москвы, такъ какъ тамъ выросъ идолъ Бисмарка! И это не сонъ!“ Въ заключеніе газета выражаетъ надежду, что святая Москва въ скоромъ времени поставитъ противъ памятника Бисмарку другой, величественный памятникъ Суворову.

Бюстъ Бисмарка открытъ весной 1901 года въ саду нѣмецкаго пріюта и не сооруженъ, а просто поставленъ на тумбочкѣ какъ всякая садовая статуя. Памятника она ни въ

какомъ случаѣ не представляетъ. Выставленъ же онъ не на городской какой-либо площади, а въ саду, принадлежащемъ нѣмецкой колоніи, который никто, кромѣ призрѣваемыхъ въ пріютѣ, при которомъ находятся этотъ садъ, и московскихъ нѣмцевъ, не посѣщаетъ. Пріютъ носитъ названіе: Friedrich Wilhelm-Victoria-Stift.

С. И.

О Русско-Славянской журналистикѣ.

(Письмо изъ Галиціи).

„Со смертью послѣдняго изъ могиканъ“ русско-славянскаго общенія и духовнаго единенія, редактора „Руси“ незабвеннаго корифея-проповѣдника славянства, Ивана Сергѣевича Аксакова, какъ бы заглохла журналистика, посвященная общеславянскимъ интересамъ. Въ русской повседневной печати за это время хотя и появлялись изрѣдка краткія свѣдѣнія о бытѣ и положеніи современной жизни славянскихъ народовъ, но они давались въ такой гомеопатической дозѣ, кое-какъ, часто безъ начала и безъ конца, что трудно приходилось русскому читателю понять, о чемъ и о комъ шла рѣчь въ томъ или иномъ случаѣ. И эти свѣдѣнія большею частью заимствовались изъ нѣмецкихъ и англійскихъ источниковъ, всегда освѣщающихъ факты тенденціозно, не въ пользу русскихъ и зарубежныхъ славянъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ русскихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, найдется не болѣе *десятка*, которыя бы давали нѣсколько сносныя извѣстія о славянахъ, какъ-то: *„Новое Время“*, *„Свѣтъ“*, *„Московскія Вѣдомости“*, *„С.-Петербургскія Вѣдомости“*, *„Кіевлянинъ“*, и нѣкот. др. Остальное же громаднѣйшее большинство русскихъ газетъ, находясь въ рукахъ жидовскихъ или инородческихъ, имъ подобныхъ, космополитическихъ „дѣятелей“ или совершенно игнорировали славянскія вопросы, или давали о нихъ завѣдомо ложныя сужденія и заключенія.

Интереснымъ фактомъ является и то обстоятельство, что въ то время, когда разныя нѣмецкія, англійскія и француз-

скія редакціи имѣютъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ зарубежныхъ славянскихъ земляхъ, русскія газеты, занимающіяся славянскими вопросами, за рѣдкимъ исключеніемъ, не имѣютъ таковыхъ. Благодаря этому въ русскихъ газетахъ иногда встрѣчаются не вполнѣ правдивыя извѣстія, написанныя такъ себѣ, лишь бы было написано. Причемъ народности часто перепутываются. Иногда дѣятель одной страны разсматривается въ обозрѣніи другой. То же самое случается съ названіями провинцій, городовъ и т. п.

Одно время при Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ издавались повременныя *„Славянскія Извѣстія“*, съ весьма обширнымъ и дѣльнымъ матеріаломъ по славянскимъ вопросамъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ это изданіе просуществовало всего нѣсколько лѣтъ. Также прекратилось на второмъ году богатое изданіе ежемѣсячнаго журнала *„Славянское Обозрѣніе“*, подъ редакціей извѣстнаго слависта и славянобора профессора Ант. Сем. Будиловича. Оба эти изданія какъ-то оказались обособленными и мало извѣстными русской читающей публикѣ. „Русскія“ газеты игнорировали и своевременно не поддержали.

Къ сожалѣнію, въ Россіи многія торговыя предпріятія и общества очень часто называютъ себя *русскими*, тогда какъ въ дѣйствительности находятся въ рукахъ евреевъ и разныхъ инородцевъ. Такъ и добрая часть прессы называетъ себя *русской*, пишетъ на русскомъ языкѣ, но въ тоже время разсуждаетъ не *по русски*, а наоборотъ между строками нападаетъ на все *русское*, на все *славянское*. Читателю же неизвѣстно кто скрывается за той или иной маской, носящей названіе *русской* газеты.

Въ Россіи я мало встрѣчалъ считающихся интеллигентами, знающихъ что-либо о нашей многострадальной Галиціи. Съ болью приходилось разъяснять своимъ же *братьямъ* самыя элементарныя географическія и историческія свѣдѣнія о русскихъ галичанахъ, о Буковинѣ, о древней столицѣ *Червонной* Руси - Львовѣ и т. п. Не грѣшно ли это?

К. — скій.“

Примѣчаніе. Мы не совсѣмъ согласны съ преувеличеніями нашего корреспондента. Не такъ ужъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ. Это во 1-хъ. А во вторыхъ мы можемъ убѣдить г-на К.— скаго, что всетаки большинство русскихъ газетъ издаются русскими же людьми Если же газеты мало занимаются славянами, то вина въ этомъ въ самихъ славянахъ. Ихъ рознь, ихъ политическая и междоусобная борьба представляетъ мало интереса.

Но и при всемъ томъ въ Петроградскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ съ 1-го января 1902 года возобновляются *Извѣстія Сласянскаго Общества,* которыя будутъ выходить ежемѣсячно въ 4 листа, подъ редакціей *и при участіи* профессоровъ: А. С. Будиловича, П. А. Лаврова, П. С. Пальмова и отвѣтственнаго редактора — члена общества — В. Н. Кораблева.

Мы отъ души привѣтствуемъ возобновленіе *Извѣстій* и желаемъ имъ полнаго успѣха и распространенія.

Нельзя не отмѣтить и другой общеславянскій органъ, издающійся галичаниномъ Д. Н. Вергуномъ подъ названіемъ *Славянскій Вѣкъ* въ жидово-швабской Вѣнѣ. Этотъ журналъ издается на русскомъ языкѣ два раза въ мѣсяцъ и преслѣдуетъ цѣли: 1) дать русско-славянскому читателю полное, ясное и *правдивое* представленіе о культурной жизни всего славянства; 2) итти на встрѣчу потребности югозападныхъ славянъ, ознакомиться съ русской рѣчью; 3) поощрять торговыя сношенія западныхъ славянскихъ земель съ Россіей и Цѣна въ Россіи на годъ 6 рублей; подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени* и у предсѣдателя Московскаго Славянскаго Общества А. И. Черепъ-Спиридовича (Москва, Кузнецкій мостъ, пассажъ Джамгаровыхъ, 43). Адресъ редакціи журнала *Славянскій Вѣкъ:* Wien VIII/$_2$, Bennogasse, № 22. D. N. Vergoun.

Славянскому Вѣку въ настоящее время идетъ II-ой годъ изданія (съ 1-го іюля 1901 года) и въ вышедшихъ уже 36 номерахъ данъ обильный и весьма интересный матеріалъ по общеславлянскимъ вопросамъ.

М. О.

